



Наталья Иванова

Дамские посиделки

Эти посиделки начались, как это описывалось в романе «Парнасские сестры»... в скайпе. Мы пережили с Ириной Анатольевной самые страшные дни, когда уничтожали ее жизнь.

И в этот момент она, тем не менее, рассматривала дело о «кислотной атаке» в Большом театре, пытаясь спасти от публичной травли и уничтожения ведущих солистов балета.

При нашем непосредственном участии был написан замечательный роман «Парнасские сестры» об искусстве, о смысле бытия, о неразрывности истории

всего человечества, о том, что все мы – часть бесконечной истории...

Роман был написан в конце июля 2014 года, но чудеса не произошло. Ирину Анатольевну ожидало очередное предательство, как бы дополнительное доказательство тщетности всех ее усилий. По этой причине поначалу ее охватило сильное отчаяние. Вот тогда-то и возникла эта идея дамских посиделок, чтобы как-то пережить очередные трудные времена.

Что поделать, у нас действительно разрушены все нормальные пути замыкания эстетической триады «автор-образ-читатель», поэтому перед нашей Каллиопой вновь встал призрак голодной смерти.

Несмотря на все внешние обстоятельства, в Ирине Анатольевне присутствовали нестигаемый дух и ее неподражаемый юмор. Она с легкостью приняла на себя образ королевы в изгнании. Признаться, этот образ очень ей шел, вдобавок она умудрялась сделать его смешным.

В сущности, эти дамские посиделки постепенно приобрели форму вебинаров, но не тех, которые уже начали обременять публику... вроде *«заплатите деньги, мы научим вас быть счастливым»*. Нет, это было особое интеллектуальное развлечение.

И поначалу это было что-то вроде дамского литературного салона. До тех пор, пока нас не поддерживали наши мужчины. Как всегда. Потому что дамы могут шутить и замечательно изображать королеву в изгнании только в том случае, если твердо знают, что мужчины обязательно придут им на выручку.

Вот так и вспомним наши посиделки с небольшими пояснениями по ходу. Думаю, если немножко пояснить, в каких условиях мы тогда изображали деланную беззаботность... это позволит придать дополнительный драматизм этим небольшим фрагментам неувядающей традиции. Мне иногда кажется, что дамский салон, возможно, единственное, что удерживает общество у края пропасти.

Все эти наши разговоры мы начинали... просто, чтобы отговорить Ирину Анатольевну от решения, к которому ее подталкивали непосредственно на уровне государства. В обычной жизни сложно даже представить себе это немыслимое давление. Однажды она решила, что справедливость лично ей больше не нужна: «Если они спрятали в задницу мою справедливость, то зачем она мне теперь? От нее ведь потом рук не отмоешь!»

Но было и другое. Уверяю вас, что ни одна настоящая дама не станет заниматься тем, что ей не нравится, в чем она не видит позитивного жизнеутверждающего смысла. Так было и в этом случае... Наши посиделки стали для нас необходимостью, и со временем они все больше нравились нам. Только поэтому, возможно, они и переросли в интеллектуальный клуб «Книжной лавки». Впрочем, об этом я расскажу как-нибудь в другой раз.

Красота — это страшная сила...



Этот разговор состоялся в августе, когда Ирина Анатольевна в очередной раз решила, что жизнь ее кончена, а она всем только создает проблемы.

А поскольку все проблемы она привыкла решать сама, то всерьез задумалась и над тем, как больше не создавать никаких проблем окружающим.

А Аделаида у нас любит поворчать. Особенно по поводу огородного сезона. Совершенно не считаясь с тем, что другим по большому счету плевать на ее героическое выращивание картофеля и проблемы с чисткой погребов.

Как сейчас помню, начала она ворчать, а Ирина Анатольевна ей сказала, что у нее проблемы гораздо серьезнее. Но как только она их решит, так сразу все останутся со своими проблемами. Аделаида растерялась и некстати ляпнула, что она ей десять тысяч рублей послала на развитие русской литературы.

Ирина Анатольевна сказала, что на десять тысяч русскую литературу уже никак не разовьешь. Но в ее городе, где она живет, населенном сплошными жлобами, уголовниками и крохоборами, - русскую литературы могут окончательно похоронить на семь тысяч. Лишнего они не возьмут. У них преискурант твердый.

В Аделаиде тогда сработала хозяйская жилка. Она и сказала, что три тысячи оставлять жлобам на помин русской литературы - ни уму, ни сердцу. Тогда Ирина Анатольевна решила, что напоследок сделает толма и имбирное печенье. Чтобы в последний раз побаловать свою сложную многонациональную ментальность. Чтоб сразу была и армянская толма, и польское печенье... в духе мультикультурности.

А после такого угощения она объяснила нам, что решать чьи-то проблемы самоустраниением ей совершенно не хочется. Ведь на оставшиеся семь тысяч можно приготовить настоящий острый бозбаиш, нишабит, дзаварапур, арису, кутап, плаки и кололак ширакский... Не говоря уж о бумбаре мясном. И все ведь это пойдет исключительно на пользу русской литературе. А если добавить к ним назук и пастынер из белой фасоли, то еще массу проблем самых проблемных решить можно. Так и порешили.



Французские художники Soulacroix

Ирина Анатольевна: Красота, Натали, страшная сила! И на этот раз речь пойдет, к сожалению, не о нашей красоте... Все знают, как я люблю красоту, особенно, мужскую. Ну, так уж я устроена, не могу пройти мимо! Как увижу красоту, так сразу останавливаюсь и начинаю ее любить. Люблю, люблю... Мне уж говорят иногда: «Да хватит уже... с него! Вы ж его в конец залюбили! Оставьте и нам маленько!»

Натали: Ага! Мне, мне оставьте маленько!

Ирина Анатольевна: Так в иные моменты бывает и не до вас, извините. Это что-то же... что-то такое магнетическое. И потом... я — слабая женщина, так какой с меня спрос? Все знают, что если я кого-то полюблю, то это ж надолго. Поэтому вежливые люди обычно сидят ждут в сторонке.

Натали: Ничего не могу сказать про спрос, Ирина Анатольевна, но я тоже ТАК люблю мужскую красоту!



гопца-гритца-гоп-ца-ца. Это и есть три четверти! А недостаточно сегодня на ушах стояли. Скажи там, чтоб и завтра стояли... и послезавтра.

Натали: Так что же так вас поразило в социальных сетях?

Ирина Анатольевна: А иду я себе, значит, никого не трогаю. Почти никого! Там этого преподобного Кантора опять пиарили, прям, под нос совали! Но не люблю я гнусавых мутных мужиков, у которых глазки бегают. Пыталась его изучить даже... Хотя сразу поняла, что любить там нечего, один этот «Красный бубен»... или «Красный валенок»... в душе ничего не задержалось, пнула, да дальше пошла.

Натали: ТАК и пнули? Или просто пнули?

Ирина Анатольевна: Ну, раза два я все же по этому бубну пнула, чтоб колодой его больше мне на пути не ставили. А тут гляжу, значит, девки! Прыгают, хохочут, фамилии себе какие-то аристократические выдумали и прыщи замазали. Весело им. И все, заметь, помимо меня!

Натали: Ой, я тоже ТАК не люблю, когда прыщавые девки без вас веселятся! Я люблю, когда они при вас веселиться начинают! Сразу все эти стринги на гвоздик, крики: «Не виноватая я!», плакаты с Димой Бианом в форточку, не говоря уж о пинках... Как вы их мастерски раздаете! Я просто млею!

Ирина Анатольевна: А тут девки-то не простые (которые в Форекс заманивают или свои фотки для мужиков вешают), а, представь себе, свиристелки из «Открытого правительства», собравшиеся поговорить... о мужской красоте!

Натали: Да быть того не может! И вас не позвали? Все же знают, как вы... ну... как же так можно?

Ирина Анатольевна: А они решили, что им все можно с их крысиными личиками, лизоблюдством этим и пресмыкательством! А ты глянь, глянь!

Ирина Анатольевна: А кто ничего не может сказать, так тем вообще помолчать требуется! Да только здесь тема настолько волнительная, что уж говорите и говорите, Натали! Может, нашей болтовней удастся одну жабу чем-то заесть! Не могу прямо всю аж трясет!

Натали: Да что, что ж с вами такое приключилось? Неужто опять в социальных сетях? И на почве мужской красоты? Неужели... Расскажите, немедленно нам расскажите все до конца! Просим-просим!

Ирина Анатольевна: Ой, даже не знаю, как и рассказать-то такое... Я же женщина с тонким эстетическим вкусом, а уж про одухотворенность и говорить излишне.

Натали: Наслышаны, Ирина Анатольевна! А от вашего [IQ сегодня все на ушах стояли!](#)

Ирина Анатольевна: Недостаточно!

Натали: Что, IQ недостаточный? Да мне б половиночку! Хотя была бы согласна и на три четверти.

Ирина Анатольевна: Три четверти — это



Элина Билевская Бытует мнение, что Михаил Абызов самый красивый министр российского правительства. Я как-то никогда этому особого значения не придавала. Но вот рассматриваю фотки с мероприятия 5 августа, когда министр по «Открытому правительству» в компании вице-премьера Дмитрия Рогозина и врио мэра Москвы Сергея Собянина посетили «Композит» в технополисе «Москва» и прихожу к мысли, что, возможно, где-то на подсознательном уровне я с этим утверждением согласна

Антон Чупилко Это предложение?

Элина Билевская Предложение чего?

Антон Чупилко И я вот не пойму он вроде женат ...

Элина Билевская Это лишь размышления по поводу бытующего мнения

Вадим Кантор При этом снимок красивого министра, почему-то, с затылка. И видно, что он небрит.

Alice Kapustina Эля, он на второе место переместился с уходом Вадислава Юрьевича

Элина Билевская Миша всегда не брит, а на снимке ведь главная я, поэтому он с затылка

Varvara Mikhailova На каком подсознательном уровне! Ты что Элина!!! Он красавец что за эвфемизмы)))

Alice Kapustina «Миша»? эээ...



Элина Билевская Варя, я просто его красоты значения никогда не придавала, а теперь вот придала

Элина Билевская Ой, сорри, Михаил Анатольевич

Вадим Кантор На последнем пермском форуме Абызов появился на костылях

Вадим Кантор Действительно, небрит он всегда

Элина Билевская Дорогая, Alice Kapustina если он на второе переместился, то кто на первом?

Alice Kapustina ну сама как думаешь?

Элина Билевская Не, Alice Kapustina ну я бы все же Абызова на первое место поставила, а Дворковича на второе

Alice Kapustina ТЫ НЕ ПРАВА

Элина Билевская Надо голосование среди блондинок провести

Alice Kapustina почему среди блондинок?

Элина Билевская Потому что они больше внимания внешности уделяют

Элина Билевская Брюнетки по уму будут рассуждать

Alice Kapustina чушь!

Елена Почеснёва ... больно щупленький... недокармливают зайчика))

Ирина Анатольевна: Вот такие девицы начинают потихоньку мнения подсовывать, кто же у нас в правительстве самый красивый? А потом удивляемся, что страна разваливается, а ихняя несравненная красота слишком дороговато начинает обходиться для бюджета. И посмотри, как мужичонку-то глазами едят! Сразу видно, что домашнего воспитания не удостоились.

Натали: Ой, у них и Дворкович в «красавцы» записан. Вот можно хоть сюда его фотку не пихать, а то мое эстетическое восприятие будет «надругано», то есть, не переживу я такого кошмара... Пощадите. Моя подруга в таком случае говорила: «Девочки ничего слаще морковки в своей жизни не видели, не едали»...

Ирина Анатольевна: Теперь вы понимаете, Натали, мою мизантропию. Только, значит, я заметила, что сами эти гражданочки больше похожи на разукрашенное мясо, а уж те, кого они решили обсуждать у меня под носом — не снискали никакой признательности у окружающих... они закрыли от меня свою страничку.

Натали: Неужели вы ничего и сказать-то не успели? Как же так?

Ирина Анатольевна: Ну, успела заметить, конечно, что правительство — это им не пип-клуб, а все же министров не рассматривают в качестве стриптизеров. Больше-то наши министры вообще ни на что не пригодны, конечно, но все же публично.... приличные девицы не должны сопоставлять их стати. Девицы из «Открытого правительства» — тем более.

О Дворковиче и говорить нечего, это же — оскорбление всех эстетических чувств! Начнем с того, что у него вообще нет лица! Не знаю, какая там проблема, но это же не лицо мужчины, согласись! Что это за лицо, на котором написано: «У меня IQ 23! ни копейкой больше!»



Натали: А что они нашли такого эстетического в Абызове? Лично я не могу видеть в правительстве мужские лица с единственной мыслью: «Когда же меня пнут?» От этого на меня какая-то тоска накатывает, депрессия накрывает...

Ирина Анатольевна: Да что они в мужской красоте понимают? Мужчина... это же ого-го! Это же огонь, пламя, желание свершений и масштабной работы! А не украсть и с девками выпить, чтобы потом пинка не получить для полного счастья. А что с этих девок взять? Они ж решили к «правительствам»

пристроиться, размечтались, будто начнется жизнь сахарная... А от сахара диабет бывает! Подайте-ка, мне, милочка, ваших чудных крендельков! Очень я их обожаю.

Натали: Наблюдается явный пробел в художественно-культурном воспитании этих особ. По театрам-музеям не хаживали, похоже, и гляцевые журналы только пролистывали. Там ведь иногда нечто симпатичное промелькивает в промежутке между Максимом Галкиным и Валугевым.

Ирина Анатольевна: Да наплевать на них, между прочим! Решили заблокироваться, пусть там и сидят, не высовываются. Они пребывают в таких вредных иллюзиях, что и расстраиваться по их поводу не стоит. Они не понимают, что время девичье золотое нельзя тратить на таких... да на других у них не получится... будущее их вполне предсказуемо, они ведь хотят, чтоб трудности их обходили, а доставались только нам. И как они оказались в моей ленте Фейсбука со своими прыщами?

Натали: Как?

Ирина Анатольевна: А они решили у меня ума-разума набраться, чтобы в своем «Открытом правительстве» блеснуть перед этими... да на самом интересном сами же и заблокировали. Они же

сами проговорились, что их волнует мужская красота! Не там искать начали, только и всего. А все почему?

Натали: Почему?

Ирина Анатольевна: А потому что культуры нет! Да и какая культурная девушка пойдет в «Открытое правительство», да чтоб еще и... сами понимаете.

Натали: Все-таки, к понятию культура надо подходить несколько практичнее что ли, утилитарнее... не сразу от него отмахиваться. Вот походили бы девочки по театрам там, концертам, глядишь стали бы покомпетентнее в данном вопросе.

Ирина Анатольевна: Вот этим — уже поздно! Если для них Дворкович — образчик мужской красоты — с ними все ясно. Вкуса нет! Все бессмысленно.

Натали: Мужская красота, ведь, не везде нужна, поэтому и представлена не везде, места знать надо. Вот, поняла, что клевету на себя, мне одной прекрасности мало, надо чем-то её сдобрить. Поэтому отдаю предпочтение сладкоголосым красавцам. Давайте рассмотрим парочку кандидатур.



Константин Риттель-Кобылянский



Хавьер де Сириако



Ирина Анатольевна: Ух, ты даже не понимаешь, как я этого Кулебяку обожаю! Как взгляну.. Ух! Просто сама не своя! Видишь, какие мурашки по коже? И это ведь до того, как он запоеет! Просто от лайка в Фейсбуке. А как уж запоеет... душу выносит на вороных!

Не судите меня, люди! Наплевать мне на пресс-конференции всяких плюгашей из нашего правительства, они ни хрена не понимают в макроэкономике...

А я буду преданно и нежно любить своего милого Кулебяку! И создаст же мир подобную красоту! Ой,

хочу, хочу повеситься ему на шею и висеть так заместо букетика!

Натали: Он не кулебяка, это певец из Одессы, его Костя зовут, он вам подмигивает на Фейсбуке.

Ирина Анатольевна: Неважно, как я его зову, у нас страсть виртуальная, платоническая! Фамилию у него все равно всю целиком не запомнить, но это что-то... Вот скажи мне: «Дворкович»!

Натали: Дворкович!

Ирина Анатольевна: Тьфу-тьфу-тьфу! Кулябьяка... родной...

Натали: Ирина Анатольевна, держите себя в руках! Всем прочим объясняю, что нашу приму повело от горячей цыганской внешности Константина Риттеля-Кобылянского ([Konstantin Rittel-Kobylianski](#)), выпускника [Odessa National Music Academy](#), подмигивающего Ирине Анатольевне из Дюссельдорфа.

Ирина Анатольевна: Как это меня зажигает! Мужчина невероятно прекрасен, когда что-то творит, созидает! Когда перед его мощью переворачивается мир! А тут... какие-то папины сынки пристроены тырить у старух по карманам... и все это настолько мелко и низко, что увидеть в таком блевании «от нас ничего не зависит, но мы можем сделать вам пакость» что-то приличное — могут лишь девицы с крысиными личиками. А лично я — никогда! Ведь душе-то нужен простор! Нужен тот бронзовый отблеск мужской красоты, которым высвечены лучшие страницы в истории...



Натали: Ничего не могу возразить Вам, Ирина Анатольевна. Мужская красота — это тоже и моя слабость. Вот, нет чтобы просто умных там любить, добрых, сильных?.. Средненьких и невзрачных, про которого, вроде и слова плохого сказать не за что, а чот и любить не тянет... Подай мне нечто прекрасное, и чтобы пело, по возможности. Смотрите-смотрите, какой Дон Педро! Тфу, Хавьер де Сириако замечательный! Чуть на шею ему не бросилась, хорошо, что до сцены далековато было.

Ирина Анатольевна: Произошла, значит, у вас пленительная встреча с доставкой на дом. Повезло! А мне вот до Дюссельдорфа ползти и ползти! И даже плохонького танка нет, чтоб сразу мне кулебяку отдали... Точно! Наши плюгаши нарочно все танки в металлолом порезали и китайцам сдали, чтобы я не смогла добраться до Кулебяки... Какое низкое коварство! Что ж мне теперь тут... с этими меркантильными плюгашами сгинуть? Ведь такие ухайдокают за милую душу, а потом еще в зеркальце посмотрятся, не вскочил ли прыщик на мордочке...

Натали: Может, все еще образуется, Ирина Анатольевна? Вы безе закусите, враз полегчает! Вспомните, как этот Бизе страдал! Говорят, его даже два раза били за Кармен! А потом он помер, и ему за все простили...

Ирина Анатольевна: А еще что говорят?

Натали: А еще говорят, что у нас осталось три танка в Таманской дивизии... Мне одна приятельница рассказывала, ее сыну даже позволили стрельнуть из него за деньги! Значит, и скатают до Дюссельдорфа, если заплатим... А смотрите, какой у меня Хавьер миленький! Нравится?

Ирина Анатольевна: В целом я, конечно, ваш вкус всегда одобряла, Натали. Что и говорить, огненный мачо! Так бы ведь и полюбила... Но не стану — чисто ради ваших несравненных заварных рулетиков. Ой, как хорошо! И если сейчас очередной слащавый юнец из какого-нибудь «Нам бы пристроиться в правительство» начнет ко мне липнуть с шикарным предложением «изучать культуру гастарбайтеров», у меня рука не дрогнет! И вот по какому поводу я стану возражать категорически и даже экс... эпс...



EVENING DRESS.

BALL DRESS.

Натали: Экстремистски?

Ирина Анатольевна: Ой, да при чем здесь обычная отмазка наших прыщавых мальчишей-плохишей, которым никогда не стать вот такими донами Педро? Экспрессивно! Есть такая манера исполнения, это я, конечно, поясню для недоразвитых девок из *«мы хотим в бордель при нашем чудесном правительстве!»* Так вот со всей присущей мне экспрессией, которую люди без внутренней культуры решили окрестить «экстремизмом», не совсем понимая значения этого слова.

Натали: А я тоже, представьте себе, не совсем понимаю, что оно означает, но очень его боюсь!

Ирина Анатольевна: Да что оно может означать? Ерунду всякую! Совершенно тупое слово, приставка «экс» — означает, что кого-то судят за прошлые прегрешения, хотя на словах заверяют, будто судят за то, чего еще не случилось. Ну, как бы они это хотят предотвратить. Собирается стая плюгашей, которым я гордо и непреклонно отказала в своей любви. И начинают разными изуверскими способами вышибать из меня «любовь и уважение».

Натали: Лично к себе?

Ирина Анатольевна: Да если бы! Они изображают, будто их страшно беспокоит, что я не полюблю «неустановленный круг лиц». Представь, всю жизнь только о своем кармане и своей шкуре страдали, вдруг их абстрактные вещи до рези в желудке обеспокоили.... Мы с ними давно разобрались лично. Они давно поняли, что люблю только самое прекрасное! К чему ни они, ни «круг неустановленных лиц» — явно не относятся! Ну, я же не какая-нибудь, чтобы любить бюджетного вора или человека, разрушающего то, чего не только создать, но понять хилым умишком не в состоянии? Естественно, я такое любить не могу!

Натали: А они?

Ирина Анатольевна: А они доказывают, что когда их несколько не любят, то это — экстремизм... или экстервизм... а может, экстермализм. Короче, они тогда могут на меня наброситься стаей и душить, душить, душить... шею мою белую, ломать руки мои лебединые...

Натали: Ирина, Анатольевна, договаривались ведь сегодня говорить не о вашей красоте, как всегда! И так... все разговоры непонятным образом сводятся только к вашей красоте! Даже разговоры об экстервизме! Заговорим о Пушкине, становится понятно, какой замечательный у вас профиль (что мне крайне обидно слушать при моем длинном носике)! О Байроне, Дворжаке, Чайковском — вообще невозможно говорить, не признав античное совершенство ваших ног (приходится свои коленки прикрывать). Про строительство, ЖКХ, реконструкцию, макроэкономику... Там уж молчу, потому что все надо начинать с вас, как с Ленина! Я уже так не могу! Это даже подло, с какой-то... точки зрения.

Ирина Анатольевна: Замечу! Крайне необъективной и политически ангажированной «точки зрения»! Спрашивается, а о чем еще говорить при наших плюгашах? Только обо мне! И вы, Натали, должны были оценить, что я вам позволила говорить о необычайном и сногшибательном образчике мужской красоты — Николае Цискаридзе!

Натали: О! Николай Цискаридзе! Это же такое... такое...



Ирина Анатольевна: Ну, и куда вы без меня, Натали? Вы же слов подобрать без меня не можете под такое несравненное совершенство! Учитесь, пока жива... Когда произносится само имя чародея и кудесника Николая Цискаридзе, а перед глазами возникает неподдельная, умопомрачительная мужская красота, — во всем теле растекается теплая сладкая нега, как от непаленого коньяка с пятью звездами! А?

Натали: Вот за это, Ирина Анатольевна, я вам прощу, что вы все конфеты с миндалем из вазочки вытащили! Сейчас еще принесу! Говорите, говорите!

Ирина Анатольевна: Натали, сразу захватите пралине со сливочным кремом! Не могу я описать мужскую красоту без тонкого, сливочного крема, который тает во рту... сладким сожалением, что жизнь коротка, а счастье так быстротечно... А тут столько времени теряем на каких-то

плюгашей! Так вот, мужская красота выражается не только в таких восхитительных напевах, но и в научных и производственных свершениях. Слушай, ты видела хоть раз кадры, когда наши мужики не очередной Протон носом в землю заваливают, а нормально руководят полетом? Или вот страсть как люблю, когда они в белоснежной форме стоят на палубе океанического лайнера, изучающего глубины океана... Пряма, так бы набросилась на этого белоснежного красавца, любила, любила бы... изо всех сил! А что бы от него осталось — пожертвовала российской науке! Не жалко!

Натали: Теперь я знаю, какой мужчина добивался вашей любви... Как можно быть настолько непреклонной в своем экстермализме! Ведь амфоры добывал, флотский борщ кушал, медведей и китов побеждал! И что же? Ваше сердечко даже не дрогнуло? Это же до какой степени надо быть экстерформисткой!

Ирина Анатольевна: Натали, сердцу своему я приказать не могу! А могла бы, так всех девок из запасного правительства выгнала и сама там с шампанским бы фотографировалась в том обалденном платье от Дольче и Габана... И все бы тогда знали, где ж это тот небритый мальчуган ножку поломал. Многое бы тогда свершилось с невероятной легкостью, но... сердцу не прикажешь. Хотя, конечно, не только я, но и многие давно догадались, ради чьей любви в нашей стране амфоры добываются. Кому они еще нужны, да? Но не будем об этом, тема уж очень конфиденциальная.

Натали: А я люблю, когда мужчины в кинохронике сталь разливают...

Ирина Анатольевна: Ага, значит, не чужда многообразию аспектов мужской красоты? Мужик с расплавленным металлом... это же! Бр-рр! Муфаса! И чтоб на выходе ни один плюгаш с синими от наколов руками его карманы не чистил. Чтоб не осквернял настоящую красоту своим свиным рылом. Как нынешнее «оптимистическое» завершение представлю, так не любить хочется, а... а... взять дюймовый патрбук... и...

Натали: Ирина Анатольевна! Не надо! Пощадите нас, нам читать нечего! Ну, не Кантора же с его «Красным бубном»! Делюсь своим Хавьером, от сердца отрываю!

Ирина Анатольевна: Ух, проняло, даже понемногу начало отпускать... Спасибо, Натали! Вот как посмотришь на нечто прекрасное, сразу хочется жить... пнуть кого-нибудь, чтобы у всех жизнь как-то в каждой клеточке ощущалась! А вот ты как влюбляешься в такую потрясающую мужскую красоту?

Натали: Мне, Ирина Анатольевна, в самом начале становится жалко очень такую прелесть... как представишь, сколько такой писанный красавец может вынести от наших плюгашей с девками из



запасного правительства с шампанским... так жалко... что вначале очень плакать хочется. А потом я окончательно влюбляюсь и уже ни о чем не жалею!

Ирина Анатольевна: Это очень позитивно и жизнеутверждающе, Натали! А что, сыр... вот так взял и закончился?

Натали: Ой, я еще сейчас принесу! Интересно, а в Аргентине есть твердый сыр? А как я-то теперь хочу в Аргентину, раз там такие Хавьеры водятся, даже с приставкой «де», небось от конкистадоров завелся. У меня ребенок последнее время на концертах спал, и по барабану ей было, какая звезда на сцене. Переходный возраст, то да сё, потом опять же «чукча не читатель – чукча писатель» (сама ныне предпочитает на сцене быть). Но этого Хавьера перепугалась сильно, от концерта была в восторге. Правда, проявила, пока ещё неразвитый вкус запала на банданео..ниста (короче, который на гармошке наяривал), предпочла сявую мелочь крупногабаритному брюнету. Настолько вдохновилась, что бросилась за автографами,

чего за ней давно не водилось.

Ирина Анатольевна: Это правильно! Хотя девица не по запасным правительствам ошивается! Хотя что-то начнет в мужчинах понимать.

Натали: А что в них понимать, Ирина Анатольевна! Вспомните, сколько вы гадов в жизни видели!

Ирина Анатольевна: Не то главное, что я много видела гадов, а то, что никого из них не придушила, как давеча в блокбастере. Ты смотрела новый фильм про Россомашу? Ну, я же его обожаю! Фантазия, конечно, и горячечный бред... Но как мне такой в хозяйстве нужен! Такой депрессивный меланхолик с ножиками и... чудной, чудной мускулатурой! Так вот я представляю, как таким страшно жить. Они всех покрошат в первой серии — не о чем и сиквел снимать.

А что до наших гадов... пускай посмотрят на настоящих мужчин! Послушают, как они поют, живут, решают проблемы, бреются и заботятся о нас! Чтобы хоть чуточку мимикрировать под уникальную и ни в ком неповторимую мужскую красоту!

К черту эту любофф!



После августа, как водится, обычно наступает сентябрь. А с осенью возвращаются и разные депрессивные настроения.

Честно говоря, под конец расследования дела о «кислотной атаке» в Большом театре на свет божий повыскакивало множество защитников, которые «все знали с самого начала», но отчего-то молчали раньше. Как выразилась Ирина Анатольевна, выскочили «пихаться булками». А при этом им надо было доказать, что Ирина Анатольевна никому не нужна и неинтересна. Вот какой-то Кантор с «Красным бубном» всем страшно интересен, а она — никому.

Пропусту говоря, Ирина Анатольевна в тот момент подверглась настоящей травле. Все же в ее романе «Парнаасские сестры» излагалась версия случившегося в Большом театре, которая большинству театрального бомонда была в тот момент... не совсем удобна. Но предстоял еще суд над Павлом Дмитриченко.

Я видела, каким титаническим трудом создается настоящая литература, у меня до сих пор свежи воспоминания весны и лета 2013 года, когда Ирина Анатольевна писала этот роман, по сути, за счет своей жизни и здоровья.

Думаю, многие тогда решили, что Ирина Анатольевна будет до конца цепляться за эту тему, а она решила иначе. Она решила тогда предоставить полную возможность проявить себя в этом деле другим...



Карпаччо Витторе «Две дамы»

Натали: Вы это читали, Ирина Анатольевна? Вот ведь до чего докатились — опять вас из кумиров ниспровергают... А вам хоть капельку обидно? Или вы уже привыкли, когда вас ниспровергают, а своих на пьедестал пытаются становить?

Ирина Анатольевна: Да как сказать?..

Ниспровергали меня бесчисленное количество раз, отрицать не стану. Все по каким-то мелочным поводам. Можно было бы и привыкнуть, или рукой махнуть!

Натали: А еще лучше, с каждым ниспровергателем в отдельности разобраться, индивидуально. Ох, как я обожаю наблюдать за этим процессом из-за угла! Вы это делаете настолько замечательно... лучше всех! Как вспомню, так до сих пор мурашки! И не одна я, между прочим, имею такое пристрастие.

Ирина Анатольевна: Эх, дорогая Натали...

Прошли те чудные годы, когда и мне это доставляло неизъяснимое наслаждение. Как нынче говорят: «Не прикалывает!» Видно, отзвучали для меня боевые трубы, отгремели литавры... И смотрю я на эту нынешнюю гопоту с легким сожалением.

Натали: А чего их жалеть? Надо всегда себя саму жалеть! Вспомните, сколько раз вы мне такое говорили? Кстати, вы пастилу больше в шоколаде уважаете или можете так употреблять, запросто, по-рабоче-крестьянски?



Ирина Анатольевна: Это как же — по-рабоче-крестьянски? Без шоколада, голимую водку закусывая? Нет, до такого еще не докатилась. С кофейным ликером я пастилу без шоколада осилить смогу, а вот просто водку с пастилой — не употребляю и вам не советую. О чем же мы до пастилы-то говорили? Вечно вы какие-то вопросы неожиданные задаете...

Натали: Да мы как раз говорили, что вас повсюду всякая мелочь ниспровергает, а вы до сих пор никому толком пока не объяснили, что они такое напрасно делают. Извините, но уж ваш-то пьедестал занять

некому. Опять толпу нагонят, «числом поболее, ценою подешевле», а толку? И если сами не понимают, куда лезут, то кто же лучше вас-то все объяснит? Мягко, по-женски, так, чтобы надолго запомнилось! Сами же учили! А вы только смотрите, как эти мелкашки на пьедесталы царапаются и... молчите! Непохоже как-то на вас! Я и подумала, может у вас вообще вкусы поменялись?

Ирина Анатольевна: Но не настолько же! Водка и пастила... нет, это мне пока не близко. Я нынче каждый раз, как кто-то решает меня ниспровергнуть, испытываю нечто вроде светлой меланхолической грусти... Вот раньше бывали схватки, так ведь не то, что нынче. Все же еще недавно люди какие-то принципы имели... от прежней роскоши и комсомольских диспутов о вреде вещизма. Нечто вроде атавистического явления. А уж нынче... Все спросить забываю, вы корицу сами мелете или из пакетика досыпаете?



Натали: Я же, Ирина Анатольевна, кофе пью исключительно молотый. Потому ежели начну там же корицу молоть...



Ирина Анатольевна: Рассуждаете совершенно непоследовательно, милочка! Вы на счет того, что кофе будет немного отдавать корицей, а корица — кофе? Давайте прямо сейчас заварим кофе и добавим корицы! Чтобы вам никогда после не пришло в голову меня ниспровергать! Вы же тогда можете запросто лишиться массы удовольствия... И мой вам совет: никогда, слышите, никогда не берите корицу в пакетиках! Корица употребляется сразу же после помола, а хранится в коре, потому так и называется. Сами-то не чувствуете? Печенье с корицей сегодня слабенькое! Хорошо хоть не догадались сахаром обсыпать, терпеть не могу! Но если бы корица была только что смолотой, да еще бы чуточку отдавала кофе... Начинает доходить?



Натали: До меня всегда быстро доходит. К тому же я знаю, вы плохого не посоветуете. Но что-то меня начал склероз донимать... девичий. Не все запоминаю сразу, а многое в текучке и вовсе забывается. О! Припоминаю! И ведь чуть не забыла! Вы же мне обещали рассказать, как готовить то волосатое арабское печенье, которым вы нас давеча угощали.

Ирина Анатольевна: Но не сами же мы его будем готовить! Там, чтобы тесто так раскатать — непременно нужна мужская сила!

Натали: И что делать? У меня сила точно не мужская...

Ирина Анатольевна: А что делать? Надо соблюдать рецептуру! Здесь наиболее важным ингредиентом идет мужчина... Иначе никакой эстетики производства. Надо же, чтобы эта штучка сама во рту таяла...

Натали: Ну, опять все уперлось в тупик! Честно говоря, мне кажется, вы из этих мужчин, склонных к кулинарии, тоже себе кумира сотворили. Забывая однако, что в жизни следует руководствоваться высокими стандартами «не сотвори себе кумира!»

Ирина Анатольевна: В отличие от вас, я на склероз не жалуюсь. Натали, давайте уточним, что кумир кумиру — рознь. Из кого попало кумира творить нельзя, конечно. Ни в коем случае! Но мужчина, умеющий готовить волосатое арабское печенье... может рассчитывать на мою любовь и искреннее уважение, кем бы он ни был по расе и национальности. За одну национальность я, конечно, уважать отказываюсь, уважение у меня не казенное. А вот когда печенье.. или что-то такое, существенное... ну, это же другой разговор!

Натали: А я вот никогда себе кумиров не творю! Потому что не из кого! Нет, уважаю многих... Но в каждом случае человек имеет настолько бесспорные достоинства, что и отрицать их смысла не имеет.

Ирина Анатольевна: Это вы очень разумного правила придерживаетесь, Натали. Розеточку со сливками подайте, хоть сейчас сливками взбитыми вымажусь вся, но утешусь от очередного ниспровержения. Эх, как они меня... Ох, как мне бедненькой досталось! Какая же все-таки красота — эти взбитые сливки... А главное, за что они меня так? За что?



Mody Barnick
Illustration of two women in 19th-century fashion standing on a balcony. One woman is in a dark dress with a large polka-dot shawl, and the other is in a white dress with ruffles. A small dog is on the ground. The background shows a landscape with trees and a building.

Натали: Вам напомнить, Ирина Анатольевна? Вы их называли «маасковской гопотой», вот вам от них и получилось очередное ниспровержение... Вы сливочки в песочную тарталеточку сложите, вам еще вкусней станет. И опять я ощущаю вашу грандиозную правоту! Страдать со взбитыми сливками настолько приятнее, как... как..

Ирина Анатольевна: Как вообще не страдать! Взбитые сливки — важный и необходимый продукт для организма. Они помогают верно определить масштаб явления. Смотрите! Беру эту тарталетку, выкладываю сливки, украшаю вишенкой черри и посыпаю шоколадной крошкой... Пробуйте, Натали! Вкусно?

Натали: Вкусно! А там что-то была за нота сердца? Ну, конечно, Ирина Анатольевна, вы же никогда рецепт до конца не раскрываете! Так я и знала.

Ирина Анатольевна: Нет, Натали, просто вы опять забыли добрый совет — всегда сливки выкладывать на капельку ликера. Капельку! А у маасковской гопоты я в кумирах ходить не нанималась, если честно. Но как же вы это все ехидно подметили! Может, тоже решили меня

ниспровергнуть?

Натали: Ой, никогда! Особенно, когда у вас литровая кружка с горячим кофе! Вы, Ирина Анатольевна, для меня совершенно бесспорная личность, обладающая такими достоинствами... А, может, мы по капельке ликерчику и в кофе? Чисто для запаха, а?

Ирина Анатольевна: Ну, разве что для запаха... Потому как в момент, когда вокруг рушатся, ниспроверяются все кумиры, тонкий запах ликера никому не повредит.

Натали: Как славно вы про ликер вовремя вспомнили! Действительно, несправедливость могла возникнуть! Прямо камень с души... Сейчас и представить себе страшно было бы обратное. Всякая гопота ниспроверяет наши кумиры, а у нас даже кофе без ликера! Ужас какой-то!

Ирина Анатольевна: А вот лично я ни к кому с кумирами не пристаю. Навязывать не собираюсь, да и ниспровергать мне всю эту рухлядь лениво. Я вообще считаю, что люди себя с головой выдают именно по тем, кого стараются запихнуть на чужой пьедестал. Достаточно ведь галочку возле такого поставить и сказать глубокомысленное «Гм!» Что это за блажь нынче пошла — непременно пройтись танком по чужому кумиру?

Натали: Так от вас, извините, и пошла, Ирина Анатольевна! А после как-то так получилось, что всем при вас стало нравится то же, что и вам. Так-то оно безопаснее.

Ирина Анатольевна: Ну, не скажите... Было дело, любила я раньше недостойных внимания кумиров ниспровергать. Но после поняла, что раз человек себе такого кумира выбрал, так это же неспроста. Пусть и живет с этим, но другим не навязывает. А вот если кумир действительно бесспорный, так его же и себе перетащить не грех. Зачем же его — ниспровергать? Вы же знаете, мне свойственны широта души и снисходительность... к чужим достоинствам. К тому же получается, что в этом случае я как бы вовсе кумир себе не сотворяю, а заимствую, отдавая должное вашему, Натали, вкусу и духовности.

Натали: Как вы это здорово придумали, Ирина Анатольевна! Я тоже целиком и полностью полагаюсь на ваше усмотрение в таких тонких моментах. И так важно, когда дама имеет достойное художественное увлечение.



Ирина Анатольевна: Ну, не прибедняйтесь, Натали. Кстати, не поведаете, отчего это у вас пальчики дрожали?

Натали: Да это вам показалось! Ничего у меня теперь не дрогнет, даже не шелохнется...

Ирина Анатольевна: Да я же вижу, что неспроста вы затеяли такой разговор о ниспровержениях, а сами корицу из пакетика на скатерть просыпали и проявляли беспричинный интерес к арабской кулинарии. Ну, что? Опять баритон? Сколько же можно?

Натали: Нет, Ирина Анатольевна, тенор...

Ирина Анатольевна: Это... серьезнее. И, конечно, пел что-то из итальянцев?

Натали: Д-да...

Ирина Анатольевна: Боже мой, как это предсказуемо и... подло! Знают они, на чем вас подловить! Видите, как опасно нынче иметь кумиров! В особенности таких, которых и ниспровергнуть-то нечем, прости меня Господи! Ну, что нынче противопоставить итальянской опере?

Натали: А русскую классическую оперу нельзя?

Ирина Анатольевна: Слушайте, Натали! Это уже смешно! [Вам же дирижер Дмитрий Волосников все по полочкам разложил!](#) Русскую классическую оперу лучше воспринимать на свежем воздухе, при резких климатических изменениях. Когда ветер в лицо, а еще лучше — мерзкий мелкий дождичек со снегом. И чтобы в самом конце плаха маячила! И что-то такое суровое, историческое... Чтобы душа нараспашку и к черту эту любофф! Тут о Родине надо думать и все такое... И как только там последнего вражину доканаем, так катарсис получается массовый! Там уже ни на ком конкретно сосредоточиться не можешь. Понимаешь, что тебя пронзает любовный электрошок, но ни на ком конкретно не можешь сосредоточиться. В России подобные художественные озарения принято списывать на... любовь к России. Все, что ни к кому конкретно не относится — сразу к ней, любимой. После такого и водка с пастилой кажутся чем-то...

Натали: Ой, я вспомнила! Мы в студенческие годы в походы ходили, так вместо шашлыков мы пастилу на костре поджаривали! И водка у нас была... Ну, немного, конечно, но была... гитара тоже была... баритоны...

Ирина Анатольевна: Это все? В глаза глядеть! Вот чтобы больше я ничего такого от вас не слышала! А когда вас кто-то спросит, от всего отпирайтесь! Не было, мол, ничего такого! Вы в оперу ходили и на балет! И на байдарках не сплавлялись со всякими придурками!



Натали: А я и не сплавлялась! Это же у вас такая фотка была!

Ирина Анатольевна: Вы обознались, Натали! Там была совсем не я!

Натали: А кто это был?

Ирина Анатольевна: Может быть, какая-то знакомая или родственница, не помню. И точку ставим на этом!

Пастилу она жарила! А сейчас она... Кстати, а сейчас-то какая вас пастила укусила?

Натали: Д-доницетти... Гаэтано Доницетти, «Любовный напиток»...



Ирина Анатольевна: Вот оно что... L'elisir d'amore... Ну, скажу я вам, влипли вы надолго! Этим же переболеть надо! Но обратите внимание, девушки там пастилу на кострах не жарят и на байдарках не сплавляются. Хотя, вроде, и девушки-то деревенские, из деревушки близ Флоренции. Сидят и мирно беседуют о творчестве Вагнера, делая вид, что им все равно, кто их в социальных сетях читает.

Натали: О каком Вагнере? О Рихарде Вагнере? Так он же тогда еще маленьким был! Он же родился в 1813 году, а оперу «Любовный напиток», сороковую по счёту оперу, Доницетти написал всего за две недели в 1831 году, а

поставили ее в мае 1832 года. Итальянское либретто было написано Феличе Романи на основе французского либретто Эжена Скриба для оперы Даниэля Обера «Любовное зелье»

Ирина Анатольевна: Из программки вычитали? Ну, не смущайтесь! Я тоже всегда программки читаю, но сейчас там еще рекламу всякую печают... Пластиковые окна за полцены... Ботинки из ненатуральной замши с доставкой по России... и прочий бред. Лучше вспомните, с чего там все начинается? Местная красавица Адина с подружкой Джаннеттой увлеченно обсуждают старинную легенду о Тристане и Изольде и чудесном эликсире, выпив который, Изольда вмиг влюбилась в Тристана. Девушкам очень хочется достать волшебный напиток. По крайней мере, они об этом поют, делая вид, будто не замечают, что их подслушивает Неморино, влюблённый в Адину.

Натали: Адина награждает Неморино колкостями и насмешками, как, впрочем, и остальных поклонников. а вы считаете, что это как бы такое художественное предчувствие творчества Вагнера?..

Ирина Анатольевна: А вы считаете, что это Вагнер в оперу не ходил, а жарил пастилу на костре и на байдарках... гм... неважно. Я вообще в людях в последнее время сильно разочаровалась. Поэтому считаю, что Вагнер вслух, может, и порицал Доницетти за любовь к чумазым, это же всегда принято в обществе, которое считает собственную чумазость превыше всякой иной. А на самом деле он тайно упивался этим любовным напитком! И все его творчество — вытекает из разговора Адины с Джаннеттой. Он подслушал вместе с Неморино их щебетание и отлично понял, чем покорять девичьи сердца!

Натали: Боже мой... Как же я раньше об этом не подумала?

Ирина Анатольевна: А никто раньше не думает, Натали, не огорчайтесь. Все обычно думают потом. Даже сложилась такая поговорка в народе: «Хорошая мысль приходит опосля!» И при всей пафосности и монументальности Вагнера — у него подозрительно много теноровых арий!

Натали: Точно!

Ирина Анатольевна: «Кольцо Нибелунгов», мама дорогая! А сам тихонечко рецептуру любовного напитка пытался составить.



Натали: А первым ингредиентом туда тенор входит...

Ирина Анатольевна: Конечно! Мужчина всегда идет первым ингредиентом. И я вас неоднократно пыталась оградить от возможных разочарований. Разве вам мама в детстве не говорила, что тенор вырвет у вас сердце, бросит его в миксер вместе с водкой и колотым льдом — и спокойно выпьет этот коктейль после очередного спектакля?

Натали: А у мамы раньше миксера не было...

Ирина Анатольевна: Миксера у нее, видите ли, не было! Зато был сердцеед Сергей Лемешев! Могла бы честно дочь предупредить!

Ирина Анатольевна: А у вас-то что произошло, собственно? Ну, давайте, не тяните, откровенничайте! Я же никому не скажу!

Натали: Да, вы, конечно, никому ничего не скажете. Ирина Анатольевна, даже когда вы думаете, это всем слышно!

Ирина Анатольевна: Не демонизируйте мою личность. Это и без вас [сделают за премию по борьбе с экстремизмом наши доблестные правоохранители, когда им срочно выпить понадобится](#). Итак, романс Неморино, верно?

Натали: Ну, да... Знаете, я же как в детстве услышала его впервые в фильме Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино», так и того... Но тогда моя страсть не могла сосредоточиться на ком-то конкретно, ведь исполнявший романс Энрико Карузо был уже в иных эмпиреях и давно... А там такие люди по полю бегали, что действительно, лучше было на любви к России сосредоточиться.

Ирина Анатольевна: Это все жалкие оправдания. Думаю, вас тогда больше жареная пастила занимала.

Натали: Какая же вы все-таки...

Ирина Анатольевна: Проницательная! В этом романсе такая любовь к жизни, пронизанная высокой тоской... Жизнь надо любить и ценить! Доницетти писал эту арию в 35 лет, а умер в полтинник. Ему было уже не восемнадцать, как его герою. Это его тоска по первой любви, по ночам у костров с пастилой, по походам на байдарках... по беззаботности молодости, когда в жизни ничего главнее любви нет.

Натали: А в фильме эта ария подчеркивала пустоту жизни персонажей, пытавшихся наполнить ее «идеологиями»... И вот через много лет читаю я про двух юных теноров, исполняющих именно эту арию...



Евгений Цодоков Два тенора поют «Потаённую слезу». [Голоса разные, манера разная. Кому отдать предпочтение? Очень часто такой вопрос бывает неуместен — у каждого своя художественная правда! Но для меня в данном случае всё ясно — я предпочту Мавлянова, несмотря на то, что в исполнении у него есть незначительные поправки, да и чисто лирический Неморино, казалось бы, не вполне соответствует его спинтовому голосу с «драматическими приправами». Однако я стою на своем! Более того, именно эта запись хорошо иллюстрирует, что певец владеет даром стилистического перевоплощения и широкой палитрой. И вообще, я считаю Мавлянова лучшим московским тенором нынешнего времени в своей «весовой категории», превосходным Альваро, ярким Эдгаром, убедительным Альфредом и Хозе. Его голос, как я писал в одной из рецензий, «представляет собой счастливое сочетание лирической природы со спинтовой осязаемостью, достигаемой при помощи тембральной густоты, обертонов, лишенных, однако, излишних «агрессивных» добавок, замутняющих чистоту звуковой эмиссии...»](#)

[Конечно, певцу есть еще над чем работать. И он, надо сказать, постоянно совершенствует свое мастерство, не стоит на месте.](#)



*Слеза блеснула в её глазах украдкой.
Каких же ещё доказательств искать?
Она меня любит.
Да, она меня любит,
Я вижу, я вижу.
Мгновение — и биение её прекрасного сердца услышано!
Мой вздох слился с её вздохом.
Биение, слышу биение сердца.
О, Небо, теперь можно и умереть:
О большем не прошу.
Можно и умереть, умереть от любви.*

Ирина Анатольевна: Понятно. Значит, история повторяется? Опять полюбили сразу двоих, а нынче не знаете, кого выбрать?

Натали: Ну, да. Но после нашего чаепития и ликера... все больше склоняюсь к любви к Родине.

Ирина Анатольевна: И это правильно, Натали!

Нота сердца



В октябре стало понятно, что защитники Павла Дмитриченко упустили лето в бессмысленных доказательствах собственного значения в этой истории и полной незначимости Дедюховой. Но никакого значения в результате не приобрели. Без Дедюховой эта история перестала быть интересна обществу. Все получилось так, как этого и хотелось изначально истинным виновникам «кислотной атаки»: разобраться в собственном кругу, «не вынося сор из избы».

Всем, кто выступал как бы «связующим звеном», а точнее, пытался манипулировать ею, понимая, что без нее это дело им не выиграть, - Ирина Анатольевна говорила, что выступит в защиту Дмитриченко даже после откровенного предательства и подлости, если «балетные» честно расскажут, у кого профсоюзная касса, какие махинации с деньгами за гастроли проводило руководство балетной труппой Большого театра.

Единственная возможность реабилитации Павла Дмитриченко без громких разоблачений балетного закулисья была романом «Парнасские сестры». Он был достойным и своевременным выходом для всех. И нужно было-то проявить хотя бы толику благородства (не говоря о благодарности), честности, истинного понимания задач и целей искусства.

Роман у Ирина Анатольевны попросту украли, оставив без куска хлеба... И небольшой дружеский кружок поддерживал человека, уже прошедшего осуждение по вздорному поводу, из-за подлого доноса уголовников. Вряд ли эти «защитники» Павла Дмитриченко понимали, что лишь демонстрируют то, что Ирина Анатольевна уже видела. Меня поражала душевная глухота людей, которые кичились «близостью к искусству». Каково было в тот момент Ирине Анатольевне читать сообщения о том, что копируют романа, даваемый без ее согласия на балетных форумах – «пользуется большим успехом»? Каково после толпа и польского имбирного печенья, приготовленных, в сущности, на собственные поминки, воспринимать сообщения: «Люди читают ваш роман запоем!»

Сама как-то следила за сайтами, где стояли счетчики скачивания. При мне за день роман «Парнасские сестры» скачали 16 тысяч раз... И одно дело, когда скачивается американский блокбастер, уже получивший свои миллионы долларов в прокате, а другое дело, когда обкрадывается женщина, лишенная куска хлеба по подлому доносу.

Но эти люди не понимали, что все должно приходиться «в установленном порядке», легитимно. И, поступая таким образом с Дедюховой, отлично понимая, какова сила ее слова, - они лишили Павла Дмитриченко и тени надежды на справедливое правосудие. За это, собственно, и разгорался сыр-бор. Вообще-то ведь неприятие Дедюховой сводится к попытке лишить ее главного права – справедливого правосудия и окончательного вердикта. Проблема в том, что это ее право никак не удастся обойти даже по пустяковым вопросам.



Константин Сомов «Две дамы в парке»

Натали: Опять пишут, интересуются вашим мнением, Ирина Анатольевна! Не могут без вас!

Ирина Анатольевна: А чего ж они сами-то не могут, Натали? Странно... Как очередную гадость сделать, так они моим мнением не интересуются, прекрасно зная, что я могу одобрить, а на что буду возражать бескомпромиссно и категорически. А тут вдруг... шагу ступить не могут.

Натали: Ну, не знаю... Может, это популярность у вас растет? Ширится народная признательность... за все предыдущее...

Ирина Анатольевна: Ага, популярность растет у меня, только отчего-то пишут исключительно вам! Не подумайте, что мне завидно, просто и вас немного жаль. Вы ж не на это рассчитываете, получая письма?

Натали: А я всегда люблю получать письма! Даже, когда мне пишут о вас. Мне даже стало нравиться получать письма о вас. Как бы создает образ недосягаемый и возвышенный... Но жалеть меня точно не стоит, я так люблю немножко посплетничать о подругах! От чистого сердца и самых лучших намерений!

Ирина Анатольевна: Ну, в этом я несколько не сомневаюсь. Однако ж если бы мне написали, чтоб я поинтересовалась вашим мнением на счет развития органной музыки в ... Западной Сибири, то я бы вначале поинтересовалась, какого черта? Извините, конечно, за резкость.

Натали: Да уж. Мне бы хотелось, чтобы иногда и моим мнением интересовались, например, по поводу... ну...

Ирина Анатольевна: Ну и?.. А затруднение ваше понятно, Натали! Прежде чем мнением-то интересоваться, надо же сам повод создать. Это же не нормально, когда вас какие-то граждане тихонько просят мое мнение выпытать, чтоб после где-то выдать его за свое или донести кому-нибудь.

Натали: Во-первых, не все так смелы в суждениях, как вы, Ирина Анатольевна!

Ирина Анатольевна: Во-первых, вы — не почтовый ящик, Натали, а дама, должная по любому поводу составить собственное мнение. А во-вторых, необходим сам повод! Поводом для высказывания мнения может быть приглашение в оперу, как минимум. А то что же это получается? Одни, значит, спускают немеряное количество средств на постановку оперы, где Ратмир бродит по сцене в рваных джинсах. Потом другие идут полюбоваться на это безобразие, пьют и закусывают его коньяком, потому что без коньяка такое никак не воспринимается. А дальше и постановщики, и исполнители, и просвещенная публика — дружно молчат по поводу очередной эпохальной постановки, будто воды в рот набрали, и таращат глазенки, будто рыбы... В после так же молча садятся писать вам, которая вообще ни при чем, чтобы я ихние впечатления описала. У них есть Татьяна Кузнецова, готовая испытать «неизъяснимый восторг» по поводу чего угодно. И, судя по ее непрезентабельному виду, стоит это недорого.

Натали: Так они тут про Ратмира и пишут... писали. Многие уже начали негодовать! Давайте, я вам зачитаю... Ага, вот!

На форуме «Классика» Вы написали, что Вашу невысимумую огурчиху какой-то кретин пригласил в апреле посетить оперу «Руслан и Людмила». Мы все ждали, когда же она

выдаст свое очередное резюме. Но что-то поломалось с Вашим органчиком. Возникли сомнения, что Ваша собутыльница прошла фейс-контроль.

Ну и дальше все такое, я это читать не стану. А вы туда в самом деле ходили?

Ирина Анатольевна: Ходила. И 20 минут была в полнейшем восторге, мне прямо в голову даже ударила эта невероятная красота и стройность исполнения... абсолютно ничего на сцене не раздражало, даже мой болтливый кавалер притих... И вдруг у меня возникает какое-то гадкое опасение... оно растет... и я понимаю, что мне надо срочно оттуда мотать удочки, пока эти гребаные рыбы меня не сожрали.



Натали: А как это так? Вы это почувствовали шестым чувством, что ли?

Ирина Анатольевна: Не могу сказать точно... Натали, вы в бутиках новые ароматы когда-нибудь дегустировали?

Натали: А что, так заметно, да? Ой, я всегда люблю зайти в отдел парфюмерии и сделать вид, будто духи себе выбираю! При консультанте обычно себе на запястье капаю, а когда продавец отвернется, сразу же за уши капаю, а еще люблю на себя потихоньку пшикнуть.

Ирина Анатольевна: Да... чувствуется! В приличных бутиках, чтоб исключить подобные эксцессы, обычно духи капают на салфеточку, уложив ее в стеклянный фужер. А потом самые лучшие ароматы непременно вам с собой навязывают, предупредительно подсовывая салфетку в вашу сумочку.

Натали: Да???

Ирина Анатольевна: Конечно! Ведь то, что вы поначалу на себя пшикаете, всего лишь парфюмерная композиция «головы» аромата, а главное в нем — «нота сердца», раскрывающаяся в вашей сумочке несколько позднее, так и зовущая: *«Вернись! Будь моей! Отбери у этого павиана кредитку и вернись! Плевать тебе на его проблемы...»*

Натали: Боже... Я всегда хотела спросить, что это у вас за парфюм такой? Так и тянет закупить ванили, сделать яблочный штрудель, намолоть корицы, купить испанского вина и пригласить вас... чисто про оперу поболтать... После вас всегда такой дурманный шлейф остается... А что это был за павиан, который...

Ирина Анатольевна: С ним все кончено!.. Н-нет, не в этом смысле, Натали! Что с вами?.. Вам синий цвет лица совершенно не идет, выпейте воды! Так же и захлебнуться можно! Дышите! Да успокойтесь же, наконец! Он живой-здоровый, ему без меня гораздо лучше будет, поверьте! Не пугайте меня больше так!

Натали: Я нечаянно...

Ирина Анатольевна: Чуть ведь не сказала «за нечаянно бьют отчаянно», но теперь опасаясь очередной вашей бурной реакции. Знаете, вот даже к штруделю вашему совершенно остыла... Интересно, что это вы вдруг вообразили себе?

Натали: Наверно, это у меня произошло под влиянием вашего парфюма. Он кружит голову, рождает всякие предчувствия и догадки...

Ирина Анатольевна: Вот поэтому я и предлагала встретиться на свежем воздухе за барбекю... у одного забавного павиана. Он, кстати, весьма неплохой контрабасист.

Натали: О!.. А!.. А как это у вас получается?

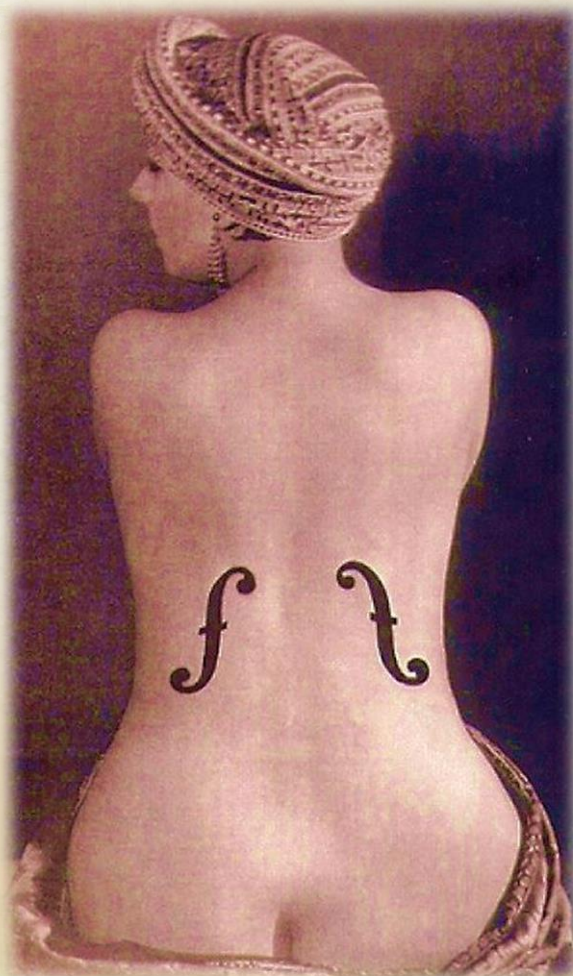
Ирина Анатольевна: А очень просто! Одна капелька на салфеточку... Затем надо свеситься бюстом в оркестровую яму и, не глядя в глаза этому ошалевшему от неожиданности рослому доверчивому павиану, нежно погладить его конрабас. Потом медленный взгляд снизу вверх и



лихорадочный сбивчивый шепот о том, будто его контрабас — нота сердца всего оркестра... И пока он радостно воображает, будто и на улицу контрабасов возвращаются триумфальные дни джаз-бэндов и сольных вариаций, а всем альтам и виолончелям теперь придется довольствоваться струнными задворками, вы салфеточку спускаете ему в контрабас, подавая другой рукой визитку с телефоном.

Натали: Так просто?

Ирина Анатольевна: Это не самое сложное в жизни, уж точно не дифференциальное уравнение второго порядка, но и не столь примитивно, как взять, к примеру, определенный интеграл. Каждое ваше движение должно быть мягким и отточенным, а платье — должно плотно облегать фигуру. И, когда вы разворачиваетесь, вы должны напоминать ему контуры контрабаса, вращающегося на своем штоке — вжик!



Натали: Вжик!..

Ирина Анатольевна: Но «вжик» не самое главное! Когда вы свешиваетесь в яму, идет пьянящий головной аромат. И на все-про-все у вас не более двадцати минут, вам надо исполнить свой «вжик!» до того, как из его контрабаса не начнет раскрываться средняя нота сердца. На следующий день, когда вы практически выветрились из его головы вместе с нотой сердца, его контрабас начинает тихонько выдыхать базовую ноту, как воспоминание о вашем «вжик!»

Натали: Значит, вы решили показать всему залу этот «вжик!» через двадцать минут «головного» аромата? Вы как-то поняли, что «нота сердца» там будет такая, что вам лучше ее не вдыхать? Потому и молчали об этом?..

Ирина Анатольевна: Ну да! Я вдруг поняла, что за ароматом всех прежних постановок — последует такое отвратительное «благоухание», что сочла за лучшее «вжикнуть». Сам по себе головной аромат раскрывает всю последующую палитру, личность художника... Там уже можно догадаться, что же он сам сочтет наиболее важным для «ноты сердца» и того «шлейфа», которым навсегда оставит след в твоей душе. Первые двадцать минут сцена благоухала давними восторгами и утраченным

величием... грустной ностальгией по временам расцвета русской классической оперы... И как только сквозь этот головной аромат, являвшийся на самом деле шлейфом незабываемых композиций прежних постановщиков, — начал пробиваться современный тлетворный душок разложения... я просто постаралась оттуда сбежать, без всякого «вжика», если честно. Опустив голову, с горьким чувством утраты.

Натали: Примерно так я и истолковала ваше молчание. Написала всем, кто интересовался «Русланом и Людмилой» в постановке Чернякова, что вы посетили спектакль ради одной сцены в романе «Парнасские сестры», а отдельно вам на этом останавливаться на этом недосуг. Так и

ответила, что Ирина Анатольевна считает ниже своего достоинства — высказывать мнения по такому поводу.



Некоторые постановки театра так трогали Аллу Давыдовну, что она брала руку пресс-секретаря Никифоровой и прижимала к своему сердцу, до крайности смущая подругу этим жестом благодарности. Но она не могла отдать должное, что постановки из классического репертуара обновлялись таким образом, чтобы и Мише были интересны их культурные мероприятия.



Увидев на огромной сцене театра импровизированный публичный дом в опере «Руслан и Людмила», он замер и погрузился в действие, оживляясь при каждом появлении артисток практически голыми. Современная постановка оперы «Евгений Онегин», где прием был очень похож на знакомые ему посиделки с шашлыками, выпивкой и дурью – даже вдохновила его на воспоминание, как два его бойца поссорились из-за одной бабы, а потом один другого в бетон закатал.



И пока Михаил заворуженно паял на сцену, где артистки под классические арии исполняли стриптиз, Никифорова, весело фыркая, подавала Алле Давыдовне распечатки откликов зрителей на особо понравившиеся Мише спектакли.

- А чего ваша Полигимния в «Руслане и Людмиле» не выходит? – спрашивала она пресс-секретаря с презрительными нотками в голосе. – Надо было ее в качестве Наины на сцену выгнать, раздеть догола и перьях вывалить! Мише бы очень понравилось!

- Да она вначале согласилась участвовать, — с ненавистью отвечала Никифорова. – Мы планировали до конца творческого замысла ей не раскрывать, чтобы визжала по-настоящему. А эта старая грымза

что-то почуяла. Вышла на сцену и заявила: «У меня нет сил в этом участвовать. Я посмотрела, что вокруг меня делается, и мне стало с сердцем плохо. Вот, правда, стало плохо с сердцем, прямо на сцене!» И упоролась в свои оперные конкурсы! Ну, не гадина ли?

[И.А. Дедюхова «Парнасские сестры»](#)



Ирина Анатольевна: Это вы исключительно верно им ответили! Мне кажется, из этой сцены всем должно быть ясно, что за «шлейф» для меня тянется от этой постановки. А они тогда что?.

Натали: А они тогда пошли тогда интересоваться моим старым мнением [по этому поводу](#). Немного поясню, собеседника возмутил тон и манера, в какой была [высказана критика](#) в адрес спектакля Большого театра «Дон Жуан» В.А.Моцарта в постановке Д.Чернякова...

Ирина Анатольевна: Ага, все скопировали и

распечатали, как я вас учила? Скриншоты сделали? Вот и отлично! Теперь будем знать, над кем стоит проводить парфюмерные эксперименты, а на кого не стоит драгоценные ароматы переводить. Это у нас что?

Натали: Вначале у нас идет разговор... про оперу, антисептику и дератизацию... И почему-то все время сворачивается к... грубому оперативному вмешательству! Взгляните!



16.11.2010, 14:50#860Walter Boot Legge

«Сообщение от Vasilisa: Боже мой, Walter, какая аргументация, когда кругом сплошная вульгаризация»

Хирург оперируя народного артиста и серийного убийцу, применяет одни и те же методы (в т.ч. антисептики). Иначе он не хирург, а мясник. Точка.

16.11.2010, 16:31#866Vanil

Это в идеале. А на практике, поинтересуйтесь методами работы служб спасения в критических ситуациях, у них интересные алгоритмы в нормативных документах прописаны.

Все обуславливается наличием ресурсов. А вот в нашем случае закончился такой ресурс, как терпение.

16.11.2010, 16:44#867Walter Boot Legge

Чтобы не оскорбить вкус любимого модератора Музыло напишу в ответ, что Вы используете полемический приём, позволяющих ввести Ваших читателей в заблуждение и склонить их на свою сторону.

16.11.2010, 18:57#869Vanil

Существование такого понятия, как «медицинская сортировка», уже говорит о многом.

«Организация медицинского обеспечения населения в чрезвычайных ситуациях.

Основы лечебно-эвакуационного обеспечения пораженного населения в чрезвычайных ситуациях.

ПЕРВАЯ ВРАЧЕБНАЯ ПОМОЩЬ

Следует помнить, что при прочих равных условиях приоритет в очередности оказания экстренной медпомощи на догоспитальном этапе и эвакуации принадлежит беременным женщинам и детям.»

В условиях критической ситуации к моменту поступления на операционный стол последних в очереди антисептиков может не остаться и хирург будет вымотан. Медикаменты и физические возможности врача – это ресурс, которого на всех может не хватить.

16.11.2010, 22:48#870Walter Boot Legge

«Госпиди!»(с)..... Ванил, я плачу! Если бы я считал, что Вы написали неправду про организацию медицинского обеспечения населения в чрезвычайных ситуациях, я бы так и написал! Ванил солгал. Но я такого не написал! Я написал другое. Простите, не могу назвать одним словом: боюсь штрафа! Но я о Вас лучше думал и ошибся... Вы не демагог, Вы просто не поняли моей весьма несложной, как мне казалось, метафоры. И в силу бог знает каких причин стали оспаривать универсальность применения антисептики! Ну смешно же! Буратино, предположим у тебя 2 яблока. И ты отдал одно.... — А я не отдам! Приходится, как говорится, объяснять анекдот.

Чрезвычайной ситуации нет! Шайгу позаботился!

Хирург оперирует 2х людей... К одному он испытывает уважение. К другому презрение, ибо знает, что это серийный убийца, органы которого были задеты пулями наших доблестных правоохранительных органов при задержании.

Вопрос — будет ли он оперировать двух одинаково раненных людей с разной степенью внимания в соблюдении методики операции в зависимости от личного отношения к каждому из них (уважения и презрения, соответственно)?

Ответ: если нет — он профессионал, если да, он — мясник. Аналогию с критикой сами проведете? Или объяснить?

17.11.2010, 00:04#871Vanil

«Сообщение от Walter Boot Legge: «Хирург оперирует 2х людей...»

Именно на это Вам и отвечалось в пред-предыдущей реплике. Ситуация идеальна, в реальности имеет место нехватка тех или иных ресурсов. На практике бомжей и лиц без страховки принимают в другое отделение и там другой врач.

А аналогия хирурга с критиком неуместна, т.к. с предложенным материалом впору работать аналогу инфекциониста. Этому не место в ОПЕРАционном зале (Большом), этому место в «чумном бараке» (какой-нибудь студии на средства спонсора).

Ирина Анатольевна: И чем все закончилось? «Головной аромат» вашей дискуссии рождает долгое послевкусие. Даже каламбурчик сложился!

Натали: Это действительно так... наверно. Вот давеча читаю как бы «от чистого сердца» написанный отклик о современных оперных постановках, где нахожу подозрительно много компонентов нашей давней дискуссии. Да и ваших статей — тоже. Чувствуется, человек долго ждал, пока шлейф ваших статей примерно того же периода не выветрится из его контрабаса.

Известный драматург и либреттист Юрий Димитрин прислал к нам в редакцию свою статью. В присутствии ему эмоциональном, образном и полемическом стиле автор рассуждает в ней об актуальных проблемах оперного искусства.

Это не фантазия и не вопль отчаяния. Это медицинский факт. Опера — на операционном столе. Она задыхается. Отеки, одышка, аневризма аорты, закупорка вен, эмфизема легких... Вокруг нее люди. На врачей не похожи, — ни белых халатов, ни врачебных масок, — но трудятся не покладая рук. Мелькают тампоны, скальпели, обрывки страниц либретто оперной классики, зажимы, катетеры. Наиболее образованные, регулируя истечение капельниц, судорожно листают оперные клавиры. Что же это за компания? Это мировая режиссура с азартом препарирует оперу.

Юрий Димитрин акцентирует внимание на разрушении самой концепции жанра.



Фра Карневале. Рождение девы (фрагмент).
Метрополитен-музей. Нью-Йорк. 1467

*Изобретатели оперы — флорентийцы конца XVI века — определяли созданный ими жанр как «dramma per musica» (драма через музыку). ** И пока этот верховный принцип оперы — через музыку — жив, жив и музыкальный театр. Давая жизнь опере, принцип этот сохранял жанр более трех столетий. В XX веке незыблемость этого принципа стала постепенно расширяться. А в наше время едва ли не каждый постановочному «пропиаренный» спектакль покрыт ржавчиной «авторской режиссуры», где идеи композитора бесцеремонно смяты концепцией режиссера, как правило, ни эстетикой, ни содержанием не вмещающейся в партитуру. Оттесненная режиссерскими идеями музыка, перестав в нашем восприятии быть основным средством художественной выразительности, отправляется на периферию нашего внимания.*

Дающий жизнь опере принцип «драма через музыку» оборачивается своей противоположностью – «музыкой под драмой» и распятая режиссурой опера, скуля как искалеченный пес, околевает под палящим солнцем премьерных пиар-оваций, ласкающих слух ее убийцам.

Ирина Анатольевна: Ну, да... Непременное замечание про «голых королей»... Конечно, из статьи 2010 года... Интересно, когда этот «король» для него самого стал «голым»? С каких пор?..

«Знаете, почему мало людей, способных сказать: а король-то голый? Потому что они себе не доверяют».

Натали: Конечно, сюда пошла и ваша статья [«Голые короли»](#), и [ваше убеждение больше доверять себе](#)... Непонятно только, почему сам он три года ждал, чтоб проникнуться «доверием» к вашему шлейфу из контрабаса.

Ирина Анатольевна: А вы еще удивлялись, почему это я через двадцать минут решила покинуть это дорогостоящее зрелище, почувствовав недоброе. Посмотрите, все чувства и образы этого Юрия Димитрина надерганы из ваших постов с форума «Классика», за которые вас отнюдь не благодарили, и из моих статей, за которые я пережила черти что и с боку бантик. Страшно вспомнить, что несчастный Глинка пережил за свою оперу «Руслан и Людмила»!

Натали: Но как понять с первых двадцати минут, что сейчас начнется «форменный бордельчик» (с. Василий Шукшин)?

Ирина Анатольевна: Слушайте, а зачем вся эта критика, новые постановки, зачем искусство вообще? Ради новых неповторимых образов! А если сразу идут образы старые, заимствованные, но аромат нестойкий, чувствуешь, что сейчас все это сдует и... начнется то, чем у нас и без Чернякова во всех подворотнях воняет? Учтите, что все непременно проявляется с головных нот, когда из него лезет шлейф чужих образов!

Натали: Меня тоже удивило, что о спектакле апреля 2011 года Юрий Димитрин написал только сейчас. Причем, как бы находясь «во внутреннем диалоге» с Варварой Туровой, которая честно изложила мысли по поводу в далеком нынче 2011 году.



Дмитрий Черняков

[При этом ничего такого уж провокативного в этом спектакле нет. Это понятно любому человеку, бывавшему в любом европейском оперном театре — от Берлина до самых до окраин. В нем нет натурального полового акта с абсолютно голыми певцами, нет бутафорской крови, заливающей весь зал, нет избиения младенцев, уродливо показанной смерти, ведер с говном на сцене \(с соответствующим запахом!\), нет педофилов, маньяков и наркоманов на сцене — словом, нет ничего из того, что вы легко можете обнаружить на лучших сценах мира.](#)

Ирина Анатольевна: Ну, Турова точно писать не умеет, она, конечно, изложила свои впечатления, чтоб подчеркнуть, что и в Европах побывала. Не с точки зрения исконной русской классической культуры. Но ведь она — женщина, в конце концов. А тут ее Димитрин откровенно использует, будто оперу она на его средства посещала... В этом плане мне более всех нравится Александр Дольчев! И впечатления все свежие, в самую тютельку, позиция и вкус —

безупречные! А почему у него нет такого вороха требований рецензий, что у вас в почтовом ящике?

Натали: Почему?

Ирина Анатольевна: А потому что он за оперные рецензии всегда требует контрамарку на балет! И это нынче самый правильный путь сказать культурно и обтекаемо то, что там пишет во вступлении Димитрин, зачем-то приплетая «флорентийцев». Заметим, на том же уровне, к чему приплекла Варвара Турова свое пребывание в Европе. Так и хочется сказать, что до полового акта на сцене в Большом не докатились, понимая, что все скромненько поперхнутся и начнут некстати вспоминать флорентийцев и театральную жизнь Европы. Кстати, не напомним, как это Дольчев обозвал?

Натали: «Режопера»...

Ирина Анатольевна: Великолепно! Этот Дольчев вызывает такое стойкое послевкусие, что так и тянет вернуться к нему, кинуться на шею и любить-любить-любить... до посинения. Вот как давеча с вами чуть этого не вышло... впрочем, неважно. Смотрите, даже настоящие старые ароматы Исси Мияки его не отшибают... Вот ведь гад какой! Берете статью Димитрина... вот так делаете ею несколько движений в воздухе, чтобы заговорила «нота сердца» (не зря он там что-то про «сердце режиссера» мурлыкал)... водите, водите... а теперь вдыхайте!

Натали: Ах, Дольчев!

Ирина Анатольевна: Правильно! Осталось разобраться, чего ж он хотя бы в апреле эти свои размышления не опубликовал, раз так его за живое задел... «флорентийцы»? Тогда все же это было намного честнее, актуальнее. А уж сегодня мог бы и парочку слов по поводу «Князя Игоря» выдать...



Итак, апрель 2011, «Руслан» в постановке Чернякова, Большой театр. Резонанс мощный. Интернет бурлит. Пресса. Около двадцати рецензий. Три четверти из них, правда, отрицательны, что удивляет. Наши критики (и журналисты, прикидывающиеся ими) обычно спектаклям «режопера» рукоплещут. Иногда даже складывается впечатление, что они чуть ли не подельники главных фигурантов «авторской режиссуры».

А тут вдруг, такая аномалия. Есть, разумеется, и позитивные отклики, и восторженные. Вот с одним из них – опусом страстно-апологетическим – мы и будем перекликаться, обсуждая «Руслана». Это монолог Варвары Туровой, опубликованный на сайте «Сноб». Вроде бы толковый, нешуточные проблемы ставящий монолог.

Вот первая из него цитата.

«Истерика, которая происходит уже который день по поводу «Руслана и Людмилы», достигла каких-то прямо беспрецедентных по московским оперным меркам масштабов. На ТВ происходит нагнетание трагической интонации «Доколе?!», в интернете люди бьются не на жизнь, а на смерть, блоги кипят фотографиями голых женщин на сцене великого театра».

Тут комментировать нечего. Все чистая правда. Читаем дальше.

«Открывается занавес – во всю ширину сцены, все участники оперы в сарафанах, кафтанах, стразах, кокошниках... Все эти нарядные люди стоят лицом к залу, а за ними – палаты а-ля рус, и все такое голубое, лазурь-березки-лобзанья. Хочется выключить все это, потому что это режет глаз, потому что это не может быть правдой, потому что это – гипсокартон, пластиковая лепнина, фальшак. Нате, подавитесь этим вашим великим русским искусством, этим вашим великим народом. Вы хотели кокошников – их есть у меня. Вас начнет тошнить от них минут через пять, но вы их хотели – получите, распишитесь, вы же в главном, блин, театре великой страны».



Минуточку, госпожа Турова, остановитесь. Я мог бы и дольше любоваться вашим темпераментом, но, простите, в обрисованном вами жлобско-русопятом зале и я сижу. И моя дружина (мои единомышленники) тоже. Я их не считал, но думаю нас в зале процентов девяносто. И то, что мы видим на сцене, нам глаз не режет, мы не хотим это выключить, у нас нет рвотных позывов... «Нате, подавитесь...» Как это вы увидели в режиссуре начала акта «нате, подавитесь»? Если вы правы, если именно к этому стремился режиссер, он наивный глупец и мало кому интересен. Ибо он считает, что его прозрачно-косметическая (мне совершенно не заметная) режиссура – ах, как тонко – способна победить глинкинскую музыку, ничего общего с «нате, подавитесь» не имеющую. В начале этой картины, уважаемая Варвара, музыка именно про нелюбимые вами «лазурь-березки-лобзанья» Глинкой и писана.

Этим былинным русским пиром на сцене Большого я, признаться, был совершенно неожиданно для себя увлечен. Львиную долю среди причин этого увлечения, полагаю, составляли: музыка оркестр, прекрасные голоса певцов, замечательный хор и превосходная сценография. А царил над всем этим совершенно блистательный Владимир Юровский – дирижер европейского масштаба несомненно.

Режиссура? Работа режиссера Чернякова показалась мне мастерской, хотя бы потому, что я почти не замечал ее. Слияние сцены и музыки было почти полным, и после бесконечных экзерсисов «режопера» это выглядело непривычно. Можно наслаждаться, ослиные уши режиссера нигде не торчат, как ни присматривайся. Наслаждаться оперой, мне удавалось долго, – 24 минуты, пока перед Людмилой, дочерью князя Светозара, не появился цивильный оператор с телекамерой. Глинка почему-то не включил в партитуру музыку «явления народу телекамеры», и поэтому оркестр Юровского мне ничем не помог. Возникшая на миг «телетема» должной реакции у меня не вызвала, и это было ошибкой. Режиссер мне напомнил об этом через три-четыре минуты повторным появлением телеоператора. А потом, после исчезновения Людмилы, на сцене возникла стража: несколько охранников (черный костюм, белая рубашка), видимо служащих в офисе Светозара, проморгавших похищение Людмилы и опасаящихся увольнения. Оркестр и тут «промолчал», и я начал было разочаровываться в Глинке. Не знаю, как реагировала на все это уважаемая Варвара и «ее рать», но уже через два-три мига и я, и она поняли все. Она, полагаю, радостно перекинувшись со своей ратью взглядами, прошептала: «Концепция!»

Явилась, кормилица ты наша!!» Я же со своей дружиной понял, что мы проиграли и здесь: «Вползла. Да, это она, концепция. Теперь намучаемся».



Натали: А он все же наслаждался зрелищем дольше вас, 24 минуты!

Ирина Анатольевна: Знаете, Натали, я на опере время не засекаю. Может, я наслаждалась не 20, а 18 минут, а затем... почувствовала недоброе. Но оставлять от оперы «Руслан и Людмила» подобное послевкусие, не считаю... рациональным. Не то время, извините!

Натали: Да, не то, что раньше! Раньше бы они по два года с рецензиями не ждали, а все бы на следующий день прописались во всех газетках и вопрос бы закрыли. Режиссера бы выгнали за Полярный круг органную музыку поднимать с вычетом из зарплаты всех его «творческих задумок».

Ирина Анатольевна: О! Раньше! Раньше и без партии КПСС даже премьеру 1842 года все враз по косточкам разобрали так, что даже критик Стасов, выступивший в защиту постановки, впоследствии назвал ее «мученицей наших дней». И без «флорентийцев» обошлись, своими силами. А к постановке 1948 года, чтоб заранее подсластить себе возможные разочарования, кондитерской фабрикой им.

Крупской были выпущены конфеты «Руслан и Людмила», с миндальным ликером в качестве начинки...

Натали: С ума сойти!

Ирина Анатольевна: У них был самый гламурный фантик среди советских конфет! Розовый... со сценой полета Черномора и Руслана, ухватившегося за его бороду. И употреблять их следовало немедленно, никакому хранению они не подлежали, шоколадная глазурь была тоненькой, ликер начинал сквозь нее просачиваться... Поэтому, стоило немного помедлить и попытаться растянуть удовольствие, так потом приходилось долго вылизывать пьянящий фантик с Черномором... И этот шедевр кондитерского искусства отставлял мощную «ноту сердца» от всего творчества Александра Сергеевича Пушкина и Михаила Ивановича Глинки... Вот это была *концепция*! Ну-с, продолжим, что там с нашей «режоперой»?..

Натали: Димитрин это называет «неоперой»... что созвучно, конечно. Навевает...



Ни я, ни она не ошиблись. Уже в следующей сцене режиссерская концепция оперы была представлена нам в полный рост. Появился Руслан. Языческий князь поспешал на выручку языческой Людмиле в поношенном пуховичке поверх расхристанной рубашки, в джинсах и кедах. Вот она – визитная карточка нынешнего новаторства – переодевание персонажей прошлых веков в сегодняшнюю одежду, настырно повторяющееся из спектакля в спектакль. Не знаю, как Вам, мне, честно говоря, эта визитка просто осточертела.

А, кстати, любопытно узнать, сколько ей лет? Когда впервые режиссура оперы до этого додумалась? Оказывается, впервые это случилось в России на спектакле «Кармен».

Испанской Севилье был придан вид современного города, классические герои щеголяли в современных одеждах. Эскамильо выходил во втором акте в пиджаке, белых брюках и соломенной шляпе. Солдаты были одеты в современную тому времени военную форму. В толпе мелькали фигуры рабочих в кепках. И все это происходило на спектакле И. Латицкого в петербургском Театре Музыкальной драмы. Когда? В 1913 году. Поздравим нынешних режиссеров-новаторов со столетним юбилеем сего новшества, в котором уже даже запаха нафталина не осталось.



Зачем эта «свежесть третьей степени» понадобилась режиссеру уровня Чернякова понять трудно. Не верю, что он одевает персонажей прошлого «в сегодня», чтобы я в зале почувствовал свою тождественность героям. Эта логика пугающе примитивна. Ну, скажем, стелет такой пуховичок в сцене у Ратмира: «Что со мной? Сердце ноет и трепещет!» Это он что, сближая наши судьбы, пытается намекнуть мне, что мы с ним одно целое, ходим в кедах, и жалуемся друг другу: «сердце ноет и трепещет»? Да из меня эти словеса и клещами не вытянешь. Стоит такой сегодняшней дяденька на «поле, поле,

кто тебя усеял» и поет: «Но добрый меч и щит мне нужен...» А я – идентичная ему особь в зале гляжу на него и думаю: «Ну, зачем тебе, мужичонок в джинсах, меч и щит? Да еще и конь в придачу? Они же совершенно не из нашей с тобой жизни». Невероятное очевидно. Неужели режиссура не понимает, что музыка в союзе со словами, написанными 180 лет назад, эстетически не приемлет такого внешнего облика персонажа, что эстетика сцены несовместима, а иногда и просто враждебна ей.

Эта гардеробная агрессия, в творениях концептуальной режиссуры получила повальное распространение и производит впечатление какой-то паранойи. Но в «Руслане» это болезнь не единственная. Там дело, конечно, не только в одежде. Постановка оперной сказки завалена бытом. Иногда даже кажется, что режиссер специально работал со сценографией и певцами над обытовлением ситуаций.

Впечатление, что бал здесь правит некий визионер, создающий картинку, а затем обволакивающий ее своей режиссерской настырно бытовой «движухой» (прошу прощения за жаргонное словечко). Причем все это осуществляется не без таланта, последовательно, где-то даже внутренне цельно по отношению к своему собственному замыслу. Увы, с той поры, как на сцене появился наш кореш Руслан, сцена эстетически к произведению композитора не имеет никакого отношения.

Музыка здесь не рождается драмой и не одухотворяет ее. Изрядно замусоренная бытом, она постоянно испытывает насилие драмы и доходит до зрителя уже изрядно испачканной сценическими образами. Это уже не драма через музыку. Это «неопера».



Что такое в сценах с Финном и Наиной «стулья на столах» [“Организация медицинского обеспечения населения в чрезвычайных ситуациях”], как в современных ресторанах после закрытия. Это легкий бытовой подзатыльник музыке.



А прелестницы из гарема Ратмира моющие Руслану ноги в тазу. Это уже увесистая затрепщина. Далее Руслана раздевают за простыней, и две девицы с торжеством несут по сцене только что снятые с него джинсы. Это что такое? Это оплеуха, отвешенная с плеча и от души. Музыка хватается за щеку, зрители веселятся (смех в зале). Бородатый карлик Черномор (который на сцене вообще не появляется) в целях соблазнения и разжигания вожделения Людмилы, томящейся в его царстве (царство это похоже на больницу для VIP персон с бесчисленными медсестрами и

медбратьями) подсылает к ней суперсексуального красавца-хахаля, подстриженного под братка 90-х с татуировками на голом по пояс теле. И что же происходит с музыкой? Не будем ожидать от нее невозможного. Ей в это время трудно даже вздохнуть. Музыку Глинки, только что получившую прицельный удар в солнечное сплетение, душит восторженно-издевательский (и не без скабрзности) смех оперного зала.

Я ничего не преувеличиваю. Восторгающаяся спектаклем госпожа Турова свидетельствует о тех же фактах.



«Почему зал смеется, когда она (Людмила – Ю.Д.) проходит через этот ад? Потому что она в легкой комбинации вместо сарафана с кокошником? Все эти люди (это о публике – Ю.Д.) никогда не знали давления и унижения? Или, наоборот, знали и знают его так много, что неизбежен, как простейший защитный механизм, вот этот животный гогот? Это, кстати, добавляет смыслов. В какой-то момент начинаешь путаться, где сцена, где зал, где герои оперы, а где те, кто должны эту оперу воспринимать, принимать, понимать? Ведь эти люди в зале ведут себя

точь-в-точь так же жлобски и жестоко, как персонажи, против которых они протестуют! Найдите 10 отличий! Вот гениальная режиссура!».

Не буду это комментировать. Отмоюсь от клички «жлоб» каким-нибудь другим способом. Отмечу только, что в этом обличительном абзаце во славу гениальной режиссуры ни о музыке, ни о «драме через музыку» нет ни одного слова.

Продолжим нашу хронику черняковского «Руслана».

С мечом в руках в «больнице Черномора» появляется бомжеподобный Руслан, за ним цивилизные горожане Ратмир и Горислава. Прикольно – зал хохочет. Помахав мечом перед толпой медсестер и медбратьев и поперекавшись с ними, Руслан заставляет их убраться вон. «Победа! Победа!» – восклицает Ратмир. В ответ – гомерический хохот зала. «Танцуют все!». Это уже нокаут. Судья еще считает – впереди полтора акта – но «Руслана» с колен музыке уже не поднять.

Неопера.

Ирина Анатольевна: И к чему мне в моей многотрудной и полной всяческих неприятностей жизни — вдобавок такие вот «впечатления»? Димитрину это нужно, чтоб себя протолкнуть, да после всех позлорадствовать. А мне такое не нужно, поэтому встала — и ушла, стараясь никого не

тревожить. Я же не жадная! У людей оставалось еще целых четыре минуты наслаждения Глинкой, так мне-то зачем им эту малость отравлять? Я же не Черняков все-таки. Но и Димитрин мог бы пораньше все это постараться прекратить, раз уже получил 24 минуты...

Натали: Все равно не понимаю, как можно за 18 минут понять, что... Ну, вы же опять шутите надо мной! Признайтесь! Вы вначале ролики в Интернете посмотрели, признайтесь!

Ирина Анатольевна: А в чем здесь особо «признаваться»? Конечно, посмотрела! Потому вся прониклась... нездоровым любопытством! Если хотите, я туда и согласилась пойти... из той же мотивации, из которой весь наш ярус был забит... как бы это выразиться толерантнее? Ну, короче, там было много любителей оперы с Северного Кавказа. Они, как и я (скрывать не стану) с нетерпением ждали, что кордебалет в одних кокошниках вывалит на сцену сразу же после увертюры. Но тут вдруг ударила такая щемящая верхняя нота давно забытых образов... И в духах верхняя нота состоит из быстро испаряющихся парфюмерных материалов... Такая чистая травянистая нота степного раздолья... розмарин, лаванда, тимьян, базилик... Слишком терпкая и острая нота, чтобы воспринимать дальнейшее, не испытывая муки угасания и принижения сложившихся образов.



Как оценивать изрядное количество раскиданных по спектаклю эпизодов неожиданно для режиссера вызывающих смех зала? Это, кстати, изумляет и вне всякой связи с флорентийским «dramma per musica». Черняков же не комическую оперу ставит, и не пародийную а-ля «Вампука, невеста африканская». Как же, насыщая Музыку На Либретто «Руслана» сценическим содержанием он смог так не угадать предполагаемую реакцию зала. Ведь это означает только одно, – каждый такой эпизод режиссерски провален. А если

говорить о драме и музыке, то музыка этих эпизодов из нашего восприятия вообще выброшена. Ее и «под драмой» нет. Мы ее даже как саундтрек не можем зафиксировать. Мы смеемся.

Неопера.

Либретто этой оперы Глинки – ох, и трудный же орешек для постановщиков. Варвару Турову и других поклонников черняковского «Руслана», очевидно, приводят в восторг весьма подробно прочерченные намерения режиссера. Но, увы, это всего лишь намерения. Я тоже их заметил. Нестандартность замыслов, тщательность проработки, изобретательность... – этого не заметить невозможно. Более того, у Чернякова в спектакле есть два-три эпизода (рондо Фарлафа, например) как будто бы в полной мере соблюдающие букву глинкинской музыки. Ах, если бы еще и ее дух...

Нет. Неопера.

* * *

Описываемая история «Руслана» премьерой оперы в «Большом» не заканчивается. «Лучший оперный режиссер года»... Жюри «Золотая маска — 2013» присудила этот почетный титул Дмитрию Чернякову. Со многими членами жюри я не знаком, ко многим из тех, кого знаю, отношусь с уважением. Не ведаю, кто, как голосовал. Вынужден адресовать свою реакцию всей команде. Госпожа «Маска», это что за выходка? Зал Большого театра кричит режиссеру «Позор!»



Многие сцены спектакля тонут в хохоте зрителей, а жюри «Маски» заявляет – «Жлобье!» «Быдло!», мы вам покажем, кто в доме хозяин. Это лучший режиссер оперы. Ясно? И заткнитесь».

Как иначе можно объяснить ваше решение? Такое впечатление, что доблестной бригаде убийцев жанра придан еще и оперативный взвод могильщиков жанра. И на этот раз жюри по музыкальному театру «Золотой маски» выполнило работу этого взвода. Посмотрите на свои ладони, господа из жюри. На них

мозоли от лопаты, которой вы торжественно закапываете и мнение публики, и авторитет «Маски». И оперный жанр.

Надгробный камень. Цветочки. Ограда. Скамеечка. Оркестр играет туш.

Натали: Нельзя не отметить, что это явление «топовых» режиссеров взросло в среде, где финансирование жанра ведется в отсутствии прямой зависимости от мнения публики. Выстроены специфические автономные системки с бюджетным потоком средств, да еще при «менеджерском» руководстве...

Ирина Анатольевна: Вы это, Натали, на форуме «Классика» напишите, там непременно кто-нибудь свистнет ваши тяжелые размышления для своей программной речи.

Натали: Это я как бы ваши размышления перефразирую, чтобы смягчить «ноту сердца» от замечательных высказываний нашего президента по поводу... культуры. Особенно умилило использование вашего «прокрустово ложа» не совсем к месту, не говоря о «комплексной оценке». Радует, что его референты хотя бы знают, с кого списывать...

«Культуру нельзя загонять в прокрустово ложе бессмысленной отчетности о «количественных достижениях» и «процентах на душу населения». Она может измеряться только общественным признанием и характером влияния на становление личности», — сказал президент.

Он попросил обратить на это внимание. «Нам нужна новая, комплексная система оценки качества культурной среды и эффективности реализуемых мер», — сказал президент.

Ирина Анатольевна: Одного у этого Димитрина понять не могу...

Натали: Чего?

Ирина Анатольевна: А вот когда он эту оперу сам видел? Смотрите, ожидая моего *апрельского* посещения оперы в 2013 г., вдруг описывают *апрельскую премьеру 2011 года*. Хотя Варвара Турова указала дату более точно. Премьера постановки Чернякова была в *ноябре* 2011 года, по моему. Но и в *апреле 2012 года* этот спектакль точно не давали. Чего ж так настаивать на *апреле*?

Натали: Долго, видно, ждал от вас ответа, перенервничал, бедненький... Точно! Если сам был в ноябре, чего поминать апрель?.. Он писал с думой о вас, отсюда апрель, хотя премьера - ноябрь 2011...

Ирина Анатольевна: Да уж. Может быть, кто-то ему сказал, что в апреле я высидела только 20 минут, а через 24 минуты из Большого вжикнула?.. Мол, сама критиковала Иксанова, что он оперу не смотрит, постоянно с нее вжикая, а типо сама-то, сама! Значит, мое вжиканье не прошло незамеченным, загвоздилось! Вот что значит, когда платье облегает, как надо!



Натали: А я больше такие летящие фасоны предпочитаю... трапецией.

Ирина Анатольевна: Я вам потом расскажу, с чем связано это предпочтение, Натали, не для вашей напряженной переписки с современными любителями оперного искусства. Затянулись потуже — и вышли на охоту! Совмещаем приятное с насущной необходимостью, как Пушкин и Глинка. Как видите, мы-то куда более стойкое впечатление можем произвести, чем какой-то Черняков. И уж не только на Димитрина... Забирайте, Натали, свой штрудель, отправляемся к Дольчеву!



Натали: Очень хорошо понимаю теперь, почему часть моих адресатов негодует от невинного замечания, что сейчас все будут говорить исключительно вашими словами. Потому что живут в вашей языковой среде! На их месте следовало бы признать очевидное... А ликер брать?

Ирина Анатольевна: А чего глупости спрашивать? Все же оперу будем обсуждать, даже не балет... Конечно, брать! Про все эти заимствования и обороты, думаю, особо огорчаться не стоит. Тут уж ничего не поделать. От настоящей женщины всегда остается стойкий шлейф послевкусия... Лично я давно смирилась с происходящим, понимая, что...

и долго будут хранить ее запах.

Когда Мэрилин не станет, все узелки обрастут легендами,

Синий чулок



В ноябре и мне в общих чертах обрисовались масштабы противостояния и морального давления, испытываемого Ириной Анатольевной. Мы с Аделаидой переписывались со многими юристами по совершенно однозначному «делу» Ирины Анатольевны». Там в суд этот лживый донос было подавать нельзя, там в самом приговоре суд не смог сформулировать суть совершенного «преступления». Судили женщину «за излишнюю эмоциональность», подвергая каким-то изуверским нападкам и издевательствам, уничтожая саму жизнь. И каково при этом сталкиваться с обескураженностью юристов (бывших оперативных работников), которые приходили к выводу, что у

нас с 2012 года принимались «частично конституционные» (с. Валерий Зорькин) законы, причем, обратной силой, - с единственной целью: уничтожить Дедюхову, раз ее не удалось «засудить».

В ноябре на моих глазах произошла удивительная вещь. Президент страны устраивает странное общее собрание писателей с приглашенными потомками классиков, чтобы доказать именно Дедюховой, только ей и никому больше, что она как раз писателем не является.

При этом уж даже я, выступавшая в «Литературном обозрении» с 2012 года, неоднократно ловила тех, кто пишет выступления Путину, - на откровенном плагиате у меня. Хотя Ирина Анатольевна заранее предупреждала, что на ее ресурсах прочтут все дословно, причем, на самом верху, но это было... как ушат холодной воды.

Приближался суд над Павлом Дмитриченко, поэтому срочно организовали это писательское собрание, чтобы позвать всех, кто не написал в этот год романа о современной России, ни одного слова не высказал в защиту искусства в развернувшейся «кислотной атаке».

Все писательские съезды и «встречи с читателями» уже прошли летом. Тогда никакого интереса к писателям президент Путин не проявил. Не откликнулась на них и пресса, с упоением расписывавшая эту эпохальную встречу.

Из кулуаров этого неожиданного для всех его участников писательского собрания (сборища?) прозвучали какие-то издевательские намеки на «Общество любителей розовых черепашек». Чувствуется, другого повода для столь представительного собрания никто из участников придумать не смог. Пришлось принять это уничижительное прозвище на свой счет, вспомнив, что и раньше дамские литературные клубы именовались «Синий чулок».

Ирина Анатольевна отнеслась к происходящему с философским спокойствием, решив, что раз ее так показательно игнорируют, значит, она, как всегда, попала в точку. Она в очередной раз удивилась удобству своего женского положения. Любой мужчина на ее месте был бы уязвлен, а ей, как женищине, можно было и не замечать тех, кто делал вид, будто ее уже не существует. Она вдруг вспомнила, что у дам всегда найдутся дела поважнее.



Edgar Degas The Milliners

Натали: Ну, и что вы на такое скажете, Ирина Анатольевна? Вас-то даже не пригласили!

Ирина Анатольевна: А... вы про это? Какое-то там «Первое Российское литературное собрание»? Ну, они же знают, что никакого смысла меня приглашать, я же все равно откажусь... Попробуйте еще вот эту! Натали, у вас лицо какое-то...

Натали: Да, я знаю, что у меня внешность нестандартная! Шляпку подбирать замаешься.

Ирина Анатольевна: Мягко сказано! Ни в одну шляпу такая внешность не влазит. Давайте еще раз попробуем! Смотрите, как ленты гармонируют с... сами по себе!

Натали: Нет, у меня лицо в этом капоре какое-то... хищное!

Ирина Анатольевна: Так правильно! Вы же всегда знаете, где укусить! «Ах, что же это вас-то даже не пригласили? Как можно?» Вылитая ехидна! (в сторону)

Натали: Да как вы могли подумать про меня такое, голубушка!

Ирина Анатольевна: Ну, вот опять! Я же еще и подумать ничего не должна! И при этом соображать вслух, чего это меня-то позабыли, хотя и о литературе вспомнили, чтоб... чтоб... нарочно!..

Натали: Ирина Анатольевна, вот вам платочек! Не поверите, сама вышивала! Успокойтесь, драгоценная вы наша, ради всего эмпирического, духовного и экзистенциального!..

Ирина Анатольевна: Единственный, кто порадовал трезвым суждением, так это Эдичка Лимонов. Только он и забавляет из всего это писательского сословия, тут же сделавшего стойку! Тут же! Собрать, главное даже их не пришлось, по первому свисту рванули... Только накануне крыли «путинский режим» почем зря, а вдруг всех из Фейсбука — как помелом вывистнуло...

А Эдичка... как всегда, в своем репертуаре, неповторимый и изысканный. Знаете, когда-нибудь напишу книгу о нашей взаимной симпатии... на расстоянии. Встречаться нам совершенно ни к чему, особенно в таком обществе...



Lavinia, Countess Spencer by Joshua Reynolds Artist. Joshua Reynolds



Young Girl in a White Hat III by Pierre Auguste Renoir

Eduard Limonov 20 ноября 2013 г.

Мой ответ на приглашение на Российское Литературное Собрание

Я только что отправил вот такой ответ на Приглашение на Российское Литературное Собрание (на котором, мне сообщили, будет присутствовать глава государства) присланное мне. Вот текст.

"Здравствуйте! В ночь с 19-го на 20-е ноября я получил приглашение на Российское Литературное Собрание от вас, родственников и потомков известных российских писателей. От А.Д. Достоевского, М.Ю. Лермонтова, Е.В. Пастернак, А.А. Пушкина, Н.Д. Солженицыной, И.В.Толстого, А.М. Шолохова.

Я вас благодарю за приглашение !

Хотя, признаюсь, в первый момент я подумал , что стал объектом некоего розыгрыша, чьего-то плоского юмора.

Так, в 90-е годы на Старом Арбате можно было сфотографироваться с Лениным, Николаем Вторым, и даже с Гитлером.

Вот я и подумал было, что у вас съезд двойников или однофамильцев.

Принять ваше приглашение не могу и не хочу.

Вот несколько причин, почему не могу и не хочу :

- Мне сообщили, что приглашены чуть ли не тысяча писательских голов.

Я же глубоко убеждён, что в каждую эпоху существует на самом деле либо один значительный писатель, он же мыслитель и властитель дум своего времени, либо считанные единицы.

Я уверен, что этим считанным единицам незачем собираться вместе.

Существует дружба идей, а ещё чаще борьба идей, но литературное собрание в тысячу голов, подвыпившие писатели (а они всегда подвыпившие), - это пошло.

- Я бы не хотел, в момент, когда на сцену вашего собрания подымется какое-либо высшее должностное лицо государства, оказаться сидящим в кресле в актовом зале Университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Потому что я не хочу, чтобы моё имя использовали для усиления авторитета и общественного веса высшего должностного лица.

- Был бы я родственник Э.Лимонова, или его потомок, может быть пришёл бы. Извините.

С уважением ко всем вам, Эдуард Лимонов "

Натали: А вот тут очевидцы повествуют, как писатели через металлоискатель прорывались!

Ирина Анатольевна: Где? Это ж самое интересное, Натали! Над ними глумились? О, хоть бы над ними поглумились и назвали «интеллигентами»!.. Ну, с таким особым выражением.

Натали: Еще как! Даже от строчек несет легкой издевкой!

Ирина Анатольевна: Не тяните, читайте-читайте! Кстати, вишневые кисти на полях этой соломенной жирарди вам очень к лицу... сейчас, когда у вас щечки покраснелись.

Натали: Да покраснеешься тут... Не знаю, как им самим было не стыдно. Небось, нисколько не покраснели даже. А тут читаешь такое... и вся румянцем заливаешься!

Ирина Анатольевна: Да не тяните же резину, Натали! Все, ложусь на канапе, в обнимку с вашими чудными канапе с креветками... Не томите, душечка!

Натали (зачитывает с выражением и модным прононсом):



Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Притча о богаче и нищем Лазаре (Евангелие от Луки 16:19-31)



Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Мудрость царя Соломона

Подбегает девушка: «Господи, можно не стоять в этой идиотской очереди?! Я из администрации президента!» Следом идет актер Сергей Безруков. Охранник, увидев его, почти кланяется: «Ой! Здравсьте, здравсьте, проходите, я видел вас в списках!»

Допросы литературы, 21.11.2013 г.



Joseph-Desire Court

Литераторы толпятся в «предбаннике» основного корпуса РУДН, серого здания на южной окраине Москвы. Писатель и главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков с коллегой пытаются пронести через рамки металлоискателей несколько стопок своей газеты — охрана не пропускает. Тогда они решают протиснуть газеты через ограждение. Коллега ворчит: «Нет, так не пойдет. Но как же без газет?» Поляков уходит и возвращается с двумя мужчинами с бейджами литературного собрания, они забирают газеты.

Через толпу протискивается поэт Евгений Рейн. Спутница Рейна кричит охране: «Это классик современной литературы, вообще-то!» Охранник: «Списки не делятся на классиков и не классиков». — «Делятся, делятся!» — «Это у вас, интеллигентов, делятся».

Другой охранник раз в несколько минут громко спрашивает, есть ли в очереди люди из Роскосмоса. Оказывается, в здании помимо литературного собрания проходит всероссийская научно-практическая конференция, которую секьюрити называет «космической».

Минуя очередь, на литературную встречу торопится глава Роспечати Михаил Сеславинский; он смеется, выуживая из пиджака «корочки»: «Напрасно надеетесь, я без паспорта».

Ирина Анатольевна: Да, Натали, когда вы читаете про это «Здравсьте, здравсьте!» — вы становитесь упоительной и местами хорошенькой. Попробуйте примерить это канотье с прямыми горизонтальными полями. Эту шляпку ещё называют матлот. В переводе с французского – матрос. Мне кажется вам идет горизонтальная и прямая тулья... определенно идет.

И вы хотите, чтобы меня у этого металлоискателя обшаривали по крутым бедрам вспотевшими ладонями, долго заставляли трясти ключами и мелочью, а после нарочито медленно искали в списке приглашенных и по слогам читали фамилию перед собравшейся очередью? А вы, Натали, скрытая садистка! Что-то такое я в вас всегда подозревала... Вам точно надо попробовать шляпку форейтора с высокой тульей...

Натали: А мне как-то продавщица в шляпном салоне сказала, что шляпки с высокой тульей идут всем.

Ирина Анатольевна: В самом деле? Интересно только, что никому лица этих продавщиц никак не запомнить. Вы их не слушайте, Натали, это у них — такая скрытая форма оскорбления, нечто вроде: «Отвяжись, старая ведьма!» Самая высокая тулья — у шляпы ведьм из зарубежных блокбастеров. Здесь все же надо уметь остановиться... хотя бы на калабрийской шляпке с пером.

Натали: Какая прелесть! Только у нас в такой шляпке приличной женщине выйти некуда. Ну, вот даже в оперу или в театр... Как подумаешь, какая там клоака за кулисами, как они роли покупают, как доносят друг на друга и с готовностью пресмыкаются перед разными ничтожествами... Так понимаешь, что времена возвышенного отношения к даме канули в Лету... А эта шляпка уж слишком дамская, с ней так ощущается контраст между внутренней культурой и... *наружной*, наносной.

Ирина Анатольевна: Да уж. В такой шляпке вы, Натали, почувствуете себя незащищенно... хотя она вам очень идет. Уж точно не сравнить с теми бесформенными беретами мышины расцветки, какими вы обычно маскируетесь от окружающих хамов. Но... разве в такой шляпке можно зайти за молоком, проехать на автобусе или зайти в жилконтору, чтобы поинтересоваться, за что они такие счета накручивают? Что поделать, наша жизнь решительно устроена для плешивых хамов в тюбетейках...

Натали: И все эти хамы в тюбетейках, нисколько не стесняясь дам, ломанули через металлоискатели. Там же денег им на культуру пообещали! Вы в курсе, что у нас будет в следующем году какой-то «Год культуры»?

Ирина Анатольевна: У вас, может быть и будет, не знаю. Если честно, то не уверена. Откуда с *такими* — вдруг культуре взяться? А у меня уж точно ничего при этих потных лысынах не будет. Сколь сама в себе культуры нарою, столько и будет.

Натали: Да и я что-то не слишком уверена. Так ведь и ждешь какой-то хамской выходки! Причем, понимаешь, что у них это нынче считается чуть ли не за высший пилотаж «культурного общения»! Неужели они не понимают, что после отключения тепла, при таких платежах неизвестно откуда, при этой лицемерной лжи про «инновации», «модернизации» и «борьбу с экстремизмом» — никакой культуры не возникнет? Лично я отношусь ко всему — как к *имитации культурного процесса*, живу прежними культурными потрясениями, понимая, что в ближайшее время новых и не предвидится.



Ирина Анатольевна: Да, культура... это ведь, на самом деле, очень просто! Культура измеряется не в выделяемых средствах, а в накладываемых ограничениях. Настоящая культура — это не пир во время чумы, не очередная кормежка холуев и прихлебаев, а строгий свод правил того, что делать не рекомендуется в любом случае, по умолчанию. Настоящая культура позволяет экономить огромное количество материальных ресурсов, времени и усилий всего общества, направив их намного более позитивными путем.

Натали: Соглашусь с вами, Ирина Анатольевна, полностью, вы-то в таких вопросах никогда не ошибаетесь. Как было где-то и кем-то сказано, культура — это комплекс табу. Ни одной бюджетной копейки не стоит на самом деле! Меня на днях

поразил факт о [старушке из Ставрополя 65-ти лет, о которой вы давеча рассказывали](#). Как она попыталась от дворовых хулиганов защитить свою внучку восьми лет, а у этих хулиганов оказалась национальность... Как потом над ней поглумились, судили, а в результате заблокировали платежную карточку и лишили средств к существованию... Читала и думала, что

на издевательство на пожилой женщиной было потрачено не менее полутора миллионов бюджетных рублей. А будь эти люди культурными, и деньги бы сэкономили, да и хулиганы бы настолько не распоясывались.



*Ivan Tsarevich and Baba Yaga. Otryaskin
Alexey. Fedoskino 2007*

Ирина Анатольевна: Думаю, раз они этой пожилой даме карточку заблокировали, они на свои «культуру» под шумок не меньше пяти миллионов спустили... Забывая, что культура — это когда женщине комфортно в обществе. И все! Это когда мужчины, включая президента, ведут себя предупредительно в отношении дам, особенно пожилых и много повидавших, которым остаток жизни местные хамы уже испортили своими «демократическими преобразованиями».

Что, к примеру, было этим гражданам говорить о русской литературе, если они не знают ее фольклорной основы? У нас ведь все сказочки начинаются со встречи с непрезентабельной старушкой в поношенной шляпке, которая находится в провокационной жизненной ситуации. И нравственный выбор определяет, насколько культурным окажется добрый молодец: пнет он беззащитную старуху или наоборот поможет ей? А может он ее платежной карточки лишит и узелок с харчами отберет, пока никто не видит и в суде не докажет?

Натали: А он что?

Ирина Анатольевна: Ну, знаешь ли, в условиях полной безнаказанности, разгула коррупции и безнравственности, да вдобавок посреди лесной чащи... так ведь и тянет совершить массу «подвигов», за которые «ничто ни будит». Вот тут и проявляет культура, причем, совершенно бесплатно! В лесной чаще нашего реального бытия, а не у металлоискателей с охранниками, которые из всех современных писателей знают только актера Безрукова, изобразившего Пушкина и Есенина, причем так, что я их теперь все время путаю... Интересно, а их там кормили? Ведь самые голодные слетелись.

Натали: Их кормили, как же! Пирожками с говядиной (свинины наши русские писатели не едят, как известно) и пирожными. Хотели вначале ограничиться пирожками с капустой, но после расщедрились...



*Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Насыщение
пяти тысяч (Евангелие от Иоанна 6:3-14)*

Пришедшие на собрание расходятся по восьми секциям. Название каждой начинается со слова «проблемы»: проблемы преподавания литературы в школах, книгоиздания, современной российской поэзии, современной прозы, продвижения русской литературы в мире, литературной критики. Очень скоро дискуссии в секциях завершаются — и гости направляются в столовую.

Между столов, заставленных пирожками и бутербродами, бегают студенты РУДН (белый верх, черный низ). Одна из студенток кричит, чтобы на стол вместо пирожков с капустой поставили пирожки с говядиной. За стол садится писатель Валентин Распутин. К нему подходит знакомый литератор. Они обнимаются и

целуются.

Писателям тут явно нравится; один восклицает: «Вот это да!» — другой приговаривает: «Ишь ты, ишь ты, ишь ты».

В столовую заходит настоятель Сретенского храма Тихон Шевкунов, которого называют духовником Владимира Путина. Сотрудники администрации провожают его в обеденную для специальных гостей, куда помимо Шевкунова устремляются Станислав Говорухин и Сергей Соловьев. Туда же идут потомки и члены семей писателей, от имени которых рассылали приглашения на собрание, — Михаил Лермонтов, Дмитрий Достоевский, Наталья Солженицына, Александр Шолохов, Елена Пастернак, Владимир Толстой.

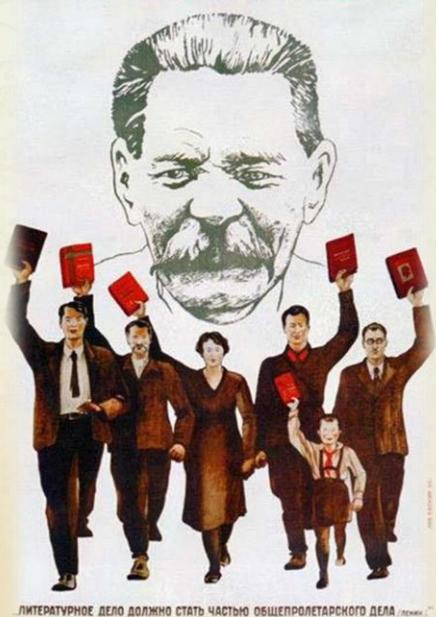
Допросы литературы, 21.11.2013 г.

Ирина Анатольевна: Пирожки, значит, закусывали проблемами и пирожными... Ну, ничего не меняется! Ничего!

Натали: Это точно. Прочла про первый съезд писателей, с которого началось становление «партийности в литературе», так вполне испытала холодок «узнавания». Почему у нас в писатели попадают лишь те, кто умеет вовремя прогнуться, изначально готов к доносительству?

Ирина Анатольевна: Тот первый съезд был призван разбить кружковщину и «писательское рабство» в тогдашних «автономных системах», как нынче многие из «культурных» считают за счастье ишачить в Газпром-медиа и бурчать про «путинский режим», а после по первому свисту срываться на южную окраину столицы за пирожками с говядиной...

ПРИВЕТ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ!



17 августа тридцать четвертого года, когда в Москве, в Колонном зале Дома Союзов открылось заседание Первого всесоюзного съезда советских писателей. Как известно, 23 апреля 1932 года было принято Постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций».

В письме к И.В. Сталину от 24 марта 1932 года, то есть в канун принятия Постановления по Союзу писателей, Горький выступил в поддержку РАППа в которой, по его словам, «объединены наиболее грамотные и культурные литераторы-партийцы». Другой писательской организации Горький не предлагал.

Скорее всего, инициатором подобного решения был сам Сталин, который к тому времени уже разглядел в Михаиле Шолохове, Александре Фадееве и других молодых писателях будущих организаторов новой советской литературы — инженеров человеческих душ, способных преодолеть бесконечные групповые споры и склоки в среде РАППа. Разумеется, принятие такого

решения не могло не встретить отчаянного сопротивления. Так В.М. Киришон в письме, адресованном И.В. Сталину и Л.М. Кагановичу писал: «Постановлено изменить редакции всех литературных газет и журналов. Изменение это имеет целью полную ликвидацию РАПП и писателей, и критиков, разделявших его позиции».

Открытие съезда многократно переносилось. Так 27 сентября 1932 года было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О дате проведения съезда писателей», решением которого съезд откладывался до середины мая 1933 года. Однако и этот срок оказался невыполнимым. 16 марта 1933 года секретарем фракции ВКП(б) Оргкомитета съезда И.М. Гронским в докладной записке на имя И.В. Сталина и Л.М. Кагановича было доложено о ходе подготовки к съезду, намечен порядок дня его заседаний. Оргбюро ЦК ВКП(б) согласилось с ним и 22 марта 1933 года постановило: созвать съезд Союза советских

писателей СССР 20 июня 1933 года в Москве. Но и эта дата была перенесена, несмотря на предложение за ведущего Культпропотделом ЦК ВКП(б) А.И. Стецкого — не откладывать его хотя бы потому, что «писатели все свои планы уже рассчитали в связи со съездом в июне».



И только 15 июня 1934 года очередным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об открытии съезда 15 августа 1934 года. Вслед за этим постановлением, было принято решение «Об образовании литературного фонда СССР», основной задачей которого было определено «содействие членам Союза советских писателей СССР путем улучшения их культурно-бытового обслуживания и материального положения, а также оказание помощи растущим писательским кадрам путем создания для них необходимых материально-бытовых условий».

Надо сказать, что А.М.Горький весьма скептически относился к намечавшемуся руководящему составу союза. Накануне съезда Алексей Максимович писал И.В.Сталину: «Комфракция в Оргкоме не имеет авторитета среди писателей, перед которыми открыто развернута борьба группочек. И я должен сказать, что у нас группочки создаются фактом меценатства: у некоторых ответственных товарищей есть литераторы, которым «вельможи» особенно покровительствуют, которых особенно и неосторожно похваливают. И около каждого из таких подчеркнутых симпатий «начальства» литераторов организуется группочка еще менее талантливых, чем он...».

Сведения о настроениях в писательской среде регулярно собираемые секретно-политическим отделом ГУГБ НКВД СССР до и по ходу съезда, также демонстрировали далеко не радужное отношение некоторых писателей к съезду — М.М.Пришвин: «Все думают, как бы поскорее уехать, — скука невыносимая...», А.Новиков-Прибой: «Сижусь и слушаю с болью: наступает период окончательной бюрократизации литературы», И.Бабель: «Среди части украинской делегации продолжаются настойчивые разговоры «о бесполезности всей этой комедии». Съезд, как и было намечено, открывал Алексей Максимович Горький. После его вступительного слова, были сформированы руководящие органы съезда.

Ирина Анатольевна: Ну, и кто из всех этих прикормленных — составил славу русской литературы? Булгакова тоже на съезд не пригласили... Да оно и к лучшему, достаточно вспомнить, чем закончились «творческие поиски» многих из приглашенных, хотя бы того же Бабея...

Натали: Ирина Анатольевна! Михаила Афанасьевича потом на съезд по телефону приглашали! Сталин о нем лично осведомился, тогда и Михаилу Афанасьевичу звонили...

Летом 1934 года открывается первый съезд советских писателей. Булгакова на нём не видно. Ему звонит драматург Афиногенов: «Михаил Афанасьевич, почему на съезде не бываете?» Булгаков: «Я толпы боюсь».

Ирина Анатольевна: Да, очень культурно, просто блеск! Но ведь в литературу идут, как в туалет, в полном одиночестве, не «за кампанию». Если этого люди сами не понимают, то это лишь говорит, что отсутствие культуры и за шляпой не спрячешь.

Натали: Кстати, мне так идут мужские шляпы... Смотрите!

Ирина Анатольевна: Действительно, Натали, в этом котелке с круглыми полями вы сморитесь просто сногшибательно! За счёт мягкости фетра в этой модели можно менять и форму тульи, приминая её... вот так, «пирожком»... гм... с говядиной. А на случай, если подадут пирожки с капустой, можно изменить и форму полей, отгибая их вверх или вниз. Нет, что ни говорите, Натали, а красота — это страшная сила!

Натали: Ой, а можно я так и пойду? Мне надо зайти в отдел расчетов платежей за электроэнергию.

Ирина Анатольевна: Положа руку на сердце, туда лучше сразу надевать треуголку, прихватив пару дуэльных пистолетов в футляре с муаровой обивкой. Смотрите, какой у меня тут винтаж подкопился... Если бы эти гады обнаружили у меня при обыске треуголку... боюсь, судьба бы моя была решена, как у Наполеона на острове Святой Елены...

Натали: Боже мой! Какая брошь! Ну, куда нынче такое надеть? Разве что — с платежами Ростелекома разбираться?

Ирина Анатольевна: Оставьте, Натали, эту треуголку для тех, кто нынче оспаривает «золотой парашют» бывшего главы «Ростелекома»... Там со всех сторон культура из ушей так и прет! У бывшего главы хватило «культуры» хапнуть на последок с роднёного предприятия, чтоб обиду на сердце не держать, а у новых жлобов — орать потом на всех углах о том, как это «несправедливо». Только и объявлять «Год культуры» в подобных условиях. Но если и объявлять, так надо понимать, что на такой особый случай треуголка требуется.

Слушайте, вам к этому котелку непременно нужны ботфорты! И розовая водолазка... А то начнут сопеть: «синий чулок»! Знаю, я их «культуру» и не слишком на нее рассчитываю.

Натали: А меня почему-то все время так пытаются назвать, хотя я предпочитаю полупрозрачные колготки на 40 «ден» и замшевые ботильоны. И если уж быть точной, то само это название пошло из невежества и бескультурья... Дамы в Англии любили устраивать... нечто вроде наших милых посиделок. И в России произведением искусства становилось то, что получало одобрение в дамских салонах. Обычно в таких салонах гости разбивались на маленькие группки и вели частные беседы.



Ламберт, Джордж (Lambert, George. 1873-1930)
Белая перчатка (The white glove). 1921

Ирина Анатольевна: Это как на нынешнем «литературном собрании» все эти около литературные деятели разбились по «проблемам» возле пирожков и пирожных...

Натали: Совершенно верно! Но Элизабет Монтегю возник салон нового типа. Она своих гостей рассаживала полукругом возле чайных столиков и затевала общую дискуссию.

Ирина Анатольевна: Да что вы говорите, Натали? Теперь понятно, почему именно ее салон вошел в историю. Все «проблемы» обсуждались там гласно, не кулуарно.

Конечно, при такой организации обсуждения, неудивительно, что дискуссии бывали жаркими. Карикатуры тех лет даже изображают драку на дамских зонтиках. Хотя салон этой дамы с удовольствием посещался мужчинами, не чуравшихся дамского общества.

Известно выражение Элизабет Монтегю, что, несмотря на свое богатство, происхождение и положение в обществе, «она никогда не приглашает идиотов».

Мне в этой даме больше всего импонировал ее вкус и собственное мнение в выборе своих гостей, которые сразу выделяют ее из череды прочих «держательниц» салонов.

Натали: Так дамские салоны были и раньше?

Ирина Анатольевна: Всегда и во все времена! В сущности, все судьбы человечества решались в дамских салонах. Эта нынешняя толпа «литературных подсобранцев» даже не догадывается, что обязаны внеочередной кормежке исключительно вашему салону, Натали. У них ведь накануне был писательский съезд в Калуге, месяца не прошло. Неужели у них с конца октября уже развеялись все договоренности о «бедственном положении русского языка»? Или сами они вообще ничего решить не в состоянии?

Натали: Вы думаете... это из-за меня?

Ирина Анатольевна: Натали, я в этом нисколько не сомневаюсь! Скажите, при чем здесь пирожные? Если бы столь скоропалительное решение не было вызвано банальной завистью к вашему салону и чудным эклерам с белым шоколадом, обошлись бы рыбными расстегаями. И руководствовались при этом... не самыми культурными намерениями, вернее, никакого отношения к подлинной культуре не имеющими. Впрочем, поступили в точности также, как в общественном мнении уничтожали литературный салон Элизабет Монтегю.

Натали: Вы имеете в виду, что всех дам, кто посещал ее салон, стали дразнить «синими чулками», хотя никто из дам такое на себя не надевал?

Ирина Анатольевна: Конечно! Там лишь Бенджамин Стиллингфлит носил обычные синие хлопчатобумажные чулки вместо принятых черных. Это был забавный джентльмен, посредственный литератор и ботаник-любитель. Он, в сущности, и разогнал мужчин, посещавших салон, в борьбе за эклеры миссис Элизабет Веси, близкой подруги Элизабет Монтегю.

Натали: Так это все... это все... из обычного мужского хамства?... Столько издевок, насмешек... Из-за эклеров и обычной мужской невоспитанности?



Мадлен Лемьер

Ирина Анатольевна: А вы думали, из-за чего? Вот нормальный мужчина будет доказывать в суде, что пожилая дама, защищавшая внучку от дворовых мальчишек — уголовная преступница, у которой надо влезть в платежную карточку и подвергнуть общественным издевательствам? Может, нормальный мужчина станет издеваться над женщиной, вступившейся за честь и достоинство девочки из детского лагеря? Да, при таких «нормативах» — только и объявлять «Год культуры», чтоб досыта накормить всех жлобов пирожками с говядиной.

Лично мне нисколько неудивительно, что и кружку леди Монтэгю имя «синие чулки» присвоил адмирал Эдвард Боскауэн (1711—1761), известный как «Неустрасимый старина» или «Кривошей Дик». Он, конечно, сразу продемонстрировал тот «уровень культуры», которого придерживался на флоте, пока его дамы не лицезрели. Он был мужем одной из наиболее восторженных участниц кружка и грубо отзывался об интеллектуальных занятиях своей жены.

Натали: Как это все знакомо! И у нас ведь сейчас официально разрешенная сатира включает первым пунктом насмешку над интеллектом «лучшей половины». В самом деле, о какой

«культуре» можно говорить в подобных условиях? Ведь над женщинами публично насмехаются, чтобы отвести от себя и слабую тень критического отношения. Какая низость!

Ирина Анатольевна: Этот адмирал, чье прозвание «Неустрасимый старина» тоже скрывало отнюдь не самые приличные подробности о поведении в боевых условиях, — рьяно занялся «переводом стрелок». Он ездил по домам, где его принимали, рассказывал, какая дура у него жена, насмешливо называя заседания ее кружка — встречами «Общества синих чулок». Когда после него приезжала его ничего не подозревавшая супруга, ее встречали... саркастически. И развестись с этим идиотом ей не представлялось возможности, а салон ее подруг — оставался для бедной женщины последней отдушиной

Натали: Но потом и Джордж Гордон Байрон написал на салон леди Монтэгю сатиру и назвал её «Синие» (англ. The Blues)...

Ирина Анатольевна: Знаете, дорогая, на женщин начинают писать «сатиры», когда трусят написать «сатиру» на то, что всех волнует на самом деле. И делают это, как правило, не самые достойные джентльмены.

В этот момент к нам бочком с объемистыми сумками молча вторгается Аделаида.... Возникает немая сцена, которую кратко можно характеризовать «Не ждали».



Delphin Enjolras

Натали: Что же мы, так и будем молчать? Может быть, еще чаю?

Ирина Анатольевна: Достаточно всем чаю, Натали! Прекратите трясти этими шляпами! Сидите и молчите, как Аделаида!

Аделаида: Да вы мне слово вставить не даете, Ирина Анатольевна!

Ирина Анатольевна: Хорошенькое дело! Она, значит, с весны огород поднимала, свой частный погреб ремонтировала, какой-то навоз на себе таскала для подъема урожайности личной клубнички... А потом запросто так является к чаю — слово вставить!

Аделаида: Варенья на зиму привезла! И два раза в оперу вырывалась...

Ирина Анатольевна: Ах, в оперу, значит, все же вырывались? На своих любимчиков посмотреть... Без них вы обойтись не могли, а без нас — так запросто.

А где же забота об общественном благе? Где? Можете не отвечать это ваше сакраментальное «В Караганде!» Я и Натали сказала, что после ноябрьских праздничков (бывших и нынешних) — непременно явитесь, как ни в чем не бывало.

Аделаида: Клубнику летом передавала и малиновые пенки для круассона. Все время только о вас и помнила, роман ваш [«Парнасские сестры»](#) запоем читала... по ночам. Из последних сил старалась не отрываться от вашего беспримерного подвига на ниве культуры! А как только узнала про все эти писательские съезды, на которые вас не позвали, так.. сразу... решилась... хотя вас очень боюсь, очень! Но я поняла, что...

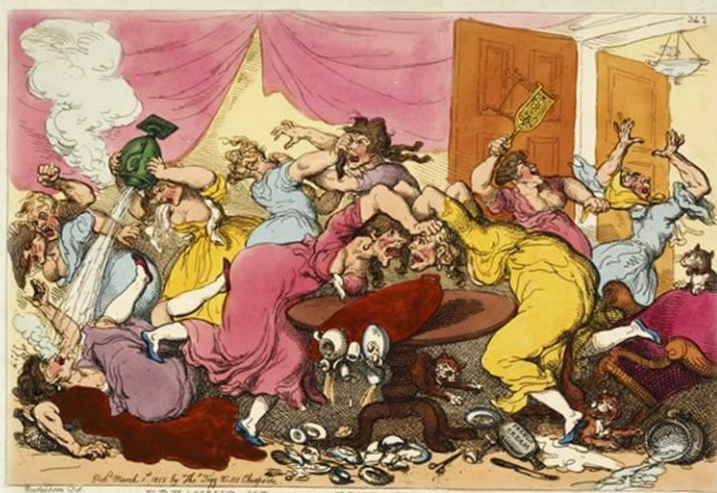
Ирина Анатольевна: Что настал удобный момент, конечно!

Аделаида: Ну, что вы! Поняла, что немедленно должна поддержать вас, чем могу! Капусткой квашеной, помидорчиками маринованными, вишневым и смородиновым наливками... Всем, чем могу! Ведь никто же не понимает вашу утонченную поэтическую натуру! Никто, как я, и не поддержит!

Натали: Позвольте, а как же я? Я все лето и осень поддерживала!

Аделаида: Да что вы можете понимать в поддержке, Натали, если вам всю дорогу из мужчин — попадались одни ручные баритоны? Вы даже представить себе не можете, какие козни могут заготовить разного рода мерзавцы, на которых клейма ставить негде, а им надо непременно влезть тебе в душу, чтобы навсегда уничтожить веру в прекрасное, в высокое искусство и торжество подлинной культуры.

Натали: Не забывайте, душечка, что я тоже много книжек читала, фильмы смотрела, а главное, всю зиму поила вас чаем. И столько всего гадкого узнала про всяких мерзавцев, что мне сейчас это совершенно не нужно переживать для личного опыта.



В клубе Синих Чулков. Томас Роулэндсон, 1815

До встречи с вами, я бы в Турцию съездила и шубу купила, а сейчас... ведь душа так и рвется прикоснуться к прекрасному! Я ведь реалистка по натуре, мне культуру надо непременно осязать! А с нашими хамами... сами знаете.

Натали: Да-да! Прибавьте трудное детство и неудачное замужество! И родительскую усадьбу в ближнем Подмосковье...

Аделаида: Знаете вы, Натали, где помягче укусить! Да, после нашей российской жизни, где женщина за человека в расчет не берется, знакомство с прозой Ирины Анатольевны — было для меня откровением... А уж с прочими дамами нашего кружка — и вовсе стало каким-то просветлением...

Я ведь и погреб решила в порядок привести, прочитав небольшой рассказ Ирины Анатольевны [«Ночной дозор»](#) - о том, что случается, когда свет в погреб не проведен. А потом мне сразу захотелось все полочки заставить тем, что на моем огороде может произрастать.

Натали: И где же в этом случае — ваш позитивный вклад в общую культуру?

Аделаида: Вспомните, Натали! Мы всегда говорили, что в культуре надо начинать с личного погреба! Тем более в наше тяжелое время, когда иметь погреб при литературном салоне — удобно и практично. Вы же сами в прошлый раз вспомнили, как салон Элизабет Монтегю скомпрометировал своими синими носками Бенджамин Стиллингфлит. А Ирина Анатольевна намекнула, что он по бедности такие носки надевал, а прочих мужчин выжил из салона, чтобы только ему все угощение досталось. Вы же видите, насколько падкие все эти «творческие» мужчины — на дармовое угощение.

Ирина Анатольевна: Ах, не ссорьтесь, милые дамы, здесь нам делить особенно нечего. Особенно в преддверии «Года культуры» в России! Вот пускай те, кто уже предвкушает очередной распил бюджетных средств «на культуру» — отчитаются, на сколько же эта самая

культура возросла в нашем обществе, как эта культура уживается с прежними кампаниями, на которые они средства пилили. А приседать год «в пользу культуры» — никто бесплатно не нанимался. Смотрите, какие смешанные чувства в нас вызывает испанское окультуривание в Прадо Аделаиды, хотя это наша подруга, а средства на поездку собирает, экономя на клубнике и запасам в погребе... Считаю погреб Аделаиды — намного более достойным вкладом в мировую культуру! Никого не убила, не обобрала, сама на себе навоз под клубничку таскала.

Аделаида: Признаться, тоже считаю, что «Год культуры», как водится, сейчас бросятся устраивать самые заклеименные мерзавцы! Порядочный-то человек иной раз постыдится. А эти же... предвкушают! У них все «культурные запросы» нарисованы прямо на физиономии — лишь бы обобрать всех, а потом свалить!

Ирина Анатольевна: Вообще немного прихожу в себя, чего и всем желаю. Давайте во всем видеть позитивное и жизнеутверждающее... Ну-с, навоз разнесен, клубничка по баночкам разложена, погребок приведен в порядок... подруга на месте, переполненная культурными впечатлениями... Лично я дуться заканчиваю!



Delphin Enjolras

Натали: А я все же не понимаю, как это можно считать, будто она вас поддерживает, а я не поддерживаю? Вылезла из своего погреба и тут же выяснила, будто лучше всех вас понимает!

Ирина Анатольевна (тихо, сквозь зубы): Натали, успокойтесь! Нас сейчас читают... читает... пст!

Натали: К-кто... читает?

Ирина Анатольевна: *Тот* и читает! Кто давеча заявил на этом литературном сборище, что в 17-м году полиции не было, так всем и вышло. Ну, где бы он это читал-то? У вас и прочитал в статье [«Романтика революции. Часть II»](#). Кроме вас с Кредовым такое никто на днях не сообщал. Вернее, кроме вас.

Натали: Боже... Вы думаете, он... что, прямо сейчас?

Ирина Анатольевна: Да, я чувствую это!

Аделаида: Нет, вы меня еще в чем-то упрекаете, Натали! А посмотрите на этого... «читателя»! Все прочтает, как бы поприсутствует в вашем салоне, а после на свое «литературное собрание» пригласит тех, кого ни разу не читал, да и читать не собирается. Нет, как хотите, а я предпочитаю более качественные эстетические впечатления. Чтобы получить их лично, а не создать «дымовую завесу».

Читаешь такое, так ведь во всех мужчинах начинаешь разочаровываться! Как можно пасть так низко?

Юрий Поляков предложил создать Творческий союз литераторов, который юридически бы отличался от общества любителей розовых черепашек.

Поэт Андрей Дементьев прочитал стихотворение про родину.

Кульминацией стало предложение Сергея Безрукова (он только на первый взгляд не писатель – в конце концов, он сыграл Александра Пушкина и Сергея Есенина) создать Фонд поддержки литературы.

Путин согласился создать Фонд поддержки литературы Президент согласился, однако предупредил, что его финансирование будет меньше, чем у Фонда кино. «Потому что... другой вид деятельности», — объяснил Путин.

Против была только, кажется, представительница фамилии Пастернак – вдова сына опального поэта, филолог Елена Пастернак. Она вспомнила слова Бориса Леонидовича на антифашистском конгрессе в Париже (в 1935 году): «писатели, не объединяйтесь».

Ирина Анатольевна: А что, нашему Главному читателю, когда он решил лично заняться литературой, не сказали, что съезд месяц назад уже был?

Натали: Ему сказали... но было уже поздно, Владимир Владимирович уже решил лично содействовать нашему духовному возрождению... Поэтому и назвали «Первым Российским литературным собранием», а не «Внеочередным XV съездом писателей».

В работе нынешнего съезда принимают участие около двухсот делегатов. Среди них крупнейшие современные поэты и прозаики, лауреаты Государственных премий, авторы произведений, получившие всенародную любовь. Гости съезда — писатели из Белоруси, Украины, Италии, Китая, Ирака, Вьетнама.

Союз писателей России является крупнейшей писательской организацией. Он был образован в декабре 1958 года. Сегодня объединяет около восьми тысяч профессиональных литераторов и имеет отделения во всех субъектах РФ.

- Вы создаете свои произведения, стремясь показать высокие моральные качества человека, таким образом, обращаете общество к добру, миру и согласию. Труд писателя заключен в том, чтобы слово было услышано, чтобы жизнь имела устои, которые должны быть сохранены для будущих поколений, — отметил, выступая с приветственным словом на открытии губернатор области.

Московское отделение Союза писателей на съезде представляет Член Союза писателей России Александр Сегень. К слову, третий год он работает над большой книгой «Алексий II». Много материалов предоставила Московская Патриархия. По мнению писателя, Алексий II – мощная личность XX века.

- Замечательно, что XIV съезд писателей проходит в Калуге. Этот город знаковый для России — земля, где творил Константин Эдуардович Циолковский. Здесь находится Оптина Пустынь, куда совершали паломничество многие писатели. Здесь родина Станислава Куняева. Сейчас я работаю под его руководством в журнале «Наш современник». Для меня Калуга близка тем, что в 2011 году получил гран-при за лучший сценарий для детей и юношества на калужском кинофоруме «Золотой Витязь».

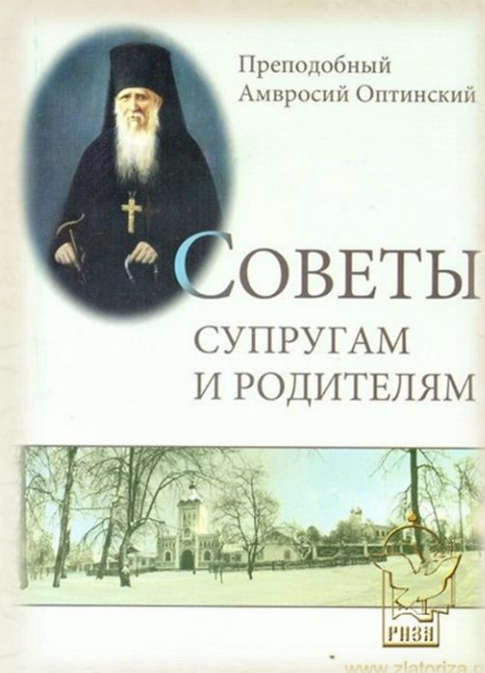
Аделаида (торжествующе): Вот видите! А еще на меня ожесточались! А тут зависть-то к нам... с нехорошим перехлестом получилась. В Калуге у них и экскурсии по святым местам были, и угощение, и награды, и кинофестиваль... Все уже было! Месяца не прошло! Но, видно, как поняли, что скоро и я свой погреб с припасами для вашего салона, Натали, раскрою, так ведь... остатки культуры не выдержали.

Ирина Анатольевна: Кстати, соглашусь с Аделаидой целиком и полностью! Никакой необходимости этого неожиданного сборища не было, кроме попытки нашего Главного читателя — создать свой литературный салон, Натали, намного шикарнее вашего. С пирожными и... потомками всех, кого вы удосужились в своих святцах помянуть.

Аделаида: Ну, вы сравните все же уровень-то культуры, Натали! И перестаньте пронзать меня этими пламенными взглядами! Или вы хотите, чтобы вместо меня с моим реконструированным погребам и... другими сюрпризами, здесь сидел гражданин Поляков с пачкой газет, которые через металлоискатель не проходят? А вы подумали, как после *ваши* литературный салон могут прозвать?

Ведь страшно подумать, что там еще господин Поляков с собой носит, кроме печатных прокламаций...

Натали: Ах, я уже и сама, душечка, в полном смятении... Посмотрите, какая на Росписателе чудесная заставка с духовными книжками украшает отчет о писательском съезде в Калуге!



Около двухсот писателей собрались 21 октября 2013 года в Калуге для участия в 14-ом съезде писателей России. Почему именно в Калуге, легко поймёт любой воцерковлённый литератор.

Калужская земля обильно освящена молитвами четырнадцати Оптинских старцев, старицы из села Клыково — матушки Сепфоры, молитвами Шамординских монахинь, святых Пафнутия Боровского и Тихона Калужского... Это по их зову Небо сходит на землю. Им являлась Пресвятая Богородица, показывался и Господь. Да и усажены здешние обители на Калужской почве так часто, что тут чуть ли не монастырь с монастырём колокольным звоном перекликаются. Это радостный уголок России.

И что ни святой — то книги о нём, духоносным словом которых окормляются не только калужане, но и сотни тысяч паломников из других областей нашей страны, из зарубежья.

Именно проникновенное слово русских святых привлекало к здешним монастырям и Николая Васильевича Гоголя, и

Фёдора Михайловича Достоевского, и Константина Николаевича Леонтьева, и Льва Николаевича Толстого, и семью славянофилов Киреевских, и Льва Александровича Кавелина

Ирина Анатольевна: Ну, я конечно, не «воцерковлённый литератор», где уж нам уж. Но посмотрите, Натали, что у них под этими заставками написано... Прямо под «Воспоминанием о Рае», составленном по рассказам о жизни преподобного Варсонофия Оптинского.

Поэтому когда «Литературная газета» делает наивные глазки и удивляется тому, что съезд проходит именно в Калуге, её авторы являют миру своё духовное невежество.

Натали: Интересно, почему в среде «воцерковлённых литераторов» принято с такой склонностью доказывать свое «духовное превосходство»?

Ирина Анатольевна: Понятия не имею, Натали. Но не выражу и тени сомнения, что всем этим писателям надо было собраться непременно в Калуге, какие бы им «глазки» не делали по этому поводу в «Литературной газете» под руководством ретивого господина Полякова. Надо понимать, что он нашему салону уже подыскал подходящее наименование.

Натали: «Общество любителей розовых черепашек»? Но мы же ни разу не говорили о «розовых черепашках»... Интересно, конечно, кто они такие... Но у нас посетители... люди практические, в основном с техническим и естественно-научным уклоном, они предпочитают на такие бессмысленные темы не распространяться... Ведь не «воцерковлённых литераторов» он имел в виду?

Ирина Анатольевна: Я полагаю, что по примеру «Неустрасимого Дика» этот газетный разносчик уже проехался с доносом на наш счет, окрестив нас «розовыми черепашками». Непонятно только, кто он сам при этом? «Синий слон»?

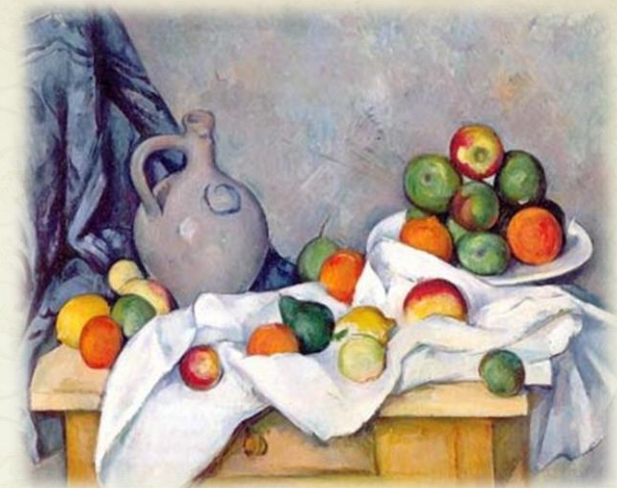
Аделаида: Однако ж после того, как «воцерковлённые литераторы» с таким жаром доказали свое исконное право съезжаться в Калуге, — как-то нелогично тут же сбегаться в Университете Дружбы народов на юго-западной окраине, где ни разу до них не побывал ни один иеромонах, а

Алексий II даже и не слышал о таком вертепе, где не подают скромного... И даже, не побоюсь этого слова, непоследовательно.

Натали: Согласна, что юго-западная окраина столицы — не самый радостный уголок России. Впрочем, на счет Калуги у меня тоже имеются серьезные сомнения. Иначе зачем им было так рваться через металлоискатель?

Ирина Анатольевна: Думаю, второго собрания у них не будет. Думаю, им первого «литературного салона» с синими слониками надолго хватит.

Натали: Дались им эти «розовые черепашки»... Читаю «Новую газету», так складывается впечатление, что они там здорово дюбнули все... для храбрости. И храбрости их хватило ровно на то, чтобы обсудить с президентом этих «розовых черепашек».



Cruchon et Compotier. Paul Cézanne

Кроме того, полемично защитив розовых черепашек как форму проявления дикой природы, которую надо беречь, Путин тем не менее признал литераторов тоже разновидностью творческих деятелей — почти как кинематографистов, кои всё же требуют больших госвложений (тут я увидел в зале кинорежиссеров Соловьёва и Говорухина). Был момент, когда глава государства уже было собрался покинуть (простите плохой каламбур) Собрание. Но задержался еще на полчаса. Всё-таки ему было интересно послушать не в митинговом формате, о чем базарит интеллигенция. С Махатмой Ганди-то уже не доведется поговорить...

Как Достоевский с Путиным встретился, 25.11.2013 г.

Аделаида: Видно, с перепою им разные извращения мерещатся. Но и у нашего президента вряд ли прокорма не хватит на всех этих слоников! И на мой погреб пусть не рассчитывают! Никакой «Год культуры» не заставит меня поддерживать изначально некультурных мужчин, вымогающих себе пироги с говядиной, строча доносы на беззащитных дам.

Ирина Анатольевна: И это совершенно правильно, Аделаида! Натали, а что такое наша милая Аделаида говорила о пенках для крющона?



Натали: Ой, совершенно забыла! У меня же крющон охлаждается! И мускатные пирожные к нему... Вот, кстати, хрустальный сервиз для крющона пригодился, Аделаида...

Ирина Анатольевна: Я и не подозревала, дорогуша, что вы столь близки... гм. Сервизами для крющона обмениваетесь и все такое. Неужели господин Поляков с «розовыми черепашками» имел в виду... что-то конкретное? Я чего-то не знаю?

Натали: Нет-нет, Ирина Анатольевна! Мы вам решили этот сервиз не дарить, потому что вы все равно с нас крющон потребуете!

Помните, как в прошлый раз ваш коньяк пригодился? У меня было шампанское, а вы сказали, что просто пить шампанское с коньяком... по очереди... некультурно. А человек с внутренней культурой, когда у него есть одновременно и шампанское, и коньяк — вынужден делать крющон. От французского слова «кувшинчик». И даже вспомнили эту картину Поля Сезанна, входящую в число десяти самых дорогих картин мира.

Аделаида: А я, дамы, потому и сервиз этот сюда притащила, потому что мне теперь совершенно неинтересно пить крюшон без разных замечаний Ирины Анатольевны о культуре.

Натали: Да я уверена, что и наш Главный читатель сейчас перед монитором со своим крюшоном устроился... Кстати, могу подсказать всем рецепт того чудесного крюшона с коньяком и шампанским.

Ирина Анатольевна: Сервиз и в самом деле хорош, Аделаида! Впрочем, вы у нас всегда знали толк в этих милых штучках. Хочу заметить главную разницу в культурных подходах к... крюшону. Обратим внимание, что исконный французский подход... предполагает некоторое свинство. Все же понимают, что кувшинчик Сезанна до конца не промоешь. Этого и не предполагалось! Мелко нарезанные фрукты бросались в нестерильный кувшин, так и кисли там, налипшими на стенках. Все заливалось водой и винным спиртом. Обратите внимание, что отечественная культурная традиция предполагает изготовление крюшона непременно в прозрачной посуде с широким горлышком и разливной ложкой... Вот это я понимаю — культура!

Аделаида: А нынче вы, Натали, каким крюшоном нас угостите? Надеюсь, не безалкогольным с апельсиновым соком и минеральной водой?



Стеклянная крюшонница с золотой росписью
(Россия, Гусь Хрустальный)

*500 г мелко нарезанных яблок, 200 г сахара, 2 л
столового вина, 20-60 мл коньяка, замороженные
пенки от малинового варенья, бутылка
шампанского.*

*Все компоненты смешать и сразу подать на стол,
украсив нарезанной клубничкой на краешке бокала.*

*А вечерами матиола
Нас опьяняла, как вино,
И строфам с лёгкостью Эола
Кружиться было суждено.*

*Ночами мы пикниковали,
Ловили раков при костре,
Крюшон тянули, и едва ли
В постель ложились на заре...*

*Второе лето на курорте
И я с ним вместе проводил.
То были дни, когда о торте
И сам кондитер не грустил...*

*Когда проехаться в вагоне
Ещё ребёнок рисковал,
Когда Herr Брюкман в пансионе
Вино открыто продавал...*

*День стоил не бумажек тридцать,
А три серебряных рубля,
Что могут ныне появиться
Лишь разве в замке короля!..*

Игорь Северянин «прежде и теперь», Петроград. 1918.

Натали: Даже не надейтесь, Аделаида! Мне же за [прошлый цикл о Грузии](#) выделили немного красного сухого домашнего вина... Диктую рецептуру!

Аделаида: Смешно ведь иногда читать, будто крюшон — немыслим без ананаса, лайма или киви... Хоть бы культуру поимели! Рецептура крюшонов всем известна, она всегда идет в кулинарных книжках в разделе «Традиционные русские напитки». А лучшими всегда считались вишневые крюшоны — из-за рубинового цвета, легкой вязкости и превосходного вкуса! Ни с каким лаймом не сравнишь!

Натали: Да уж само собой! Причем, это же наша, исконно русская культура! В нее влились все переработанные культурные традиции дальнего и ближнего зарубежья, но в результате получается что-то свое, неповторимое...



Ирина Анатольевна: И это главное в культуре, Натали! Не бездумно обезьянничать, а переработать культурные идеи на своей почве, руководствуясь, прежде всего, любовью и пониманием к потребностям соотечественников, их исконным культурным запросам...

Аделаида: А я еще знаете, что делаю? Опускаю бокалы краешками в горячий сироп, а потом — в сахарный песок! И уже после разлива этого чудодейственного напитка — цепляю на бокалы дольку лимона... Вот она, настоящая культура!



Поллитра вишневого варенья из погреба Аделаиды вылить в хрустальную крышонницу. Тут же добавить 40 мл армянского коньяка, желательно «Столичного», но можно взять Мехали («Одного размера»), Воскехат («Золотая ягода»), Гаран Дмак («Курдюк овцы»). После этого, при осторожном помешивании, вливается 0,75 л красного столового вина.

Дать зелью настояться 1-2 часа и влить в него еще 0,75 л красного вина, но уже сухого. А перед тем, как подать крышонницу на стол необходимо добавить бутылку шампанского. В некоторых рецептах шампанское заменяют столовой минеральной водой, но это не от большой культуры, а от жлобства и крайне негативного отношения к окружающим.

Крышонница на блюде с черпаком. 1896г. Из Музеев Московского Кремля. Изготовлена прославленной серебряной фабрикой «Вилькерс» и является образцом мемориального серебра

Ирина Анатольевна: Дамы, я просто чувствую, как ответная любовь разливается по всему моему телу... боже, как хорошо быть в России настоящим писателем, а не тем, что с газетками, через металлоискатель, с торопливой дармовой пироженкой... и розовыми черепашками.

Аделаида: А у нас в школьной столовой все пирожные стоили 22 копейки, а песочные творожные сочни — по 18... Вот была ж в людях культура, понимание к людям было!

Натали: А наш МИФИческий буфет баловал орешками по 15 коп. К парочке такой прелести брался маленький кофе без сахара за 15-2=13 коп. Таким сочетанием можно было угощаться безболезненно для фигуры лишь во время сессии, поскольку интеллектуальные усилия — весьма энергозатратны. Нет, были, конечно же, и явные извращения, заменявшие кофе томатным соком с солью за 10 коп. ...Кстати, тоже ...вкусно...

Аделаида: Да уж никак не причислить к культуре страстное желание господина Полякова свои газетки всучить. Но после крышона даже подобная низость воспринимается вполне благодушно. А ну его! Несладко ему нынешние дорогостоящие пирожные достаются... Не прочтете ли, Ирина Анатольевна, что-то из своих чудесных рассказов?

Натали: Кстати, очень будет уместен ваш рассказ, Ирина Анатольевна, о дамских приключениях в погребках «Ночной дозор»... Как там?



...При этих проникновенных словах Нина Аркадьевна повернулась всем мощным корпусом к собутыльнику, пытаясь продемонстрировать на розовом пухлом мизинце диаметр безжалостно сложенного им стебелька, и, не ожидавший такого резкого поворота, беззащитно разлапавшийся возле ее филейной части Вениамин полетел, кувыряясь кумполом, по кривым ступенькам, на самое доньико погребка... По пути он выбил затылком стойку из-под полки, с которой, аппетитно крякнув, на него сверзились две пятилитровые бутылки с маринованным овощным ассорти. Сразу стало очень тихо. Потом Нина Аркадьевна, наконец, смогла выдохнуть, потом вдохнуть, а после этого она оглушительно завизжала: «Веничка! Только не умирай! Что хочешь ради тебя сделаю, Венюшечка, родной!»

Тут она совершила еще один неосторожный, продиктованный излишней эмоциональностью, поступок. Раскинув руки крыльями, она как бы вся устремилась верхней частью корпуса к точке падения Вениамина... Неукротимое приближение трагической развязки ускорили средняя стадия опьянения и роскошный бюст Воробьевой. Зависнув на какую-то секундочку над

зияющей бездной погребка, бюст немедленно перевесил все остальные части тела, столь соблазнительного когда-то для недвижимого теперь Вениамина. И вот когда она прогрохотала вслед за Пластиным, тогда и наступила настоящая тишина...

Ну, сами понимаете, что, вряд ли кто удивится в нашем достославном Отечестве такому ничтожному факту, ежели кто-то там водки в погребке нажрется и башкой все ступеньки пересчитывает, свернув себе шею напоследок. В любом уважающем себя райотделе внутренних дел есть специальный отпечатанный шаблон для описания подобных несчастных случаев. Там надо только ФИО потерпевшего подставить, дату и место его рождения, ИНН, паспортные данные, номер страхового свидетельства Пенсионного фонда, да адресок регистрации погребка с указанием числа ступенек. Не тема это для высокого искусства, конечно. Это все — для объемистого вороха гражданских актов в папке с карандашной пометкой «Терпила в погребках».

И.А. Дедюхова [«Ночной дозор»](#)

Аделаида: А хорошо сидим! Вот это я понимаю — культура! И все такое знакомое, исконное... духовное и душевное! Вот она, благодать!

Ирина Анатольевна: В [«Книжной лавке»](#) вышла аудиокнижка, там и послушаете в авторском исполнении нашу исконную погребную сагу. Под крышон она писалась, под крышон и слушаться должна.

Знаете, что подумала? Чем всех так достал салон леди Элизабет Монтегю? Это был первый салон, где не допускалось устраивать свои делишки: добиваться протекции, устраивать женитьбы и назначения на должности... Нельзя было вообще использовать ближнего в своих интересах. То, для чего нынче устраиваются все эти «писательские» союзы, чтения, съезды, собрания... включая и «Год культуры», конечно.

Натали: Да, по этому поводу у были Элизабет Монтегю (1718—1800) серьезные разногласия с ее подругой миссис Элизабет Веси, которая, можно сказать, была главным организатором движения «синих чулков». Она предпочитала неофициальную обстановку на вечерах, когда участники салона разбивались на маленькие группки и вели частные беседы.

А леди Элизабет Монтегю старалась не допускать этих «писательских союзов», рассаживая всех общим полукругом.



Крюшонница «Садко» с разливательной ложкой.
Россия, Москва, 1908. Неизвестный мастер
Серебро, позолота; литье, штамп, чеканка
Высота 38,5 см, ширина 23,0 см. Длина ложки 22,0 см. Вес 2357,0 г. Продана с аукциона Знак-Арт. за 3,8 миллиона рублей

Ирина Анатольевна: О! Там ведь раньше была распространена не слишком культурная традиция проведения «литературных вечеров» с «интеллектуальными беседами» — с непременно карточными играми... *на деньги.*

Натали: А мы видим, во что превращается любой интерес к культуре, стоит его хорошенько подстегнуть желанием «нагреть руки».



Как же славно мы тогда посидели, от души радуясь хозяйственной изобретательности Аделаиды. И как мило было с ее стороны не поехать в Турцию за шубами, а прийти к нам для культуры досуга!

Сама же внутренняя культура, которая всегда в присутствии Ирины Анатольевны начинала переполнять и превалировать, - не позволила нам съесть все припасы Аделаиды в один день. Доедать их мы собрались следующим утром.

Ирина Анатольевна: Могу однозначно заявить, что все литературные кружки и объединения появились из бытующего среди разных народов обычая, который на разных языках звучит как «доедалово».

Аделаида: Как? Да клянусь вам, что огурчики и грибочки — изначально предназначались в жертву искусству! И у вас, гляжу, выставлены на стол блюда — ни с какого краю неподъеденные.

Ирина Анатольевна: Все верно! Но ведь и вы, дорогая, готовите иной раз с большим запасом. Лично я принимаю гостей настолько нерасчетливо, что и половину заготовленного впрок не успеваю на стол выставить!

Был такой тяжелый момент в начале 90-х, когда приготовила все тик в тик, так наутро потом все обиделись, когда пришли с визитами «доедать, что осталось». На всю жизнь запомнила! Мне тогда хорошо объяснили, что при любых общественных формациях, несмотря на то, что нам устраивают очередные клоуны на всеобщем обозрении, — исконные традиции должны соблюдаться неукоснительно.

От запредельного позора и унижения меня тогда спасли баранье рагу и котлеты по-киевски в сухарной панировке, а гости пришли в себя от «демократического преобразования» моих взглядов на домоводство — только на *допивалове*. У меня тогда хороший коньяк оставался... А на хороший непаленый коньяк не действуют никакие «демократические преобразования».

Аделаида: Так ведь нас в этих демократических образованиях только и принуждали к тому, чтоб перестать гостей принимать и жить на широкую ногу, как раньше-то наши бабушки говорили.

Стоит лишь открыть «Домоводство» издания 1952 года или «Книгу о вкусной и здоровой пище», чтобы сразу понять, как воспринималась достойная, полная нравственного смысла жизнь «своим домом». А нынче... тьфу, да и только! Какие-то канапе на зубочистках, ведь ломать себя приходится, ей-богу... Бывало, начинаешь ставить овощи варить на салаты, а вся эта нынешняя жлобская демократия в тебе нашептывает, мол, отвари только на своей семейство, чтоб только самим поесть разок!



Петров Николай Филиппович «Три дамы»

Ирина Анатольевна: А ведь все эти демократические нашептывания от лукавого! Были мы империей, так уж и деваться-то некуда! Имперский стиль пропитывает все наше искусство, по-научному он именуется «ампир». А к ампиру фастфуды или канапе на зубочистках... не лепятся. Потому на каждое празднество надо готовить и доедалово, и допивалово! Не нами это заповедано, идет испокон веков. И лишь самые дикие, неспособные к освоению общечеловеческих ценностей народы — не оставляют доедалово и допивалово на якобы случайных путников.

Аделаида: Подумалось, что раньше ведь и праздники даже по диетам располагались удобно. Идет пост, но впрок готовишься к разговению. Потом тебе в календарике указывают, что можно уже холодец ставить, но есть его пока нельзя... После Нового года, когда надо уже мысленно готовиться к штурму Рождества (чай, православные мы!), — возникал душевный способ избавиться от доедалова, оставшегося с прошлого года. Народ шел с мешками и песнями колядовать. А ведь какие хоры на колядки собирались, там же такой фольклор, что от восторга иной раз готова была половину погребца разнести.

Натали: А я, дамы, все больше склоняюсь к теории Ирины Анатольевны! Сейчас вспоминаю, что и раньше придерживалась народных обычаев чисто интуитивно. Никто мне напрямую не говорил, что салаты надо сразу по трем креманкам раскладывать, а что-то такое будто в воздухе носилось...

Ирина Анатольевна: И уж коли свои замешкаются (а слово-то не зря имеет схожий корень со словом «мешок»), то посторонних мешков в округе оказывается полным-полненько! И все поют и ликуют! Вот это я понимаю, праздник!

Натали: И что это получается? Значит, у нас вся жизнь в искусстве — из доедалово и допивалово?

Ирина Анатольевна: Живем нынче среди жлобов, среди серости и ничтожества, потому и самой сути культурного обмена не улавливаем. Представить, что люди готовились к праздникам, готовя «пир на весь мир» — от широты душевной, уже и представить себе не можем. Вспомните, разве к нам Анна хоть раз с пустыми руками подкатывала — без сала и горилки? Или из нас кто-то с пустыми руками к столу подсаживался? Да и все наши посиделки проходили под девизом «Доесть, что с юбилея осталось». Но если угощение на самом празднестве — это самоцель, то в доедалово оно превращается в необходимый аккомпанемент.

Натали: Но как-то сразу сложно представить, что и оперный кружок «Могучая кучка» изначально возник из необходимости поколядовать на Рождество.

Ирина Анатольевна: А как вы себе это представляете? Прибегает один к другому с горящими глазами и сообщает, что хочет создать новую русскую классическую оперу, чтоб потом было нынешним жлобам из чего по полтора часа резать за ненадобностью? Не смешите меня! Вспомните эти бесподобные увертюры! Ведь там сама музыка проникнута высокой ностальгией по исконно русскому доедалову и допивалову! А эти половецкие пляски... «Хованщина»...

Натали: Да, на счет «Хованщины» соглашусь, там такое допивалово, что просто дух захватывает!

Ирина Анатольевна: И все проникнуто любовью к Родине! А такую любовь, согласитесь, можно испытать лишь только в запредельном допивалове.



В. Васнецов. Царевна-лягушка. 1918

Аделаида: Простите, а как же тогда общество художников-передвижников?..

Ирина Анатольевна: Аделаида, сами продолжите свою мысль без меня! Двигаться по российским просторам с художественными выставками... ну?.. И для какой конечной цели-то? Тут и продолжать нечего, тут надо осознать, как возникшее на мощном исконном русском доедалове воодушевление наполнило весь XX век высоким художественным смыслом. Да если уж вспомнить, то и весь этот французский импрессионизм возник из скудного допивалова на Монмартре! А ведь русский реализм XIX века без фаршированной бараньей ляжки не поднимешь!

Вспомните наши исторические полотна! Разве такое на одном абсенте начирикаешь? Там и молочным поросенком с хреном не обойдешься.

Натали: Не стану с вами спорить, Ирина Анатольевна, мне всегда была интересна ваша точка зрения. Если на нее встать, то сразу видишь такое... Я лучше попытаюсь понять и проникнуться.

Ирина Анатольевна: Это совершенно правильно, Натали! Не надо со мной спорить, потому что после всегда выясняется, что именно моя точка зрения оказывается бесспорной. А ваша смородиновая наливочка, Аделаида, это что-то... вроде полотен прерафаэлитов. Красиво, тонко, чувственно, с явной провокацией к классике, но не столь монументально. Как пишут в рецах — «камерное восприятие».

Аделаида: А вы заметили, как любят именно смородиновые наливки делать приторными? А я их делаю с вишневым листом и цветками мяты! А все отчего-то считают, будто раз наливка смородиновая, то и лист в ней должен быть только смородиновый!

Ирина Анатольевна: Так вот откуда эта терпкость и послевкусие свежести! Аделаида, у вас в наливках проявляется тонкий поэтический вкус. И тут ничего не поделаешь, превзойти вас в этом жанре никак не удастся. Я ж больше склонна к эпическому жанру, к крупной монументальной форме. Максимум, что в этом плане могу наваять — первачок с корицей и лимоном.

Натали: Да мы тут хряпнули вашей крупной монументальной формы... так после только перед Новым годом опомнились, Ирина Анатольевна!

Ирина Анатольевна: А мягко шло, согласитесь, Натали!

Натали: Да, вначале мягко, потом уже не помню... Смутно только, как в тумане. Это когда вы Цицерона цитировали.

Аделаида: А я еще помню Плутарха, Светония и какого-то Тита....

Ирина Анатольевна: Вот ведь умели мужики выпить и закусить! Эх, какая ж все-таки из них культура при этом так перла! А когда за стол начинают из «демократических» соображений всякое быдло присаживать, которое начинает сыпать похабными анекдотами, пихаться булками и соображать, как бы все с общего стола одному себе затырить — вот тут и начинается... наше нынешнее «процветание». Все эти писательские союзы, чтоб без проблем самим жрать

втихомолку, ни с кем не делиться... А как вспомнишь, как они на пирожки с говядиной слетелись... Нельзя ж до такой-то степени перед дамами позориться.



Оборона Москвы от нашествия хана Тохтамыша. А.М.Васнецов

Натали: И все же мне кажется, Ирина Анатольевна, что если ваша теория о доедалове, как о двигателе мировой культуры походит к обществу литературному обществу «Синий чулок», то как же при этом мог возникнуть феномен русского реалистического романа?

Ирина Анатольевна: А я вам расскажу! Итак, напомним всем, кто пришел к нам на доедалово, что примерно в 1750-х годах в Лондоне группа образованных дам, именовавших себя «синими чулками», объединилась для проведения литературных посиделок.

Свое забавное название общество получило по милости подъядавшегося у дам посредственного литератора и ботаника-любителя Бенджамина Стиллингфлита (англ. Benjamin Stillingfleet) (1702—1771), который по бедности (или чтобы досадить хозяйкам салона) носил обычные синие хлопчатобумажные чулки вместо модных в то время черных шелковых.

Аделаида: Некоторые мужчины придают любому дамскому кружку дополнительный вес, вселяют уверенность. Думаю, никто бы не стал особо приглядываться к его носкам, если бы он постоянно не лез со своими балладами с переводными сюжетами, при чтении которых окружающим ничего не оставалось, как только рассматривать его носки.

Натали: Но, полагаю, скептическое отношение к «синим чулкам» было вызвано как раз отказом от общих застолий. А ведь прежде, чем предложить гостям пищу духовную, необходимо принять их по-человечески.

Ирина Анатольевна: Все подчеркивают мысль, что, мол, дамы приглашали не «идиотов». Мол, в обществе «идиотов» эти дамы попросту бы заскучали, поскольку сами были весьма образованными особами. Обычно приводят в пример миссис Элизабет Картер, которая самостоятельно изучила восемь иностранных языков и по праву считалась экспертом по греческой культуре. Но не стоит сбрасывать со счетов, что легкое презрительное отношение к этим дамским посиделкам было вызвано синими носками их гостя, а не гости. И здесь... есть какая-то простая отгадка произошедшей перемены в отношении к этим дамам... Что-то-то такое, простое... Но оно все время ускользает... Такая недоговоренность — из разряда тех, что культурные люди вслух не произносят.

Натали: А мне лично интересно, был ли Бенджамин Стиллингфлит идиотом? Нет, скорее, он был весьма расчетливым жлобом, решившим именно в дамском кружке делать себе литературную карьеру.

Аделаида: А жлобов вообще всегда тянет к кружкам и чуждому доедалову, вовсе не для них предназначенному. Стоит лишь вспомнить описанный в «Мастере и Маргарите» писательский ресторан «У Грибоедова».

Ирина Анатольевна: Вы абсолютно правы, Аделаида! Но лишь в отношении наших жлобов отечественного разлива. И само искусство можно рассматривать — как доедалово и допивалово тех замечательных посиделок, описанных еще в «Застольных беседах» Плутарха. Доедалово и

допивалово — уже не требуют той доли напряжения, необходимости следования традициям и обычаям... Это расслабленное время дружеской пирушки и самого непринужденного общения. И, конечно, доедалова и допивалова!

Если на званном ужине или обеде особо не забалуешь, то при доедалове и допивалове можно пренебречь строгим этикетом, все выставляется сразу и вперемешку... Однако?..

Натали: Как я люблю это ваше «однако», Ирина Анатольевна! И что же было «однако» в Элизабет Монтегю (2 октября 1718 — 25 августа 1800)? Позвольте, я попробую догадаться сама, пользуясь «открытыми источниками» по вашему фирменному рецепту... Итак, обычно эту даму представляют... боже! Ее представляют в качестве «английского социального реформатора, покровительницы искусств, владелицы салона, литературного критика и писательницы, одной из создательниц и лидера общества «Синий чулок»»... Однако! При том, что мы не знаем ни ее критических статей, ни романов...



Парнас. Анжелика Кауфман. 1778

Родилась в Йорке. Её родители происходили из богатых семей с сильными связями с британским пэрством и интеллектуальной средой Англии того времени. Она вышла замуж за Эдварда Монтегю, богатого человека с высокими доходами, став тем самым одной из самых богатых женщин своей эпохи, а её дом стал центром интеллектуального общества Лондона второй половины XVIII века. Она использовала своё богатство (став наследницей значительного состояния и поместий мужа, умершего в 1775 году) для поддержки развития английской и шотландской литературы, строительства монастыря (в 1781 году) и помощи бедным.

Аделаида: Однако дама решила регулировать литературный процесс, а вот в качестве доедалова и допивалова была крайне скупа, оправдывая скромность приемов — «помощью бедным». На знаменитом полотне Анжелики Кауфман «Парнас» — все дамы из кружка «Синий чулок» изображены музами... Однако и здесь поражает мрачное небо, нерадостные выражения лиц, почти спартанская обстановка и... непередаваемая скука подобного «интеллектуального досуга».

Ирина Анатольевна: Однако ведь и с самим Бенджаминем Стиллингфлитом не все так просто, да и отношение к нашим предшественницам-интеллектуалкам не изменилось бы столь кардинальным образом, не маячя за ними на заднем плане некоторой недосказанности... В виде мрачного полога пурпурного отлива. Давайте-ка, перечитаем каноническое пояснение про «синий чулок» еще раз!

Выражение родилось в Англии 1760-х годах в салоне писательницы Элизабет Монтегю (1718—1800). По одной из версий, самым активным и видным членом этого кружка был учёный-ботаник, писатель и переводчик Бенджамин Стиллингфлит, который всегда носил синие шерстяные чулки вместо предписанных этикетом черных шелковых.

Когда он пропускал заседание кружка, там говорили: «Мы не можем жить без синих чулок, сегодня беседа идёт плохо — нет синих чулок!» Таким образом, прозвище «синий чулок» первым получил мужчина, а сам кружок стали иронически называть «Обществом синего чулка». Позднее «синим чулком» стали называть женщин, которые интересовались литературой и наукой, пренебрегая домом и семьёй.

Натали: А в других источниках утверждается, что как раз скептический и пренебрежительный смысл выражению «синий чулок» был придан во Франции в XVII веке. В Париже, как и повсюду, тоже существовали салоны, в которых заметную роль играли женщины. Именно женщины — основной контингент любителей оперы, балета и литературы. Но во Франции перед выражением «синий чулок» возник собственный термин «учёные женщины» (фр. *femmes savantes*) — по названию комедии Мольера «Учёные женщины». Одно дело назвать так комедию... с подтекстом, а вот для выражения в обиходе оно не слишком подходило, поскольку в это время во Франции стали появляться действительно «ученые женщины». Вспомним лишь, что знаменитая Мария Склодовская-Кюри смогла реализовать свой научный дар именно во Франции.

Ирина Анатольевна: Поэтому выражение «ученые женщины», которое, как поясняли литературные энциклопедии, «высмеивало светских лжеученых педантов», было неточным. И вдруг очень кстати пришлось выражение «синий чулок», прибывшее к тому же из Англии, которая воспринималась из Франции с должной долей скепсиса.

Аделаида: Смотрите, нашла у Гюстава Флобера, которого сложно заподозрить в неуважительном отношении к дамам. Ведь он говорил: «Мадам Бовари — это я!» Вот что он писал о выражении «синий чулок»: «Это презрительный термин для обозначения женщины, интересующейся вопросами интеллектуального порядка. В подтверждение цитируйте Мольера!»

Натали: Не может быть!

Аделаида: Да сами прочтите, дорогая Натали! Думаю, он понятия не имел, скольким жлобам развяжет языки, наивно полагая, будто перед нападками на дам — те все же прочтут Мольера. Как же! Добавлю, что авторитет Флобера был настолько велик, что член английского «Общества синих чулок» Анна Мор в иронической поэме «Bas-bleu, или беседа» утверждает, будто французское название (фр. *bas-bleu*) родилось в результате буквального перевода каким-то иностранцем английского *bluestocking*.

Натали: Как и следовало ожидать, в Россию выражение попало из Франции и тут же стало нарицательным обозначением для стриженных дам из кружков «демократического толка». Поэт П. А. Вяземский писал:

Женщины, синие чулочницы, или красные чулочницы, или женщины политические, парламентарные, департаментские — какие-то выродки, перестающие быть женщиной и неспособные быть мужчиной.

Ирина Анатольевна: Раз уж вспомнили Петра Вяземского, надо вспомнить и его знаменитую эпиграмму «Два разговора в Книжной лавке», в честь которой и назван [ресурс](#), где реализуется сейчас проект «Литературного обозрения» — [«У всех на устах»](#).



Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856-1933)
Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII веке. 1902

*«Чем занимается теперь Гизо российской?» -
«Да, верно, тем же всё: какой-нибудь
подпиской*

*На книгу новую, которую — бог даст -
Когда-нибудь и он напишет да издаст!»*

*«Пусть говорят, что он сплетатель скучных
врак,*

Но публики никто, как он, не занимает!»-

*«Как, публики? Бог весть, кто вкус ее узнает?
У публики — вот это так!»*

Петр Вяземский «Два разговора в Книжной лавке», 1832

Аделаида: Странные метаморфозы произошли с обществом «Синий чулок» в самой Англии на рубеже XVIII и XIX веков.

Натали: Ханна Мор перенесла традицию этого женского движения в следующее столетие, описав его прелести в поэме «Синий чулок». Начав как автор трагедий, Мор в дальнейшем пришла к социальным исследованиям, занялась положением лондонской бедноты... очевидно, не без спекуляций, как это водится. Поэтому можно понять раздражение Петра Вяземского, обнаружившего позднее, что и наши отечественные дамы не чужды «демократическим» спекуляциям на социальных язвах, доходя в своих обличениях до мер самого крайнего толка.

Аделаида: Что же касается Ханны Мор, то за четыре года она выпустила серию памфлетов, которые разошлись тиражом более двух миллионов экземпляров. По ее же инициативе в 1799 году было основано Общество религиозных трактатов, занимавшееся распространением соответствующей литературы... Ну, стоит лишь пожать плечами по данному поводу. Распространение Слова Божьего среди лондонского дна... это все же позитивнее, нежели последующие «хождения в народ» и раскидывание подрывных прокламаций.

Натали: Последней представительницей «синих чулков» считается Мэри Монктон, принявшая впоследствии титул графини Корк. Эта низенькая и грубоватая толстушка в ярких, аляповатых туалетах была близкой подругой знаменитой актрисы Сары Сиддонс и содержала исключительно популярный светский салон. В молодости среди ее гостей числились Рейнольде, Берк и Хорас Уолпол.

В более поздние годы ее посещали принц-регент, Байрон, Скотт, стареющий Пиль и восходящая звезда политического небосклона Дизраэли. С годами эксцентричность Мэри Монктон лишь возрастала, у нее развилась kleptomania, и заботливые друзья специально оставляли в холле столовое серебро, чтобы несчастная леди могла припрятать вилки и ножи в своей муфте.

Ирина Анатольевна: Печально, но факт! Интересное начинание, желание реализовать свои дарования... закончилось банальной kleptomaniей. Итак, почему же в начале XIX столетия «синими чулками» еще называли образованную женщину с литературными наклонностями и широкими взглядами, а в дальнейшем это понятие настолько обесценилось, что приобрело ярко выраженную негативную окраску?.. Почему воплощением «синего чулка» стала малопривлекательная особа с явно ущемленным чувством юмора, такая женщина-педант?.. Ведь само общество получило это название из-за мужчины в синих носках!

Натали: Конечный результат оказался прямо противоположным исходному образу. Это очень и очень странно...

Ирина Анатольевна: Полагаю, что ничего странного здесь и нет. Как ни хотелось дамам стать кем-то вроде античных муз, но и картина Анжелики Кауфман, как уже отметила Аделаида, выдает их с головой. Они захотели определять весь литературный процесс в качестве истеблишмента «просвещенной публики». И уж если что-то пригребается не по праву, так оно и сказывается весьма многозначительным образом.

С чего пошло определение «Ученые женщины» у Мольера? С описания женщин, забросивших домашнее хозяйство ради демонстрации собственного «интеллекта». По Мольеру, это женщины, которые пренебрегают своими главными обязанностями хранительниц домашнего очага — ради «ученых» занятий. Если бы восемь языков осваивались под огурчики и корейку собственного засола, то и вопросов никаких не возникло! Но думаю, что и нищенские синие носки Бенджамин Стиллингфлит надевал с глубоким смыслом. Мол, какие еще носки надевать, если идешь, не рассчитывая на щедрое доедалово и допивалово?

Потому и через весь XIX век становится настоящим расцветом большой русской прозы. Есть званые обеды, а есть салоны, где доедалово и допивалово торжествовало и в альбомах, оставивших нам массу шуток, карикатур и эпиграмм. Правда, были и у нас последовательницы «Синих чулков», но на российский манер. Если Бенджамин Стиллингфлит стал принадлежностью дамского салона, то ведь у нас «в ожидании революции» в качестве домашних мопсов жили Некрасов, Чернышевский... да и многие другие.

Натали: Наверно, французское определение «альфонс» было бы более уместно.

Ирина Анатольевна: Не в нашем случае! В нашей литературе «альфонсов» не было, у нас бы озлобленные Васисуалии Лоханкины, местные Наполеончики, третировавшие «Обитателей села Степанчикова», считавшие, будто им и так все должны. Вспомните, сколько отвратительных мгновений от «встречи с родной литературой» оставили эти «демократические деятели» потомкам!

Аделаида: О! Я как вспомню эти четыре сна Веры Павловны, так страстно желаю разобраться с той дамой, которая Чернышевского нам на шею откармливала...

Натали: Да, я как такое вспомню, понимаю, что это были не альфонсы, а именно осатаневшие дамские мопсы.

Ирина Анатольевна: Но основное гадство произошло, когда в самом начале XX века решили собрать писательский съезд, дабы учредить некий «писательский союз». Можно сказать, на этом самом месте и закончился золотой век большой русской прозы. Было много публикаций с некими наставлениями этому съезду... поскольку все понимали, что если соберется чертова уйма писателей, они сразу начнут бабло вымогать. Даже в 1910 году было такое подозрение.

Но помимо этого, литературная деятельность не является простым способом добывания хлеба, как большинство профессий. Даже если сам литератор смотрит на нее исключительно с денежной стороны, она сохраняет, в силу своего громадного общественного значения, все-таки характер идейной деятельности.

За объективным общественным значением литературной работы теряется субъективное, индивидуальное отношение к ней самого автора. Если бы кому-либо вздумалось объединить всю пишущую братию на почве чисто профессиональных, т. е., главным образом материальных интересов, он потерпел бы полную неудачу.

Материальное обеспечение для литератора — вопрос первостепенной важности, но не он поглощает мысль писателей, когда они собираются для обсуждения своих нужд. То главное, что волнует и тревожит их умы, — это возможность работать, высказываться, как подсказывает совесть и убеждение, писать не под диктовку третьих лиц, а исключительно согласно своему пониманию общественной пользы и вреда.

Но как раз такая свобода литературной работы наталкивается поминутно на то, что у нас называется деликатно «правовым положением». Правовое положение — это воздух, которым принуждена дышать наша литература. Приспособился — тебе же лучше, не приспособился — погибай.

Понятно, что вопрос о правовом положении печати является на съезде писателей самым кардинальным, первым из первых вопросов. Понятно, что его ставят выше вопросов о взаимопомощи, о товарищеских судах, о писательской этике и т. п. Тем более, что все эти экономические и этические вопросы сами в значительной мере обуславливаются правовым положением и разрешаются с разрешением вопроса об этом положении.

Но правовое положение изъято из круга обсуждения съезда. О чем же другом можно теперь говорить на этом съезде серьезно?

В. В. Воровский «Наше слово», 5 февраля 1910 г.

Натали: Будто написано в наши дни... Только в наши дни никто такого не напишет. Они сейчас умеют лишь коллективные письма писать с требованием упразднить Конституцию. Сказывается длительное доедалово и допивалово на почве «партийности в литературе».

Аделаида: Да... Интересно сказано о товарищеских судах и писательской этике... Это бы раньше напомнить тем, кто заявлял, что без мата русская литература не пишется, что сейчас публике требуется «жесткое порно» и т.д.

Ирина Анатольевна: Но заканчивается, как правило, «милрой» клептоманией, о которой все знают, все в курсе, но предпочитают оставить серебряную ложку, а от дома не отказывать. Но если в отношении эксцентричной леди Мэри Монктон, славившейся своим безошибочным поэтическим вкусом, которому доверяло большинство современников, то в нашем печальном случае... после множества обществ «синих носков» с государственным регулированием допивалова и доедалова — возникает феномен совершенного циничного наглого вора, считающего все достояние Рунета — чуть ли не личной «интеллектуальной собственностью».

Натали: Вы, конечно, прежде всего, имеете в виду [«писателя» Михаила Шишкина](#), «феномен» которого возник не только на почве клептомании, но и на необходимости *удобной фигуры «лауреата»*, где требовалось «распилить» премиальный фонд.

Ирина Анатольевна: Конечно, я имею в виду, что полное ничтожество нынче стало удобным подавать отчего-то непременно в качестве «писателя». Иной раз ни одного романа за человеком не числится (а раньше гражданин без полноценного романа в русской литературе именовался просто «литератор», Антон Павлович Чехов считался «литератор и драматург»), ни одного образа не создал (кроме себя-любимого), но уж «писатель»! С помощью «литературных конкурсов» и разного рода «писательских союзов» — это стало пропихивать намного удобнее.

Аделаида: Но ведь всегда стоит вопрос о том, что читать-то стало совершенно нечего!

Ирина Анатольевна: Да это люди, сами не прочитавшие ни одной книги, потому уверенные до опасной степени маразма, будто читается все, что не начирикается, а вдобавок не отметится «лауреатством»! Михаила Шишкина неоднократно ловили «на кармане». Но когда он начал таскать куски из Веры Пановой, тоже опубликованной в Интернете, где, как Михаил уверен с наивностью олигофрена, «все общее», — в отношении него возникла некоторая оторопь даже у тех, кто для своей пользы готов выдать за «современную литературу» любую байду.

Потом он вдруг начал делать «демократические» заявления. Но здесь возникает вопрос не только к Шишкину, но и к другим «оппозиционным» писателям вроде Акунина и Улицкой: если вы писатели, то где ваша публицистика на *эту* тему? Почему вы только короткими потяфкиваниями обходитесь? Если вас все так непосредственно волнует и берет за живое, то где роман про «кузников Болотной»? Где романы про Навального и Немцова? Ведь за большие деньги усиленно навязываются всем в качестве писателей! Так где актуальная публицистика и действительно современные романы? В Караганде?

Натали: Меня тоже удивляет это обстоятельство! Вот вас увлекла история, возникшая в прошлом году в качестве «допивалова и доедалова» с нападением на Сергея Филина... Мало того, что шла невероятная, незабываемая публицистика, но ведь потом вас развернуло и на роман! И там пошли такие пласты... там и античность побоку, а на свет был извлечен какой-то совершенно древний пласт, объясняющий сам смысл искусства...

Аделаида: А я помню, что этот роман создавался без каких-либо «финансовых вливаний», без «писательских союзов», не просто при какой-то «поддержке государства», а под давлением всей мощи государственных структур... На это же смотреть было страшно, а после все встало на свои места.

Натали: Наши официальные писатели все отчего-то мнения свои не обосновывают, а наспех высказываются в интервью, в подпорках «наводящих вопросов». Не могу забыть, как в конце прошлого года мы немного испортили презентацию очередной порции нравоучений от клептомана Михаила Шишкина на Радио Свобода.

В четверг 28 ноября весь день в дискуссиях во время мероприятий Швейцарии выступает живущий там известный критическим взглядом на нынешнюю власть РФ писатель Михаил Шишкин. Оппонентом ему мог бы стать в полдень прокремлевский публицист Виталий Третьяков. В 16 о современной экономике расскажет Александр Аузан.

Non/fiction: движение к политике...Примечательно, что самым заметным мероприятием в первый же день Non/fiction оказалась презентация книги «Городские движения России в 2009 году»

Что-то эта книжечка более походила на донос. Не могу привести в качестве доедалова нашу замечательную дискуссию о Михаиле Шишкине на страничке Михаила Соколова, главного представителя современных течений «синие носки».



Цезарская забава. Василий Polenov

И, право, это глупо всякий раз, когда нет контраргументов и возразить нечем, пытаться обвинить оппонента в «хамстве».

Обсудим простой факт — Шишкин плагиатор. У вас есть, что на это ответить?

Михаил Соколов Это не факт, а мнение.

Наталья Иванова Аргументируйте.

Михаил Соколов Мнение это мне не интересно. Тем более, что форма его высказывания — оскорбительна. Вас тоже в бан отправить?

Наталья Иванова Ну, может вам и законы Ньютона не интересны, а может, даже кажутся оскорбительными, особенно в части противодействия? Но, как вы и сами знаете, они действуют, несмотря на ваше мнение.

Михаил Соколов Вы намек не поняли?

Наталья Иванова А бан? Что бан? Это вы теряете источник информации.

Михаил Соколов Будет -1 или 2 — а в очереди 800 запросов.

Ирина Дедюхова Михаил Шишкин известен не только «критическим взглядом», но неумением создать сюжет и позорным плагиатом. А само то, что Миса Сыскин чем-то известен — ставит массу вопросов к устроителям литературных конкурсов в России. Впрочем, вопросов именно в России привычных и банальных.

Михаил Соколов Не надо здесь клеветать и хамить. Предупреждение.

Ирина Дедюхова Именно, чтобы не «клеветать» вам и дана ссылка! А чтобы не «хамить», не стоило для начала обворовывать русского прозаика и ЖЕНЩИНУ (!!!) Веру Панову. Это не говоря о свободном «цитировании» архивных писем от себя лично.

Михаил Соколов Ваше мнение о «дебильном» Прусте многое объясняет. Еще раз выступите так — будет бан. А то у меня много заявок от желающих вежливо общаться.

Наталья Иванова Порядочные люди после выявления фактов откровенного плагиата подобных компилятивных «авторов», как писателей не позиционируют и к «порядочным» не причисляют.

Наталья Иванова Вы не отличаете аудиторию от источника информации? Или это тоже хамство с моей стороны, что вы элементарными категориями не оперируете?

Михаил Соколов Беседа завершена.

Ирина Анатольевна: Ну, завершена и завершена, да? Как говорится, побеседовали... Можно подумать, с ним такое уж удовольствие общаться задаром. Но дальше-то, заметим, у самого господина Соколова вдруг вскрывается назревший чирей... с нашим честным доедаловом и допиваловом!

Михаил Соколов Иногда я бываю добрый, даже к тем, кто кормится от госбюджета РФ по статье «спецпропаганда».

Наталья Иванова Большие же некому давать гранты на спецпропаганду. У Дедюховой и книжка есть про эту, как её (вы все равно не знаете)... о вспомнила, **НРАВСТВЕННОСТЬ**. Вы тоже себе на бумажку запишите, а то склероз... подкрадывается незаметно...

Ирина Дедюхова А чо, завидуете? Так вам и надо!

Наталья Иванова А вам потому и не дают корм на «спецпропаганду», что вы не тех и не то пропагандируете. Почитайте про своего Шишкина:

Новый блог Олега Лурье. — ИГРЫ МАРОДЕРА. НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ О «ПИСАТЕЛЕ» ШИШКИНЕ

Заметьте, это даже не Дедюхова

Михаил Соколов Уголовника привлекли? Борцы за нравственность...

Ирина Дедюхова Для вас — уголовник, а для других — напротив... Все течет, все изменяется. Поцелуйте в жэ тех уголовничков, которых в 60-х того: Дело Бродского

Наталья Иванова А вы в какой ряд готовы поставить «экстремистку» И.А.Дедюхову? Она тоже осужденная, причем, как писатель... за защиту девочки от «чиновничьих и кавказских наездов»... Уж не за хронический алкоголизм и тунейдство, как Бродский, извините пожалуйста!

Михаил Соколов Теперь прощайте.

Ирина Дедюхова А поцеловать?..

Михаил Соколов Надоели.

Наталья Иванова Зато, вы неистощимый кладезь для оттачивания дамского остроумия. Куртуазности, ведь, от вас не дожидаться...

Михаил Соколов Здесь есть кнопка «заблокировать». Не в курсе?

Наталья Иванова Ой, как плохо быть неграмотным. Есть ещё команда COPY...



Аделаида: Какой несносный мужчина! Дамы, я в четвертый раз подогревать баранью ногу отказываюсь!

Ирина Анатольевна: А вы чем ее фаршировали?

Аделаида: Да... как обычно! Без всякой «спецпропаганды»: чеснок, базилик, сладкий перец и корень петрушки...

Ирина Анатольевна: Аделаида, если бы вы знали, как мне осточертело доедать всякие фаршировки с использованием мускатного



ореха! Ну, если ты заранее знаешь, что у тебя никто не съест такое, а после придется доедать, так зачем выпендриваться-то, спрашивается? Чтоб вот этим двум Мишам вечно все с мускатным орехом доедалось!

Натали: Дамы, раз у нас такое допивалово, хочу тост!

Ирина Анатольевна: Но тут можно немного и «спецпропаганды», Натали, все же тосты для доедалово идут специальные.

Натали: Я в курсе, Ирина Анатольевна! Ну, чтоб не досталось врагам!

Five o'clock tea



В декабре Ирина Анатольевна загрустила. К сожалению, когда ее стараются уничтожить, заткнуть, лишний раз доказать лично ей, будто «ее не бывает», - это всегда является какой-то превентивной мерой.

Поэтому грусть такого человека обычно оборачивается грядущей гуманитарной катастрофой... уже в более глобальном масштабе.

Когда я думаю, что же делает Ирину Анатольевну настоящей дамой, Гранд-дамой, сразу приходит на ум это ноябрьское собрание писателей

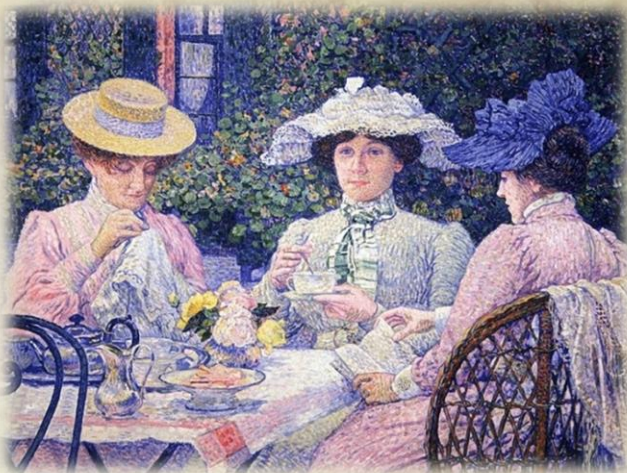
и их встреча с руководством страны и потомками классиков русской литературы. С ними будто...сговаривались на будущее, не находите? Да и что это за писатели, которых за все время ни разу не тронули проблемы разрушения страны в 90-х, многолетний грабеж государственного достояния?.. А ведь это был главный нравственный выбор наших дней.

Ирина Анатольевна как-то пожаловалась мне, что ей отвратительны в качестве «героев» представители нашего «правлящего тандема», у них очень... «хлипкая структура». После всех ее злоключений можно было бы проникнуться каким-то страхом, ужасом в отношении наших неизвестно откуда свалившихся на голову «лидеров». Но недовольство Ирины Анатольевны выражалось в том, что она никак не может нащупать у этих граждан «какого-то стержня»: «Будто имеешь дело с аморфной массой или оконной замазкой! СМИ и наемные агитаторы пытаются демонизировать их облик, а они... обычные марионетки! Уж казалось, кому как не мне надо проникнуться страхом перед «великим и ужасным» Владимиром Путиным...А как только подходишь к нему с рамками художественного образа, там... пустота. Это не говоря уж о его напарнике Дмитрие Медведеве. Там вообще инфантильность подростковой незрелости. И невозможно не почувствовать того, что все ощущали в политическом возбуждении Алексея Навального: показуху, несамостоятельность, не легитимность, полную беспринципность по самым важным для каждого мужчины вопросам. Но при этом зияет пустотой такая личная никчемность, что образ лепить не к чему. Нет ни формы, ни содержания.»

Что же делает женщину – Дамой? Безусловное следование твердым жизненным принципам, однозначная нравственная позиция. И это, кстати, совпадает и с целями и задачами искусства. Настоящую Гранд-даму русской литературы так просто не купить пирожками с говядиной и писательским сборищем. Это все наносное и временное, а в искусстве нравственные акценты расставляются на века вперед.

К нашим посиделкам в декабре начала тяготеть Анна, а у меня...наступила легкая эйфория. Я в полной мере почувствовала себя хозяйкой литературного салона, пытаюсь даже копировать неподражаемую манеру Ирины Анатольевны. Мне не приходило в голову в тот момент, что образ королевы в изгнании требует совершенно иного образа жизни, «подтекста прошлого»... Мне в тот момент претила замкнутость, внезапно накотившая на нашего классика. В конце декабря я побывала на концертах, немного оживила скучное бытие, и меня уже не покидало ожидание новогодних чудес, ощущение праздника. Но и общение с Ириной Анатольевной тоже сказалось. У нее есть удивительное свойство... менять и форматировать возле себя мир – в более позитивную радостную сторону, давая ощущение полноты жизни.

Но без нее... что-то не то, какими бы убедительными не были попытки подражать ей...



Theo van Rysselberghe. Summer Afternoon

Элиза: Незначительная облачность, наблюдавшаяся в западной части Британских островов, постепенно захватит и восточные районы. Судя по барометру, существенных перемен в состоянии атмосферы не предвидится.

Пигмалион. Бернард Шоу

Аделаида: Ах, какие нынче стоят погоды?! Слыхали, как штормит в Англии?

Натали: Да, безобразие сплошное, а не погоды. Пакость редкая: дождина мерзкая, слякоть под ногами, снега нет. День короткий, тьма кромешная...

Анна: Дамы, что у вас за тема для разговора, ...прям английская какая-то. Наверное, «Пигмалиона» насмотрелись-начитались, будто приличным дамам и пообщаться во время чаепития не о чем?

Аделаида: По такой погоде, только чай?...

Натали: Да, не лезьте вы, душечка, за очередной бутылкой виски. Английский стиль (раз, вам так приспичило) можно поддержать и чаепитием, только, сэндвичи не забудьте...

Аделаида:



*Ой, хочу чаю, аж кончаю, чаю кипяченого,
Ой, не мажора я люблю, а политзаключенного.*

*А он не бывший секретарь, он не уполномоченный,
А он с рождения такой: "Совдепом" замороженный.*

*Он был простой советский рокер, во барабаны громко бил,
Эх, но лиха беда случилась, и КГБ его забрил.*

*А суд недолго продолжался - присудили Колыму:
Ой, наказали, своих песен да чтоб не пел он никому.*

*Ой, хочу чаю, аж кончаю, чаю кипяченого,
Ой, не мажора я люблю, а политзаключенного.*

*Ой, мама, долгая дорога да советская тюрьма,
А это то, что не от Бога - да это то, что от дерьма.*

*А целовать бы мне милого в его ясные глаза -
Ой, комиссарская зараза, эх, до чего ж ты довела.*

*А мне и больно, мне и сладко, что он не такой, как все.
Тех, кто правду ищет, гонют на родимой стороне.*

*Ой, хочу водки, дайте водки, чтобы боль свою залить...
Ох, непростое это дело - заключенного любить... (Чиж и Ко)*

Натали: Ну-ну,... Все уж! Закончились [«политзаключенные»](#). Выпустили всех оборотов на свободу...

Анна: Действительно, милочка, неактуально как-то, и даже, некультурно... И, вообще, чтобы не стать «политзаклоченным» достаточно было отчалить на берега туманного Альбиона, как все прочие, чтобы лишней суеты не создавать.

Натали: Если уж вернуться к традициям английского чаепития...

Аделаида: Что-то, Натали, вы слишком увлеклись [Англией, шпионами и политиками](#)...

Натали: Нет, я о поэзии поговорить хотела на этот раз. Когда так тоскливо, депрессивно и не радостно, как после «песенок» Вероники Долиной, то в былые времена от такой напасти я спасалась задорными и язвительными строчками из Екатерины Горбовской. Например



The Arakcheyev two-piece tea set. 1823 Arkhangelskoye Estate Museum Старинный фарфор для чая и кофе.1823

*[Часы прабабки кукуют глухо.](#)
[В воздушных замках тепло и](#)
[сухо.](#)*

*[А город полон сплошных](#)
[дождей,](#)
[Ничейных кошек, чужих людей.](#)*

*[...Был город пасмурен, зол и сир,](#)
[И было в городе все не так...](#)
[А я мечтала исправить мир.](#)
[Но, слава богу, не знала, как.](#)*

*Светит солнце. Или месяц.
Или вовсе ничего.
А всего-то восемь-десять
Дней, как знаю я его.*

*И лица его не помню.
Где мне было рассмотреть!
Я глядеть старалась томно,
Мне хотелось зареветь.*

*Плыл туман перед глазами,
А с ресниц валилась тушь.
Я сказать решила маме,
А она смеялась: "Чушь".*

Аделаида: Ой, сколько там навязчивой рекламы! А что же это за стишки? Как бы почти про нас? Намек? Или ехидное замечание?...

Натали: Дорогуша, уж если вы так... , то все ещё хуже... Я хочу похвастаться, чтобы вы обзавидовались моим ярким и свежим культурно-светским впечатлением, посещением чудного концерта...

Анна: Что теперь Дольчева обчитались и впечатлились, решили пойти по его стопам за музыкой?

Натали: Ах, куда уж мне... За такими меломанами не угнаться. В моём случае «в начале было слово». Про слово я вам, дорогие мои, уже практически все рассказала. Хотя, нет, если вы перестанете язвить и будете «завидовать молча», то так и быть поделюсь...

Анна: Ладно, ладно. Видно же, что пока все в деталях не расскажете, не покажете, то не успокоитесь. Небось и фоток нащелкали? Только перед началом повествования чайку плесните. Или сначала положено в чашку молоко лить?

Аделаида: Да, да, ценный фарфор берегли от горячего кипятка...

Натали: Опять вы, Аделаида, над своими плошками трясетесь



Сервиз чайный тет-а-тет из восьми предметов с монограммой императрицы Марии Федоровны. 1826. На обороте всех предметов надпись Archangelski 22 juillet 1826. ГМЗ Павловск Юсупова фарфоровый завод

Аделаида: (обиженно поджимая губы) Знаете ли, дорогуша, некоторые «плошки» могут и подороже вашей шубы стоять. Кстати, такой вот фарфор и поберечь не грех.

Натали: Естесс-но, музейный антиквариат вы специально под нос сунули, чтобы лишний раз попрекнуть дешевизной моей шубы. Одна радость, она не столь стара, как ваш фарфор...

Аделаида: Какая шуба, что вы?! Нашими шубами с таких сервизов и пыль-то смахивать – много чести. Мои родители служили в Китае в начале 50х годов прошлого века. Так вот мама так и не смогла привезти оттуда [китайский сервиз](#), его стоимость была равна стоимости американского Виллиса. Наверное, ее разочарование и передалось мне с генами любовью к красивой посуде.

Для дорогих гостей у меня чешский, тоже очень недурной, все из старых запасов. Ну, где ж нынче взять настоящего чешского фарфору? Разве что только кто в Прагу пригласит. Так что наслаждайтесь...

Анна: Девочки не ссорьтесь, лучше посоветуйте, какой тут бутербродик предпочесть?...

Аделаида: Ах, вы, Анна, опять ломаете атмосферу. Бутерброд — слово немецкое, а для five o'clock tea мною приготовлены сэндвичи, ну и ...пироженки всякие...

Натали: Ой, я, я знаю! Сейчас в моде козий сыр...

Аделаида: Ага, в Москву смоталась, просветленная вы наша, сразу стала в курсе модных тенденций...

Натали: И что? Теперь и в столице не побывать? Одной вам тут в пробках пылиться? А если хочется с подружками поболтать, и не по скайпу, да к чужим мужьям приставать?

Анна: А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее!

Натали: Ну, так вы же сами мне слова сказать не даете. Хорошо, так и быть, продолжу.

Люблю, значит, прям, не могу, стихи Екатерины Горбовской, зацените:



Сервиз чайный на шесть персон с фризом из садовых цветов. 1831. Роспись на формах завода Попова. Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства

Ну и что, что вдвоем. Ну и пусть при свечах -
У меня еще есть голова на плечах...
А мой внутренний голос —
Он в голос кричал
И вполголоса сам же себе отвечал,
Что когда при свечах,
А вокруг тишина,
Голова на плечах
Никому не нужна.



Аделаида: Ничё так, ... живенько?...

Анна: Ну, если живенько, то ладно... Кстати, фамилия какая-то знакомая. Не находите, Аделаида?

Натали: А вот на этом моменте в нашем возрасте акцентировать внимание не стоит. На фоне нынешнего буйства фэнтази данное замечание выдаёт старого любителя фантастики. Я и сама, собственно, в былые времена на эту фамилию подобным образом и «запала». Так зовут одного из героев братьев Стругацких, которые, в свою очередь, его называли в честь папы поэтессы. Во как бывает! В общем, Гугл вам в помощь, сами разбирайтесь в этой истории, если любопытно. Я про другое...

Значит, только прониклась я трепетным чувством к творчеству этой девчушки (тогда ещё... короче, давно это было), а тут грянули «лихие 90-ые», ну и не до поэзии стало... Шли

годы... Скорее, летели (гады такие). И вот начался период ностальгии по былому, благо интернет появился. И в нём самом нашлась та поэтесса, у неё своя страничка в ЖЖ, где новые стихи и всякие новости о личной жизни. Одна из них заключается в том, что Е.Горбовская уже давно обитает в Англии, куда и мужа перетащила, и ребенка, и родителей. Живут они, короче, все там, поживают, дочь уже замуж выдали, родителей, к сожалению, уже не стало...

Анна: Ой, Натали, вы что решили нам тут очередную «сагу о Форсайтах» пересказать? Так это лучше у [Аделаиды получается](#)...

Натали: Не перебивайте, я медленно, но верно подбираюсь к теме «про чужих мужей»...

Аделаида: А кто у нас муж?

Натали: А муж у нас, тфу, у неё — композитор — Александр Левин. Причем, дамы, бьюсь об заклад, вы с его творчеством знакомы, если, конечно, склероз ...девичий «ещё не сделал своего благого дела» (с)...

Аделаида: Я бы попросила...

Анна: (*угрожающе*) Что-что?!

Натали: Ну, муж ее по нынешним временам стал «классиком».

Аделаида: Это как?! Как в фильме про бильярдного каталу, «Классик»?

Натали: О Боже! Душечка, сколько раз вам говорить, что проявление осведомленности в некоторых вопросах порядочную даму, кхм-кхм, не красит...

Аделаида: Я бы попросила!... Это же фильм, его по телевизору показывали!

Натали: Голубушка, ну кто ж нынче из приличных людей телевизор смотрит?! Вы ещё, небось, и Латынину с Веллером слушаете?

Аделаида: Нет уж, увольте. Этих не слушаю, но слушаю других, ничем не лучших. А что вы хотите, по нескольку часов в пробках стоять... Я петь пыталась, но это только когда засыпать начинала.

В окно пялиться жутковато, город потихоньку растворяется в бездумной, бессистемной застройке циклопического размера и циклопической же безобразности...

Натали: Да все давно перешли на аудиокниги.

Аделаида: Я бы их и слушала, если бы [сама не записывала](#)...

Натали: Ой, ой, ой, какие мы «крутые»!...

Анна: Все, брэк! Так что там про «классика»?

Натали: Тут я слегка промахнулась с термином. Аделаида, извините. В общем, Александр Левин сейчас пишет академическую музыку, которую мы (непродвинутые слушатели) по инерции называем классической.

Так вот, его замечательная жена (Е.Горбовская) оповестила своих читателей, что замечательный вокальный коллектив «Voces 8» будет давать концерты в Питере и Москве. И на них будет исполнено новое произведение мужа:

Александр Левин
«Песни святых августинцев» (мировая премьера)

А тут, все равно, надо было побывать в гостях, поэтому с превеликим удовольствием сагитировала подругу на данное мероприятие.

Аделаида: И как?

Натали: Врать не буду. Просто, замечательно. По такой погоде, в отсутствие солнечного света, категорически необходимо (практически, в качестве приема витаминов) посещать культурные мероприятия. Есть только один «маленький тонкий нюанс», мероприятие должно быть по настоящему культурным, с большой буквы «К».



Voces 8

В анонсе было написано:

Феноменальная британская «восьмерка» поражает не только идеальным балансом шести мужских и двух женских голосов, но и великолепной исполнительской культурой. В репертуаре группы – музыка разных веков и жанров. И старинную полифонию, и джазовые мелодии молодые английские музыканты поют с безупречным вкусом и потрясающей чистотой тона.

Вот что хочется отметить. Насколько я знаю (возможно, не очень точно), где-то в 60-х появился стиль минимализм. Мне кажется, что в его русле возникла манера делать спектакли без декораций и театральных костюмов, петь в микрофон под минимальное музыкальное сопровождение, упростилась сама форма произведения, с которым можно было выйти к зрителю на сцену. Но, тем не менее, зритель принял подобное и был успех. Чем последний был обусловлен? Если что-то убыло, то где-то в другом месте должно прибавиться, не так ли?

Аделаида: Натали, что вы нам голову морочите? Да ещё так вульгарно изложенным законом сохранения. Замучили своею физикой, везде готовы её применить...

Анна: Нет-нет, я кажется понимаю, что Натали пытается нам сказать. Минимализм формы подачи материала компенсировался глубиной его содержания, талантом и мастерством исполнения.

Аделаида: А-а-а... коли так, то конечно...

Натали: Вот именно, как раз, сказанное вами, Анна, непосредственно относится к коллективу, на концерте которого я и побывала.



Вокальный ансамбль а cappella VOCES8, как видно из названия, выступает без какого-либо инструментального сопровождения. Их всего восемь человек, это не хор, но микрофонами они не пользуются.

Вот такой большой зал, и вот так мало исполнителей на сцене, но восприятию это нисколько не помешало. Потрясающий эффект, когда очень яркие индивидуальности безупречно слажено работают совместно. Мягкое выразительное звуковедение и одновременно мощное, иногда почти органное.



Аделаида: Ладно, так и скажите, что не преминули «освежить восприятие» перед концертом.



Натали: Не без того. Как же искусство да без шампанского?! Надо получать удовольствие комплексно. Мы, вообще, зачем ходим в театры, на концерты?

Надеюсь, дамы, вы не будете подобно современной критике и «авангардным деятелям искусства» призывать меня «думать» (нет не так, а «Ду-у-у-мать...»), типа «соображать»?!

Анна: Голубушка, окститесь, да что мы, звери какие? Прекрасно понимаем, коли вы выбрались в столицы, да рванули в ближайший концертный зал, как в

забегаловку, то перво-наперво ополовините алкогольные запасы буфета... Не, ну об этом гораздо естественнее думать, нежели о чем-то другом...

Натали: Фи! Милочка, не след приземлять до такой степени... Необходим баланс и чувство меры, все таки. Вот Аделаида не даст соврать, глоток шампанского — неотъемлемая часть ритуала.

Аделаида: Да, да! Главное, чтобы качество того, что потом будет происходить на сцене соответствовало ...

Натали: Нам с подругой повезло — качество присутствовало...

Кстати, вы же, душечки, знаете поразительное свойство шампанского. Отведав его, становишься ярким радостным уникальным и в то же время тянет в коллектив, сразу любишь всех окружающих...

Аделаида: Что-что?...

Натали: Ой, это я не о себе, а о том впечатлении, которое получила. Это я пытаюсь «на всем известных образах», то есть на тех ощущения, которые знакомы почти каждому, пояснить что же поразило и произвело впечатление. Певцы на сцене, каждый в отдельности были яркими уникальными радостными, но в то же время звучали, как единый организм или инструмент, если хотите.

Я все пытаюсь досказать вот эту мысль, что при минимализме формы зал «был взят» потрясающим мастерством и, как нынче модно выражаться, харизмой исполнителей. Их творчество «пьянило» не хуже шампанского...

Ещё, что для них в общем-то должно быть органично, выглядели и вели себя, прям, как «англичане-англичане». Да, и конференс был на чисто английском языке, что при нашем незнании глаголов несколько напрягало...

Аделаида: В школе учить надо было.

Натали: Мы и учили... немецкий... который также благополучно забыт... Говоря об «английскости», хотелось передать то ощущение культуры, которое шло со сцены, за которой мы, собственно говоря, в ММДМ и попёрлись.

Ну вы же прекрасно знаете о существующем шаблоне — «англичане-джентельмены/леди-воспитание-культура». Вот он-то и был продемонстрирован на полную катушку...

Анна: Ага, ну хоть увидеть довелось...

Натали: Да, довелось. И есть чему позавидовать. Смотришь на такое и понимаешь, что возникающее желание подражать в данном случае похвально. При этом начинаешь ценить исполнителей не только за мастерство и талант, но и умение побуждать к хорошему, правильному, прям «добру и свету». Кто ж не знает, насколько это сложно и «не просто»?

Аделаида: Тогда, в вашем случае, милочка, удачнее звучит что-нибудь «про чужого мужа». Кстати, а с ним- то что?

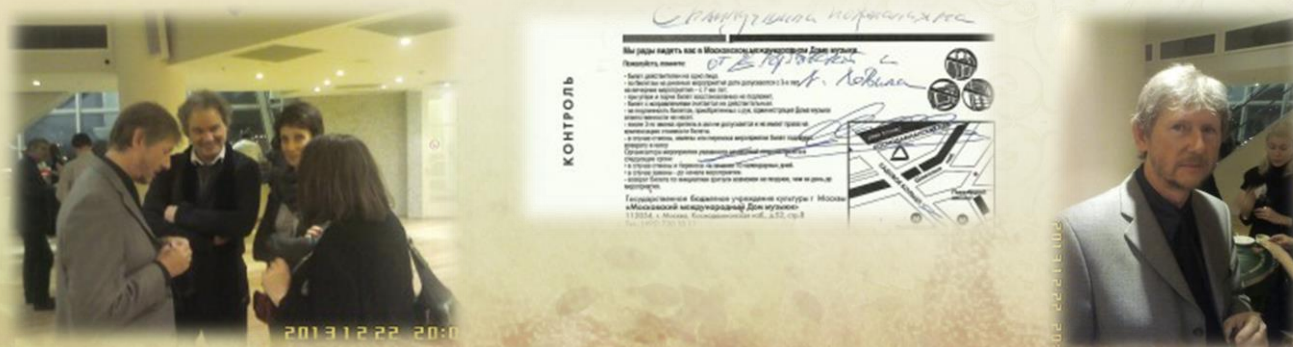
Натали: С ним? С ним всё просто чудесно и великолепно. Его произведение звучало после Рахманинова, и знаете, не потерялось на таком фоне. Как, все-таки, важно правильно выбрать первого исполнителя своего творения. Вот, небольшие кусочки, послушайте:

Кстати, в данном исполнении я, наконец-то, стала понимать русский текст. На такое не каждый наш хор способен. Стоило послушать, как звучит Рахманинов у VOCES8.

Репертуар у них весьма разнообразен, поэтому во втором отделении они нас баловали спиричуэллом, джазом и ещё чем-то популярным.

Да! А начитавшись Дольчева и решив, что «он плохому не научит», решили поприветствовать композитора, благо он присутствовал и выходил на поклонны после премьеры своего произведения.

Вот тут, собственно, момент приставания и сама добыча.



Аделаида: А отчего это вам, милочка, наилучшие пожелания одновременно и от Е. Горбовской, и от А. Левина? Жена тут при чём?

Натали: При том, что мужу (Е. Горбовской) было сообщено, каким образом мы попали на его концерт (узнав о сём событии из ЖЖ его жены). Так ему и было сказано, привет мол передай любимой поэтессе.

Анна: Натали, надеюсь, вы проявили вежливую льстивость, похвалили услышанное?

Натали: Ой!... Неувязочка вышла... сказать комплимент автору я и забыла... Как неловко.

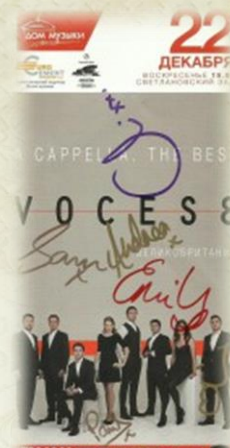
Анна: То-то он на вашем фото слегка недоуменный...

Аделаида: Если не сказать, что ошавевший...

Натали: Знаете что, милочки, в следующий раз «особо умные» сами будут «брошены на амбразуру». И, вообще, «я не волшебник, я только учусь»...

А Екатерине Горбовской, всё равно, надо сказать спасибо. Загляните к ней на страничку ([нажмите здесь](#)) и посмотрите ролик замечательного «сейшена», который она любезно выложила.

Анна: Просто напрашивается тост: «За любящих жён! И крепость брака!»...



От штофа до шкалика



В январе 2014 года мы еще не знали, какие кровавые сюрпризы преподнесет банальное заключение «газового контракта» с Украиной. Однако всеми подсознательно ощущалась та жуть, которая всегда связана с выходом на общественную сцену людей без твердых жизненных принципов, внутреннее содержание которых делает их совершенно непригодными в сложном деле построения художественного образа в русской литературе.

В январе Майдан не разошелся, а на мои уговоры поучаствовать в наших дамских посиделках Ирина Анатольевна задумчиво произнесла, что затянутый Майдан непременно закончится

«мочиловом». Анна каждый раз настойчиво осведомлялась, придет ли Ирина Анатольевна, а та явно избегала ее прямых вопросов. Не раз предаваемая самым подлым и идиотским способом, Ирина Анатольевна жалела тех, кому еще только предстояло «почувствовать нашу любовь» (слоган канала TNT).

Но, как бы наш классик не увиливала от праздничных застолий, а январь, как уж повелось, представляет почти сплошной «красный день календаря». В январе родились все, кто сотрудничал с Книжной лавкой и Литературным обозрением. Кроме нашей Анны Черненко, в которой сложно не угадать «летнего Водолея» - Льва. А все остальные, как и можно догадаться по нашим публикациям, либо Водолеи, либо Козероги на грани с Водолеем. И по этой причине в январе никак не уклониться от дегустации крепких горячительных напитков.



Julius LeBlanc Stewart (1855 — 1919)

Анна: У нас нынче что, Натали, дегустация? И где ж, позвольте поинтересоваться, виновница нашего сегодняшнего заседания клуба «розовых черепашек»? Надо полагать, что Аделаида вновь скрылась где-то в... погребах?

Натали: У нас нынче, Анна, если так можно выразиться, прострация, то бишь, крайняя степень изнеможения, расслабленность, упадок психической активности... Не могу пока полностью адаптироваться после своего дня рождения, нахлынувших после него событий... Потом был день рождения Ирины Анатольевны, символически совпавший 90-летней годовщиной со дня смерти Ленина, которого нашего прима не жалует.

А тут... будете смеяться, но Аделаида у нас тоже январская! И, представьте себе, родилась она вовсе не в Татьянин день! Ее день рождения совпадает с днем рождения русской водки!

Анна: Боже мой... и точно! В этот день в 1865 году в Санкт-Петербурге Дмитрий Менделеев защитил докторскую диссертацию «О соединении спирта с водою», посвященную теории растворов. Это ж должен помнить всякий русский интеллигент.

Натали: Так что... скляночки в вашем распоряжении, дорогая. Я сейчас закуску выкачу. Мне Ирина Анатольевна презентовала трехъярусный сервировочный столик на колесиках... Вначале я даже опешила, а сейчас вижу как это удобно. Можно сколько угодно ставить локти на стол... пока сама Ирина Анатольевна не пожаловала.

Анна: Натали, у нас и вовсе, знаете ли, такая нынче прострация, что только держись. [И нам Ирина Анатольевна давно обещала подарить нагайку вместо сервировочного столика.](#) Может, вся эта майданная байда обусловлена погодными явлениями и предыдущими празднествами, как вы считаете? Ведь новости читать невозможно без восклицаний: «Пошли все в жэ!» Вы уж меня извините за прямоту. А зачем вам столько мензурок, что закуску уже приходится держать на колесиках?

Натали: Это не мензурки, а штофы и шкалики... рюмочки всякие... баночки с аперитивом... Пока вы новости про свое продвижение по Европе читали, вышло нам распоряжение по гарнизону — впредь горячительные напитки употреблять из традиционной русской посуды.

Анна: А я, напротив, зимой заграничную посуду уважаю, точнее, европейскую. Но вовсе не стремлюсь к непременно присоединению к Европе, потому что в нашем случае непонятно, кто к кому присоединяется? То ли Европа к нам опять пьявкой липнет, то ли мы стремимся влиться в Европу так, чтоб в результате получился раствор, непригодный к употреблению. Ни вовнутрь, ни плешь смазывать...

Натали: Не расстраивайтесь, Аннушка! Выпейте аперитив, он улучшает цвет лица и настроение... Повышает иммунитет! А что за европейскую посуду у вас предпочитают зимой?

Анна: К примеру, у нас продают коньяк «Наполеон», но все знают, что это вовсе не коньяк, а польская паленка, употреблять вовнутрь его не рекомендуется. Вообще лучше не соприкасаться с



этой жидкостью, открывать бутылку лучше в одноразовых перчатках и с большой предосторожностью. А вот бутылочка на ноль восемь... чисто загляденье! А какая пробочка надежная...

Натали: Но ведь если этот поддельный коньяк просто выливать, то бутылка будет обходиться слишком не экономно! Ирина Анатольевна не одобрит такой расточительности.

Анна: А мы ей не расскажем! Некоторые пробовали содержимым бутылки фетровые шляпки чистить... это бессмысленно! Лично я этой жидкостью кастрюли от накипи чищу. Как бы из экологических и домохозяйственных соображений. Потому что такое... даже куму не нальешь, мы ж не озверели пока до такой степени, еще держимся. У нас ведь тоже далеко не все в

«Беркут» подались, где-то внутри себя сохраняем традиции. Поэтому польско-французскую бутылку предпочитаем наполнять водкой домашнего изготовления.

Натали: Польская водка была раньше... неплохой!

Анна: Она, может быть, и нынче ничего, только в качестве поддельного коньяка они нам наливают *такое*. Сам факт уже настораживает! Интересно, что они нам нальют, если мы туда войдем в качестве бедных родственников?

Натали: А я... как прочла новость про то, как у ваших желающих войти в Евросоюз и приобщиться к зарубежной культуре — разобрали к-катапульту, так чуть не поперхнулась оливье.

Анна: Лучше не читать! А вы, Натали, надеюсь, в оливье вареную морковь, случаем, не крошите?

Натали: Упаси бог! Только карамелизированное яблоко из экзотики. Просто задумалась... Вспомните, сколько у нас кричали «Надо немедленно вписываться в Европу!» Разве что с катапультами не прорывались. А чем закончилось?

Анна: Ой, да и у нас тем же самым закончится! Рвутся те, кто привык Родиной торговать. Для всех это заканчивается неважно. Хотелось бы уточнить, вы твердо решили сегодня сразу все шкалики опустошить?

Натали: Как получится. Вначале подумаешь, что это слишком, наверно. Но как наши новости считаешь, какие-нибудь речи руководящих граждан послушаешь, так и тянет погрузиться в народное творчество. Вы на те штофы не смотрите, Аннушка, их Аделаида на Татьянин день принесла. Ирина Анатольевна сказала, что такие штофы раньше дворникам выставлялись, а конюхам — полуштофы. Как говорится, «а мужики-то и не знали».

Анна: Ну, сразу начнем или именинник подождет? Я вижу, вы чего-то тоскуете? Вам к такому арсеналу веселье по гарнизону не прописывалось?

Натали: На счет веселья ничего не прописывалось, все сухо и по-деловому. Вы же знаете, как мы любим веселиться за чужой счет под легкой анестезией. Обычно, за счет тех, кто этим беззастенчиво занимался раньше. Нет, на счет веселья ничего не предписывалось, это же непредсказуемо, кто вдруг решит проявить желание повеселить наше дамское общество. А вот на счет «легкой анестезии» предписывалось немедленно возродить традиции и... все! Стоит ли ждать нынешнюю и предыдущую виновниц торжеств второй половины января... даже и не знаю. Наверно, даже не стоит. Аделаида наполняет портфолио творческими встречами, а вот чем занимается Ирина Анатольевна... потом выяснится, и мало никому не покажется.

Анна: Да, как правило, когда выясняется, чем она занималась, пока мы тут себе капаем себе аперитивы, лучше об этом и не думать. А какие именно традиции, там не говорилось? Читаю

кулинарный словарь Похлебкина... вот кто возрождает традиции и возвращает какую-то уверенность в будущем.



Плахов Л.К. Пирушка водовозов 1833 Холст, масло

Аперитив (от фр. *aperitif*). Буквально: послабляющий. Так называют напитки, которые употребляются до или во время еды для лучшего усвоения пищи или для возбуждения аппетита. Аперитив не должен быть насыщающим, не должен обладать резким вкусом — иначе отвлечет от еды. Вот почему в этой роли чаще используют соки овощей и фруктов, минеральную воду. У некоторых народов в качестве аперитива применяется молоко (финская кухня), зеленый чай (среднеазиатская и японская кухни), кумыс (бакирская, казахская, киргизская кухни), айран (азербайджанская, северокавказская кухни), тарак (бурятская кухня).

(Кулинарный словарь В.В. Похлебкина, 2002)

Натали: А помните, Анна, раньше продавались наборы открыток с рецептами национальной кухни народов нашей страны? Это было так трогательно! Прекрасное время, когда важными заботами были размышления о предстоящем ужине. Никто не устраивал борьбы нанайских мальчиков с населением, не возводил катапульты... Ведь настоящую народную культуру можно постичь не наскоком, а в полном душевном равновесии, с вкусным кусочком во рту....

Анна: А это что у вас за вкусный кусочек? Боже... какие все же жлобы эти политики и манипуляторы... Устроят ни пойми что, а после с окрестных теток борща требуют. И ни в каких планах нет, чтобы я таким чудным кусочком исконные традиции заедала... Что это я ем, Натали?



Натали: Панцанелла с красным перцем, Аннушка, угощайтесь! Я вам рецепт дам!

Перец болгарский красный 3 штуки, лук красный 1 головка, чеснок 4 зубчика, помидоры 4 штуки, масло оливковое 8 столовых ложек, уксус бальзамический 1 столовая ложка, соль и перец черный молотый по вкусу, багет французский 1 штука... Вроде бы ничего не забыла.



Разогреваете духовку до 200 градусов, режете багет на тонкие ломтики и выкладываете на противень, подрумяниваете булочки в духовке на 5 минут до хрустящей корочки. Натираете 2 зубчиками чеснока на булочки, щедро сбрызните все оливковым маслом и отправляете в духовку на 8-10 минут, перемешивая все эти ломтики до румяного состояния. Это называется «чесночные крутоны».

Пока все охлаждается, очищаете перцы от семян и режете на небольшие кусочки. И в то же время разогреваете сковороду с оставшимся оливковым маслом. Высыпаете в кипящее масло тонко нарезанный лук и чеснок, пассеруете 2 минуты, затем

добавляете нарезанные на 4 части помидоры и перцы. Уменьшаете огонь, накрываете крышкой и готовите 20 минут, пока вся жидкость не выпарится. Перекладываете в миску, охлаждаете и добавляете чесночные крутоны!



Анна: Я бы еще базилик добавила, если честно. Мало ведь пользоваться традициями, надо из обогащать! А из тех открыток с кулинарными рецептами прежде братских народов, не вооруженных катапультами, я помню чудесную традицию употреблять чеснок, помидоры и перец непременно с базиликом... А что у вас в том графинчике? Бальзамический уксус?

Натали: Нет, Анна! Я туда клюквенную водку налила... А что?

Анна: Натали, как вы могли? Немедленно разливаем это по рюмкам... Ну, с этими катапультами и банковскими заморочками забыли про святое! Все уже в головах перепуталось! Да побольше рюмку возьмите! Натали, голубушка, это соусник, сюда водку не размещают...

Натали: Вы только никому не рассказываете! Ну, за неизменность традиций! А как вы узнали, что... это *неподходящий* графинчик?



Анна: Да, честно говоря, сама не так давно узнала. Мне Ирина Анатольевна намекнула, что не в наших традициях на дамских посиделках сразу мои любимые бутылки на ноль восемь выставлять. Хоть у нас тогда была свиная отбивная с молотым перцем. Потом расскажу пару секретов, как ее лучше отбить. Зачем мне теперь все эти секреты? В Евросоюзе этом еще и свинину православным запретят, небось...

Натали: Не расстраиваетесь, Анна, вдруг вас еще и не примут?.. С катапультий точно не возьмут! И что она сказала-то?

Анна: Она сказала, что в этих маленьких графинчиках легко не запутаться, если знать, что под водку они делаются... без ручки! Представляете? Все эти мензурки с высокими горлышками — под водку, а если там ручка имеется, то это уже соусник.

Натали: А мужики-то не знали...

Анна: Да что там знают эти мужики? Мне тогда и говорит Ирина Анатольевна, что, мол, не нами заведены графинчики, в их форме сокрыта народная мудрость, не говоря о содержании... А хорошо

ваша клюквенная пошла, Натали!

Натали: Спасибо, Анна! Так что вы говорите о народной мудрости в графинчике?

Анна: Заметьте, Натали, ни один графинчик не только не имел ручки! Емкость его была равна четному числу шкаликов — на два, четыре и шесть шкаликов, не больше. К двум и четырем шкаликам шло по шесть стопок, а уж к шести шкаликам — все двенадцать.

Натали: Мне это как-то сложно понять. Не в смысле клюквенной анестезии... просто нынче такой разнбой! Мне кажется, этого давно уже не знают и сами производители графинов, если таковые еще имеются на наших бескрайних просторах.

Анна: Натали, в дамском кружке это лучше все же знать, в этом я с Ириной Анатольевной соглашусь. Она ни разу при наших мужчинах коньяк в пробирке не выставляла и никого такими подробностями не истязала. Но... в ожидании именинниц... лучше все же вспомнить исконные ритуалы.



Натали: Странно, смотрю, в академических словарях «шкалик» — старая русская мера объема вина, равная 1/200 ведра (0,06 л). А в словаре Ожегова — «мера вина (водки), равная 1/100 ведра». Вообще в современных словарях шкалик приравнивается к стакану водки! Это же просто... экстремизм какой-то!

Анна: Ну, вы ж учитывайте, что накануне Первой мировой войны Российская империя считалась наименее пьющей страной, что бы там не говорили. На склонности к спиртному базируются все идеологии «демократического» толка, а уж первое

«демократическое» преобразование — это искоренение государственной монополии на продажу спиртного.

Натали: А я отлично помню, что Дмитрий Менделеев по просьбе Государя провел соответствующие исследования, раз и навсегда определив наиболее благоприятную градусность водки.

Анна: Это стало эталоном и для советского производства. А уж Горбачев, начавший вдруг «борьбу с пьянством» - с вина и шампанского, явно не шкаликами употреблял крепкие горячительные напитки.



Натали: Сегодня словарь Ожегова применяется гражданами, от природы склонными к доносите́льству, — в качестве доказательства, будто одним использованием русского языка можно совершить уголовное преступление. Многие вещи здесь тенденциозно искажены. Ведь и словарь Даля у нас уже идет со значительными изъятиями и сокращениями. У Ожегова шкалик вообще называется «стаканом водки», т.е. равным 200 грамм, а это — полстакана, то есть 100 грамм! Спиваются наши правоохранительные лингвисты, но туда им и дорога!

Анна: Вообще было на счет шкалика было старинное русское слово «остограммитесь», но, наверно, сейчас оно уж является преступным, как ненормативная лексика. Слова «косушка» и «осьмушка», наверно, нынче большинству филологов неведомы, они ж спиртное в иностранной таре употребляют, причем, до доньшка, в графинчик не сливают.

Натали: А вот вина было приличным подавать в графинах большой емкости, с виноградными гроздьями и ручкой, шампанское — в ведерке, а для водочных графинов на два или четыре шкалика была специальная полка в буфетах и сервантах. А вот и наша именинница! Просим-просим, милая Аделаида к столу!

Аделаида: Здравствуйте, дамы! А что, Ирины Анатольевны еще нет?

Анна: Еще не подошла, но после угощения Натали это уже несущественно! Дамы, как скрасили ваши дни рождения холодный месяц январь!

Натали: Шкалик произошел от немецкого слова «Schale» — сосуд, а сама мода на стеклянные графинчики пошла, конечно, от немцев. От них пошла и особая культура употребления спиртного, неприемлемая к традиционным слабоалкогольным русским напиткам. Сами стопки с золотыми ободками по краешку — располагали к совершенно неприемлемому русскому способу питья медовухи — черпаками и кубками. Немцы пили медленно, по капле...

Анна: ...что не мешало им упиваться «в зюзку». Отметим, что и само слово «водка» — польское.



Натали: Шкаликами назывались и сальные стеклянные плошки, которыми раньше обвешивались борта пароходов для иллюминации и создания романтического настроения. Танцы на палубе под духовой оркестр были раньше излюбленным развлечением в томные летние вечера.

Аделаида: Эх, умели жить люди! Культурно, невероятно прекрасно... при полном консенсусе. Не пили до такой зверской степени, чтобы всякое ворье к бюджету и всем богатствам присаживать, чтобы на ровном месте маяться, куда б всей страной продаться?

Анна: Ну-с, дамы, давайте рассмотрим, кто ж нынче пытается радовать нас сосредоточием интеллекта, явно употребляя горячительные напитки не шкаликами, а ведрами, прикрываясь словарем Ожегова.



Аделаида: А тут сплошная путаница с штофами получается! Смотрите, в одном месте пишут, будто штоф [от нем. Stauf] — старинная русская мера объёма жидкости равная 1/10 ведра (применялась до введения метрической системы). Четырёхгранный сосуд с коротким горлышком для вина, водки и т.п. (обычно такой вместимости). Стеклянный, узорного стекла, фаянсовый штоф и запечатанные штофы с ромом. А дальше уже происходит что-то с заплетающимся немецким языком: штоф (нем. Stoff) - русская мера объёма жидкости. 1 штоф = 2 бутылкам водочным = 10 чаркам = 1,23 л.

Анна: И все равно водочная бутылка раньше была гораздо мельче... О! Ирина Анатольевна! А мы тут как раз русские народные традиции осваиваем! Немного запутались только, почему штоф в разных словарях на немецкий язык переводится по-разному?..

Ирина Анатольевна: Добрый вечер, дамы! А какие проблемы? Мне кажется, название этого сосуда с немецкого переводилось в разной степени алкогольного опьянения... нашими творцами академических словарей. Вы с ними не пили, поэтому даже не представляете, что это за

толкователи основ... или снов. Неважно. *Stoff* — это такое мощное немецкое понятие... здорово искажившее картину нашей российской жизни в связи с принудительным познанием марксизма. Обозначает оно вещество или материю. Помните еще «три источника, три составные части марксизма»? Так вот материализм Фейербаха — проистекал как раз из такого штофа узорного бутылочного стекла. Это, можно сказать, более поздние демократические наслоения на русско-немецкую дружбу народов. Изначально все же наш штоф с немецкого и обратно переводился и переливался как *Stauf*.



И. Крамской «В ресторане»

Анна: Как мне нравится, Ирина Анатольевна, слушать вас после клюквенной... нда... после клюквы слушать, как вы по-немецки разговариваете.

Ирина Анатольевна: А представляешь, если эти... с катапультами довыезживаются так, что до конца жизни только по-немецки и будут говорить — хоть под клюкву, хоть без нее. Им аусвайсы выдадут и научат различать *Stoff* от *Stauf*.

Анна: Нет, вы как-то сделайте, чтобы такого ничего не было! Ленин помер, а вы родились, так можно так сделать, чтобы прекратились эти «белой акации гроздь душистые»? Это же безобразие, сколько нашему бедному Киеву досталось от бурной деятельности Владимира Ильича на ниве классовой борьбы! Не говоря уж о том, что нынче творится!

Аделаида: Дамы, вся эта классовая борьба разворачивается сразу, как только отменяется государственная монополия на водку. Бюджет пустеет, рецептуру не выдерживают, традиционные меры потребления перемешиваются даже в академических словарях. Докатились, что штоф уже ассоциируется с материей. Подходящий идейный источник материализма.

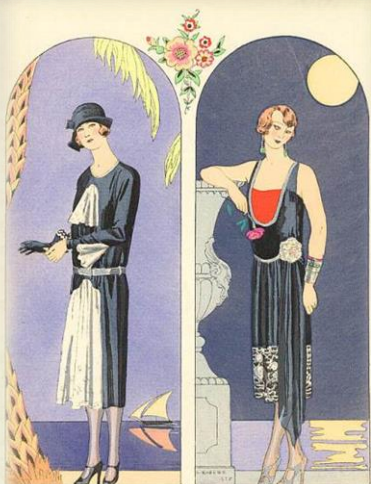


Натали: Мне кажется, с этой классовой борьбы народ забыл штофы и шкалики, слил горячительные напитки по бутылкам ноль восемь, начал их воспринимать не как приятный штришок к действительности, а как способ хоть на минутку забыться от классовой борьбы. А я помню, еще у бабушки было два чудесных графинчика, туда как раз поллитровка входила. Один, побольше, выставлялся гостям, а второй, поменьше — деду к обеду. И все так чинно, достойно.

Ирина Анатольевна: И странно, что водка в приличных домах ежедневно по графинам не разливалась, приобреталась одна бутылка на неделю, а то и больше... Дамам капали аперитив для аппетита. После такого обеда совершенно не хочется разбиваться по классам и государствам. Гильотины или катапульты тоже мастерить не захочется. Вот видите, как важно следовать мудрым народным традициям?

Натали: Вот за это стоит выпить! Я теперь абсолютно уверена, что лишь неукоснительное и точное соблюдение традиций спасет мир! На здоровье!

Воображение



Февраль 20 14 год

Как многие уже заметили, наш классик форматирует реальность, связывая невидимые кончики нитей прошлого и настоящего. Она дает законченные бесспорные определения, после которых понимаешь, что искусство — это не что-то такое отвлеченное, а вообще напрямую связанное с твоей жизнью.

Это необходимо читателю, зрителю или слушателю, поскольку лишь задетый за живое человек, уверенный, что все сказанное относится непосредственно к нему, может замкнуть эстетическую триаду «автор-образ-читатель».

Как абсолютно уверена в этом Ирина Анатольевна, в момент такого рождения образа происходят важные вещи в общественном сознании, становятся невозможными самые отвратительные гадости, к которым вроде бы все уже даже привыкли.

Было очень смешно как-то читать в блоге «Огурцова на линии» просьбу одного из читателей посоветовать какую-то литературу, чтобы после прочтения иметь возможность спорить с Ириной Анатольевной.

Помнится, она посоветовала ему начать с классики — Месарович М., Мако Д., Такахара И. «Теория иерархических многоуровневых систем». Но при этом она заметила, что все равно по любому поводу выскажется в бесспорной форме, так что спорить все равно будет не о чем.



Francis David Millet, Reading the story of Oenone, 1883

Натали: (задумчиво) Воображение — это, оказывается, способность сознания создавать образы, представления, идеи и манипулировать ими; играет ключевую роль в следующих психических процессах: моделирование, планирование, творчество, игра, человеческая память...

Анна: Где это вы такое вычитали, сударыня?

Натали: Вестимо в Вики, где ж ещё можно почерпнуть толику мудрости современной, обремененной бытом и заботами, работающей женщине. Не заставьте же вы меня выйти из квартиры, спуститься на первый этаж и пойти в библиотеку, которая, хоть, и находится в моем доме, но не посещалась уже столько лет. Зачем? Всё есть в сети...

Аделаида: Надо же, а у меня это слово в большей степени связано с детством. Что-то постоянно говорилось о непосредственности детского воображения, ...да иногда в мой адрес звучало «воображала»...

Натали: Аделаида, милая, это немного не о том. Всё несколько серьезнее. Воображение — это то, что, собственно, и делает нас людьми. Это механизм, позволяющий нам предвидеть...

Аделаида: Как прорицатели?

Натали: Не только, и не столько. В своем воображении человек может проиграть сценарии развития некоторых событий и выбрать наиболее вероятное. То есть, грубо говоря, избежать опасности

Ирина Анатольевна: Ж.П. Сартр назвал воображение способностью мыслить о том, чего нет... Люди — единственные животные, которые в состоянии предвидеть то, что еще не произошло или

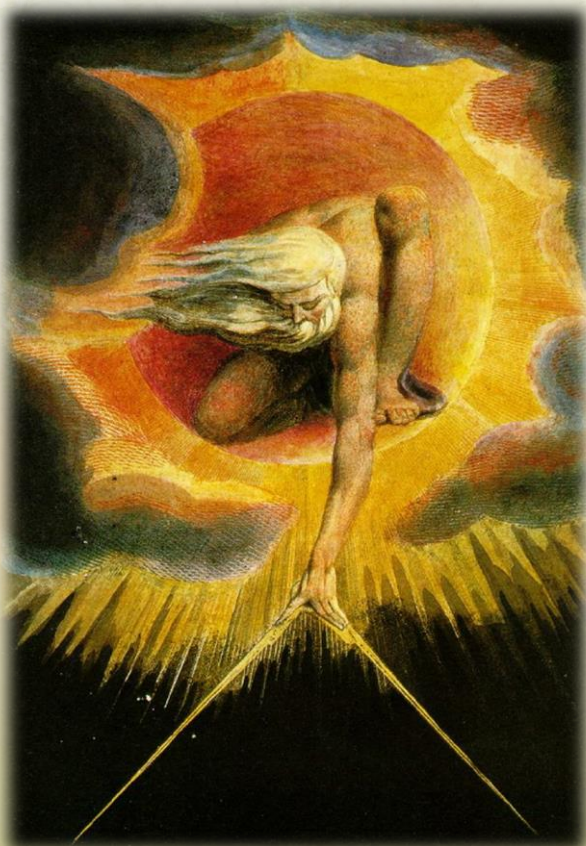
не существует, но может появиться/произойти. Воображение — вот основа всех наших достижений в науке и технологии, искусстве и религии.

В воображении человек реализует все, чем снабжен свыше, он создает миры и покоряет пространства. Это его духовная жизнь, это то, что приближает его к Творцу всего сущего.

Воображение неразрывно связано с нашей способностью изменять мир, действительно преобразовывать действительность и творить что-то новое. Хотя... звучит несколько по совдеповски, поскольку в корне безнравственная идеология брала на вооружение человеческое стремление воплощать в действительность творческие замыслы, рожденные полетом фантазии. Поэтому в самые тяжелые времена гуманитарной катастрофы все бредили фантастическими романами «Месс-менд» Мариэтты Шагинян, «Аэлита» Алексея Толстого... В то же время А.М.Горький произносил свои знаменитые зажигательные речи о том, что все должны творить, поскольку «именно вымысел и замысел поднимают человека над животным». Вымысел подавался им, прежде всего, как замысел... какого-то творческого процесса в реальности.

Жаль только, что нашими замечательными мечтателями не всегда отделяются уголовные замыслы от правовых. А тенета реальности представляются ими лишь ограничениями человеческих законов, которые они приучились переписывать... перманентно, постоянно меняя условия игры наших фантазий о будущем. Но такое, конечно, силой мысли не преодолеешь, тут, как говорится, требуется «политическая воля»... Но, ...неважно.

Даже по недоученному юристу К. Марксу мысль *идеальна*, но, конечно, до той поры, пока такие, как он, не начинают чувствовать в ней нескрываемое осуждение и отчуждение. Тогда они считают все *чужие* мысли *материальными*... с плохой стороны и стараются различными способами прервать сам мыслительный процесс, навязывая собственный в качестве непревзойденного (идеального) образца.



Уильям Блейк. Творец вселенной. Фронтиспис к поэме
Европа, 1794

Отсюда и нынешнее желание неких самопровозглашенных «мыслителей» — остановить мыслительный процесс, уничтожить науку и образование, подменив апробированные истины — ложными, превратить саму человеческую мысль — в догму. Если обобщить процесс — сегодня невероятно обострилась борьба власть имущих с человеческим воображением. Изначально неконструктивный и бесплодный путь.

Если в каком-то вымышленном пространстве это происходит при замыкании эстетической триады «автор-образ-читатель», то само отношение ко многим вещам, вырабатывающееся со временем у всех людей... *неким образом* (механизм этого явления неясен, поскольку его все время пытаются поломать) переформатирует и материальное пространство.

Мне всегда в этом месте ёрнически замечали, что вот они выбьют какое-то мнение у большинства, так оно и изменит будущее. Нет, это навязанное большинству мнение, ничего общего не имеющее с фантазиями, устремлениями человеческой души — просто создаст проблемы.

А вот... каким-то образом проникающая во все наши фантазии мысль, которая и становится материальной, — возникает вовсе не у «большинства» или «коллектива трудящихся» (замененных ныне какими-то «социальными группами»). Она возникает у весьма немногочисленных людей, которые ближе всего подошли к абсолюту истины. И самые замечательные человеческие мечты смогут воплотиться в реальность тем скорее, чем быстрее и другие люди начинают мыслить правильно.

А могут, конечно, не воплотиться, чем угодливее человек подчинит свое сознание каким-то пустым шаблонам от людей, заведомо не способным на полет фантазии. «Сначала было Слово», т.е. (идея, замысел, проект и т.д.), а затем начинается *созидание* путем преобразования одного состояния материи в другое. Ну, это нам лучше всего пояснит Натали, она же у нас «физик» по образованию. Все эти переходы материи из одного состояния в другое — это предмет ее изучения в жизни, в литературе, искусстве...

Натали: Спасибо, Ирина Анатольевна, что иногда позволяете слово молвить. Кстати, Аделаида, цитата специально для вас. Патриарх Алексей II говорил:

«Творец создал Человечество, чтобы превратить Космос в сад Эдема.

Однако, второе начало термодинамики, не сдерживаемое усилиями человека, стало вектором нарастания энтропии, приближения к смерти. Смерть, которая по слову Писания, Бог не сотворил, стала втягивать в себя все сущее... Человек оказался на грани гибели. «Космос» стал расползаться в «хаос». Поэтому каждый Человек должен связать свою жизнь с борьбой против роста энтропии, против последствий второго начала термодинамики».

Аделаида: О, Боже, Натали. Где вы такое нашли? Вас послушаешь, так физикой занимаются везде и все, и даже патриарх...

Натали: А что? Лишний раз убедились в мудрости церковных иерархов.

Анна: Дамы, а можно обсудить что-то иное, более близкое всем, что ли...

Ирина Анатольевна: О вечном! А у нас нынче единственная непреходящая категория, где классика всегда в фаворе, а весь авангард может сделать погоду лишь после того, как станет классикой, — это искусство! Поговорим об искусстве. Тем более, что перед ним (что вполне естественно) стоят те же цели. Главной задачей искусства всегда было — преобразование мира: преобразовывая человека, совершенствовать мир.

Анна: Кстати, Ирина Анатольевна, подобно обленившейся Натали, узнала о том, что канал Культура показывает небезызвестный вам фильм Питера Гринуэя «Повар, вор, его жена и её любовник», тоже не отходя от компьютера, из ленты фейсбука. Друзья не преминули сообщить ...

Натали: Ох, уж эти фейсбучные «друзья». Они иногда бывают так болтливы. Сами посудите.



Уильям Блейк. Лос, 1804-1820

Яков Кацнельсон Выдающийся фильм Гринуэя «Повар, вор, его жена и её любовник» я увидел 1-й раз лет 20 назад. Помню после него головокружение, смятение и ночные кошмары...сейчас решил его пересмотреть по «Культуре»...к смятению и головокружению добавилась легкая тошнота...интересно, у меня одного такая реакция?

Татьяна Бондаренко а я просто выключила .. при первом просмотре меня дико доставал поющий мальчик .. его реально хотелось задушить

Valentina Borisova я несколько лет назад смотрела, в конце было нехорошо..но музыка прекрасная

Яков Кацнельсон Таня....с ним это и сделали...

Татьяна Бондаренко я » отсчет утопленников » больше ..эммм .. люблю .. все остальное , включая » Книги Просперо» пресматривать не хоцца ..

я у курсе шо с ним сделали ..

Vadim Zhuravlev Яша, отличный фильм и запланированное чувство тошноты у зрителя. Я пересматриваю его постоянно, мне нравится его нарочитая театральность. А какие актерские работы!

Irina Isakov Vadim Zhuravlev, ну не все хотят испытывать тошноту, несмотря на все достоинства фильма, это индивидуально, так сказать)

Сергей Дрезнин Мне он тогда активно не понравился (как и другие фильмы Гринуэя), не собираюсь его пересматривать. Какой-то еще есть фильм... там казнь через насилие 217ю человеками... людоедство... и т.д. и т.п. Бедный Джон Гилгуд пришел сниматься с «Буре» Шекспира... но не тут-то было!

Татьяна Бондаренко я знаю , что есть его кино с российскими артистами .. боюсь смотреть , если честно

Мария Михайловская Не смогла досмотреть. Хотя люблю Хелен Миррен, и костюмы были очень красивые.

Denis Severin Дорогой Яков Юрьевич, дело в том, что Вы не подходите не под один параметр из четырёх, находящихся в названии фильма. От этого и Ваша реакция...

Елена Руднева Яша, несколько лет назад-не удалось досмотреть. Сегодня-случайно переключила. Не хочется, а смотришь. Это гипноз какой-то.

Яков Кацнельсон Лен, конечно, гипноз. Кино гениальное...

Михаил Нодельман Как самочувствие, Яш? Береги себя!))

Яков Кацнельсон Самочувствие хорошо быть не может...завтра концерт Моцарта...))

Maria Urbanovic togda ponjatno! Toitoitoi. Film , konechno ,genialnij. no tolko odin edinstwennij ras

Alexandre Brager Яшенька, может, не стоило пересматривать кино по «Культуре»? Может, она виновата в твоей «легкой тошноте»?

Alexandre Brager В общем, учредили-постановили: виновата культура! И с кавычками и без.

Ирина Ивановская А меня потряс фильм Марат/Сад, а этот тоже не смогла досмотреть, особенно тяжеловат звуковой фон: может быть дубляж неудачный. Якову успехов! Постараюсь завтра быть.



Сергей Кузнецов Смотрел когда-то, восторг и упоение всё ещё со мной, особенно от «Дити Макона» и «Книг Просперо». А вот пересматривать не очень хочется.

Сергей Грохотов Тошнота обязательно входит в послевкусие. Это у Гринуэя

по умолчанию такой изысканный «букет»))

Яков Кацнельсон Сереж, но это не от всех его фильмов....только от Повара....

Наталья Иванова В помощь не всегда внимательному зрителю: Воры и любовники

Яков Кацнельсон Спасибо. Если попадется невнимательный, ему будет помощь...

Наталья Григорьевич Повара пересмотрела тоже через 20 лет — раньше воспринималось как экзотика, сейчас — как махровый реализм:-) Как всегда у Гринуэя — очень красиво. А тошнит меня только от Z00

Виктор Шпиницкий Огурцова и здесь спешит на помощь...

Анна Левина Фильм этот можно смотреть лишь 1 раз, что я и сделала как и вы, лет 20 назад. Режиссер Гринуэй, действительно, снял специфическое кино, запланировав тошноту зрителя. Пересматривать не тянет. Не тянет и рекомендовать кому-то. Бросают смотреть те, кто начал случайный просмотр; те же, кто заранее хотел посмотреть фильм Гринуэя — смотрят до конца. Есть в мировом кино категория сложных по восприятию фильмов; я себе взяла на заметку упоминавшиеся в комментариях; что-то мимо меня они прошли. К подобным сложным фильмам (меня просто поразили) относятся и эти два: «Туринская лошадь» и «Большая жратва».

Marina Isjumskaja Нет, Яша, я буквально месяц назад решила посмотреть и протянула минут десять. А вот Контракт рисовальщика не устарел.

Аделаида: Да, да... Натали, вы тут в новый год рекомендовали посмотреть «Контракт рисовальщика», но «более внимательная» публика возмутилась и потребовала предварительных комментариев Ирины Анатольевны.

Валерий : С Новым годом, дорогие дамы!

Большой интерес вызвал фильм «Контракт рисовальщика» Питера Гринуэя. И та же музыка Майкла Наймана. С одной стороны все живо напомнило фильм ОГУРЦОВАТВ «Воры и любовники». Однако, посмотрев этот фильм, понял, что ничего не понял. Не понял, как убийство рисовальщика в самом конце способствует ощущению праздника. Думаю, никому не испорчу праздник, если сразу скажу, что этого гада в самом конце убьют. Так и не сумел разгадать, кто бегал голым весь фильм, а в конце попытался съесть ананас. Расцениваю этот ролик лишь в качестве затравки будущего разговора с мадам Огурцовой. Без нее Питера Гринуэя никто не разберет даже под водочку. Пусть все же она объяснит смысл происходящего и укажет, какое оно отношение имеет к нам, грешным. Хотелось бы вообще на будущее попросить давать пояснения Ирины Анатольевны вначале, предварять ими такие просмотры. А то сложилось впечатление, что жевал под водку туалетную бумагу.

Еще раз всех с Наступившим! Извините, что выразил недоумение.

Ирина Анатольевна: Сударыни, не многовато ли вопросов сразу. Надо с ними разбираться как-то постепенно, поэтапно, ...мне так кажется.

Вот сами посудите, зрительскому вниманию представляется фильм известного своей интеллектуальной вычурностью автора, который ещё в 1983 году заявил о гибели кино, как жанра, и занялся поисками новых форм и языка. И работа такого автора подается без серьёзного разбора и пояснений.

Натали: Ирина Анатольевна, но это-то вполне объяснимо, что нового можно сказать после вашей проработки данного произведения? А безнаказанно воспользоваться вашим фильмом «Воры и любовники» уже не получится, поэтому телеканал Культура (весьма резонно) предположил, что заинтересованный зритель уж как-нибудь сам найдет в сети ваши пояснения, чай, не гопота какая, а целевая аудитория этого канала.



Уильям Блейк. Великий красный дракон и жена-солнце

Ирина Анатольевна: Уговорили, голубушка. Хотя, ... Там есть ещё о чем поговорить уже в свете недавно происходивших событий. Мой фильм — уже, все таки, двухгодичной давности.

Дамы, обратили внимание, что речь в этом фильме идет о каннибализме? Недаром последнее слово, произнесенное в фильме, — это брошенное Джорджиной: «Каннибал». И оно прозвучало не столько в прямом, сколько в переносном смысле. А сама картина, довольно таки давняя, 1989 года, но тема каннибализма уже витала в воздухе, хотя вокруг, казалось бы, «ничто не предвещало». Чуткий художник раньше всех уловил, даже учуял повеявшие миазмы нравственного разложения.

Помните, как стали появляться странные сюжеты про Ганнибалла Лектора, вампиров? Началась ползучая эстетизация этого явления — паразитирования, когда человек уже воспринимался как кусок биомассы, как некое сырье, которое подлежит употреблению...

Аделаида: Ирина Анатольевна, вы говорите о чудовищных вещах. Как можно с таким жить? Как можно, просто, до такого додуматься?...

Анна: Аделаида, прекрасно понимаю ваше возмущение и неизбежно с ним солидаризируюсь. Осознавая весь ужас подобного поведения, вы и мы, и множество других людей не в состоянии сделать очень многие вещи в жизни потому, что не терпим, не признаем подобного «людоедства».

Ирина Анатольевна: Да, именно. Но нужно заметить и следующее, что человек проявляет себя (собственную человечность) тогда, когда не позволяет при себе «жрать» другого. Ведь все человеческие качества такие, как интеллект, культура, любовь к ближнему, чувство справедливости должны проявляться, как раз, в этот момент, иначе, какой же он человек. В противном случае, если просто промолчать, делая вид, что не видит, не знает о происходящем, то говорить о наличии подобных качеств не приходится, и сложно в глазах окружающих претендовать на их обладание. Самоудалившийся в случае «людоедства» другого человека персонаж должен, все же, понимать, что его пассивность эквивалента падению в грязь...

Натали: ...хм, и отмыться от неё, вряд ли, получится. Окружающие они ж обычно так «добры», что забыть не дадут...по себе знаю... в том смысле, что обладаю хорошей памятью на предмет чужих грехопадений.

Анна: К сожалению, те тенденции, которые уловил в своем фильме Питер Гринуэй получили чудовищное развитие. И оно таково, что эвтаназия, шоу по добровольному изъятию и совместному поеданию человеческой плоти в малых европейских странах «бледно выглядят» на фоне законопроектов, вносимых в российскую Думу.

Посмертное согласие

Минздрав предлагает по умолчанию записывать в доноры органов всех россиян

Аделаида: А?! ... Действительно, пахнуло серой...

Анна: Апокалиптично, я бы сказала...

Ирина Анатольевна: Пока сменим сюжет. Обратимся к фильму «Контракт рисовальщика» 1983 года. Стремление экономить трудозатраты свойственно не только Натали, поэтому тоже обращусь к Вики.



Уильям Блэйк. Большой красный дракон и жена, облеченная в солнце

Стилю фильмов Гринуэя свойственна тщательная проработка каждого кадра. Гринуэй превращает фильмы в потоки прекрасных картин, и за подобной эстетикой сюжет и проблематика картин теряют свою доминирующую роль. Но это всё же не совсем так. Сюжеты творений Гринуэя и впрямь часто условны, гротескны, нарочито переусложнены. Но при тщательном рассмотрении во всех них обнаруживается большая продуманность. Проблематика фильмов Гринуэя не только чётко выстроена, но и глубока.

«Другой вопрос, что я хочу развивать/разработать такое кино, которое было бы... Ну, как если бы игровой фильм был чем-то вроде эссе. Кино, которое маневрирует/лавирует между концепцией документального и игрового. Между вымыслом и фактами не такая уж и большая разница. И режиссёр может играть на этой территории между ними.

Натали: Кстати, я где-то видела, что о нем говорят, как о стихийном структуралисте. Или вот

Пока герои играют друг с другом и жизнями своих близких, Гринуэй играет со зрителем. «Что такое искусство, как не попытка установить порядок в хаосе?» — говорит он. условный порядок создается на уровне сюжета, на уровне структуры и на уровне изображения.

(Андрей Плахов «Всего тридцать три. Звёзды мировой кинорежиссуры» 1999 Питер Гринуэй. Кино как тотальная художественная форма)

Ирина Анатольевна: В биографии Питера Гринуэя говорится о том, что он серьёзно изучал живопись, отсюда его обвинение общества в визуальной неграмотности.

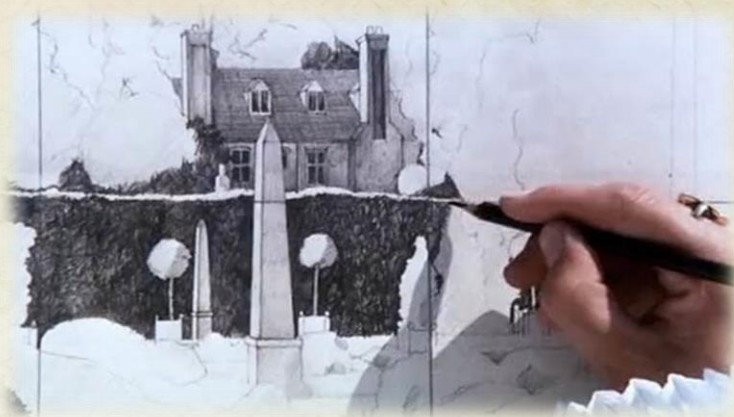


П.Гринуэй «Контракт рисовальщика»

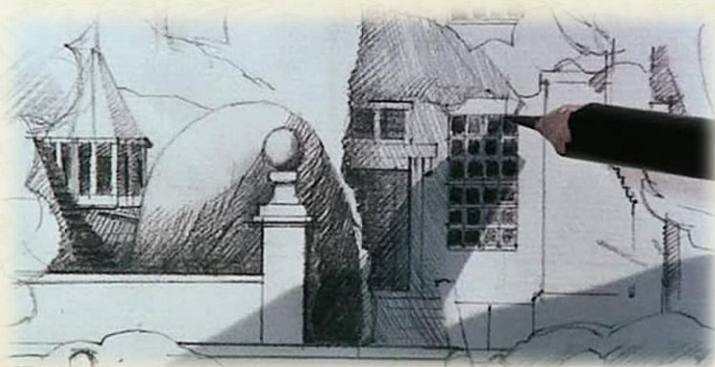
«Да и почему должно быть иначе? Наша культура основана на тексте», — сухо замечает режиссер. И дальше с легкостью доказывает, что зритель действительно не умеет «читать» живопись, поэтому предложить можно любое прочтение — неграмотный зритель поверит чему угодно. Тем более такой чудесной версии, в которой есть все модные сегодняшние темы, от убийства до разврата. «Если у вас есть глаза, это еще не значит, что вы умеете видеть. Видим ли мы то, что видим, или то, что мы хотим видеть?»

Этот тезис проиллюстрирован им самим сюжетом картины, точнее пониманием действительности главным героем фильма. Который будучи художником, точнее рисовальщиком, отображая действительность на рисунках, понимал её неадекватно, что послужило причиной печального для него финала.

Ведь не зря в кадре показаны руки самого Гинуэя, делающего наброски усадьбы. В конце концов, собранные вместе выполненные рисунки, зафиксировавшие улики происшедшего преступления, представляют из себя не столько обвинение истинным убийцам, сколько делают его самого объектом шантажа.



рука П. Гинуэя



События начинают разворачиваться в Англии во времена Вильгельма Оранского (Вильяма III), а именно в 1694 году. Известный молодой художник Нэвилл одобряет предложение миссис Херберт. Ему предстоит нарисовать двенадцать картин пейзажей дома и его окрестностей, который принадлежит вышеозначенной миссис.

Знатная дама заключила контракт с самоуверенным молодым художником: он исполняет 12 рисунков загородного дома её мужа, она удовлетворяет его сексуальные потребности. На деле никто не собирался льстить таланту Нэвилла, сам того не замечая, он был втянут в сеть опасных интриг. Его детальные до мелочей рисунки превращаются в улики готовящихся или уже совершённых преступлений. Искусное выполнение договора становится для художника причиной смерти. Английское слово «draughtsman» — «рисовальщик» имеет множество других значений, позволяющих играть смыслами: сквозняк, глоток, закидывание невода, улов, доза лекарств, игра в шашки. Так же как и «contract» — брачный договор и в то же время торговая сделка, допускает множество интерпретаций.

(с) [Станислав Никулин](#)

Обратите внимание, насколько был самоуверен этот модный художник. Соглашаясь выполнить заказ хозяйки усадьбы, он включает в контракт... одинаково шокирующее и неприличное условие. Помимо платы он от хозяйки имения, светской дамы, принадлежащей к высшему обществу, требует оказывать ему... *особые милости*. Он считает, что известен, удачлив и завоевал себе место в обществе, поэтому с наглостью выскочки готов унижать женщин недостижимого ранее для него сословия, раз им так *понадобились* его услуги.



Знаете, как легко можно выделить *выскачку*, т.е. человека, *перескочившего* сословные различия в первом поколении? На русском есть презрительное определение «из грязи — в князи», но вовсе не потому, что все, кроме князей, считаются грязью, это как раз и есть внутреннее понимание ситуации подлинного *выскачки*.

Вот делит тот же Маркс человеческое общество на классы, а мы, в свою очередь, знаем примеры строго кастовых обществ... И у любого человека, к какой бы «социальной группе» он не принадлежал, — одинаковые представления о добре и зле, нравственном и безнравственном. Но только не у *выскачек*, лезущих из самой грязи — *прямоком* в князи (зачастую весьма удачно внешне копируя манеры, привычки, пристрастия князей). У этих сносит крышу от внезапного «величия», они считают, что раз перескочили через сословные различия, то им и «море по колено», что им теперь все можно. Слышали, наверно, как очередной

выскачка говорит: «Я могу себе это позволить!»

Вот и наш художник наслаждается положением на пике известности, заставляет себя *ум-молять*. Для него искусство — это всего лишь способ проникнуть в запретные для него когда-то гостиные, чтобы навсегда там закрепиться.

Зачем он вносит такое условие? Конечно, чтобы придать себе определенный вес... хотя ведь знает, что его в любой момент

могут спросить: «Голубчик, а кем вы себя возомнили?»

Его буквально распирает от гордости! Ведь его рисунки *чужих* поместий пользуются такой известностью, что желание обладать ими — превыше гордости, чести, правил приличия... Однако все имеет и обратную сторону! В этом желании обладать «настоящей» светской дамой — какая-то ущербная месть за свое прошлое, плебейское происхождение. Да, рисовальщик (а он назван Гринузем именно так, а не более привычным нам словом «художник») будто говорит этим пунктом контракта заказнице: «Вам так хочется *иметь* мои бесподобные рисунки? Тогда я буду *иметь* тебя!»

Он не совсем понимает, что этим пунктом дает понять, как *сам* относится в глубине души к своему «искусству». Он не уважает тех, кому может понравиться такое. Как рисовальщик он лучше знает цену своим произведениям. На первый взгляд, кажется, будто он переоценивает свои рисунки. Но уж когда мы видим безобразную сцену рвоты хозяйки дома, *выскачившую* от своего щедро оплаченного «гостя» явно после оказания отвратительных и унижительных *особых услуг*, — мы понимаем, *что* именно по-настоящему веселит рисовальщика в происходящем... О! Он-то

хорошо понимает, что его зарисовки — это не высокое искусство, возможно, действительно достойное таких жертв.

Впрочем, настоящее искусство должно возвышать, давать волю чувствам и полету фантазии, а не унижать, не опускать до той грязи, из которой вылупился очередной выскочка. Дотошное перечисление в контракте поминутно и покадрово, — когда там придет к мистеру Нэвиллу «вдохновение», какие-то механические штучки и металлические рамочки из арсенала рисовальщика — будто препарирую на наших глазах невесомое чудо человеческого творчества. Все намеренно механизировано, поставлено на поток... вдохновение уничтожено, а вместо него — штамповка.



Это слово «иметь» — главное в той коллизии! Оно не только раскрывает некие «родимые пятна» в прошлом самого рисовальщика, то, что многие на его тернистом пути к светским салонам — *имели* его самого. Поэтому и он так пользуется пользуется возникшей зависимостью. Возможно, он и сам уже не видит иного развития отношений между человеком, который может что-то дать — и каким-то просителем. Раз пришел просить — значит, тебя будут иметь, иначе нет никакого резона выполнить просьбу.



Он и держится подчеркнуто высокомерно, замкнуто... Как бы он не хорохорился, а он по-настоящему чужд этому кругу, которому хочет принадлежать, даже считает себя принадлежащим... но всякий раз обнаруживает себя вне этого круга. То есть в контракт он вносит условие, легкомысленное и циничное только с виду, но за ним стоит вся его жизнь. Конечно, он надеется на то, что дама в возрасте может проникнуться к нему страстью. Всякий мужчина (вне сословий и социальных групп) не просто надеется, но абсолютно уверен в этом! А это означает... что он при таком условии еще даже рассчитывает закрепиться в этом обществе. Многие ведь мужчины делают карьеру таким образом, а рисовальщику не привыкать.



Он даже не хочет задуматься, а из чего вдруг возникла такая зависимость, такое навязчивое желание получить рисунки модного рисовальщика. Сам он наивно полагает, что желание стать обладателем его «творчества» способно подвигнуть кого-либо на подобные

жертвы. То есть от самого этого деланного восторга, от неприкрытой дежурной лести — он вдруг начинает считать себя настолько великим и значимым, что уже воспринимает вполне *естественной* столь острую необходимость в «себе любимом». Пагубное самомнение... Говорю же, сносит крышу!

Аделаида: Ой, да... Действительно, что ж он так сглупил?...



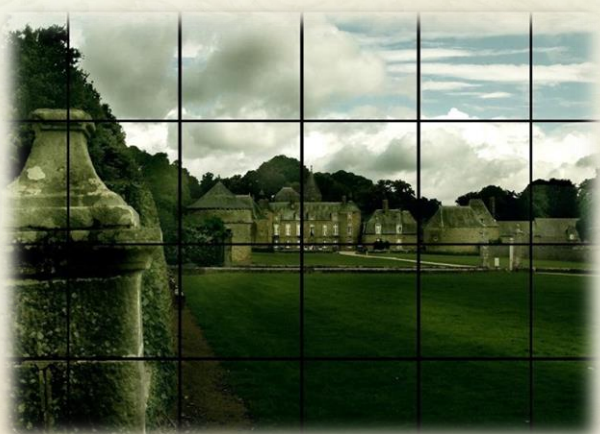
Анна: Чему вы, милочка, удивляетесь? Типичная мужская ошибка. Для мужской мифологии характерен сюжет о бескорыстной любви принцессы к садовнику ...

Натали: ...вот просто так ни с того, ни с чего, взяла и снизошла до «чумазого». Бедному садовнику даже напрягаться не пришлось, не то, что бедной Золушке, зарабатывавшей своё счастье...

Аделаида: Мужчины так легко ведутся на подобное, чем несложно воспользоваться...



Ирина Анатольевна: Да и тут был разыгран подобный сюжет. Знатные дамы использовали его для своих целей. Мимо раздутого самомнением рисовальщика незаметной проходит деталь, что же на самом деле хотят *иметь* дамы. У бедного выскочки одна мысль! Они хотят *иметь* его рисунки! Да, большего им, конечно, и желать не приходится, всю жизнь они мечтали *иметь* только их. Упасть и рыдать.



Его приезд в имение — значимый повод для сплетен в весьма ограниченном обществе, где можно судачить лишь друг о друге. Нет ни Интернета, нет газет, хотя бы уровне конца XVII века, информационный голод. Образчики того, как в этом обществе «делают новости», — мы видим в самом начале фильма.

Смешной пафосный рисовальщик вначале нужен дамам для того, чтобы списать на него убийство хозяина усадьбы. А уж дальше, как повезет! Возможно, вначале он был нужен им просто для алиби. Но то, что так умоляют приехать в имение, явно задумав убийство хозяина-мужа-отца... очевидно всем зрителям, кроме самого рисовальщика. Для зрителей там вопрос в том, *как* же в очередной раз будут *иметь* «работника искусства» милые дамы. Вдобавок согласившиеся, что рисовальщик будет *иметь* маму тогда, когда ему захочется и так, как ему вздумается. И мы видим, что жена хозяина имения, нечто вроде местной владицы — честно отрабатывает этот пункт контракта.



А ведь он постоянно рисует то, что всем вокруг него так хочется *иметь*! Овцы бегают прямо по *имению* не случайно, у Гринюэя даже статуи в виде голых мужчин задаром не бегают. По овцам мы сразу понимаем, что это время «огораживания», когда владение землей, *имением* — означает владение всем миром.

Мы видим семью: немолодую хозяйку дома, находящуюся «в контрах» с мужем, владельцем имения. Огромный земельный надел может быть унаследован лишь по мужской линии. Это так



называемый майорат. С одной стороны, все вроде бы несправедливо, но в этом заложен практический смысл! Иметь такое имение может лишь мужчина... которого хорошо будет иметь огромный земельный надел.

Это имение муж хозяйки, открыто пренебрегающий ею, позволяющий разные выходы в ее отношении — получил во владение от ее матери. Хозяйка дома происходит из семьи, где оказался всего один родственник по мужской линии — мальчик, за которым ухаживает толпа лакеев. Но сколько к нему воспитателей не приставь, а быстрее он не вырастет.



Супруги все хуже ладят между собой, весь небольшой «свет» в курсе их разногласий. Итак, наследовать земельную собственность мог только представитель мужского пола, а в их семье единственный ребенок — дочь. Она замужем, но детей у нее нет, ее муж оказался бесплодным, то есть человеком, который не может унаследовать имение, нет детей — нет будущего, нет и права наследования.



И к рисовальщику вальяжно подходит племянник мужа хозяйки, намекая, что именно его сын станет владельцем этого куска Вселенной. Вот где бы побороться за права женщин всем желающим! Имение тещи стало поводом для издевательств над ее дочерью и внучкой — со стороны ее выскочки-зятя. А его выскочка-племянник, живущий в имении приживалом — уже присматривается к нему по-хозяйски. Настоящих законных хозяек имения никто и в грош не ставит! Но в результате мы видим, что женщины прекрасно восстанавливают свои права и без «борцов» со стороны, все становятся пазлами в их тонких расчетах или... чудесным образом преображаются в прекрасные плоды Персефоны, которой всегда скучно до весны...



Лучше не освещать эту тему, а то одноклеточные понимают все слишком буквально, стараясь все опопшлить. Вернемся к коллизии Гринуэя! Итак, все слетелись в имение, предвкушая добычу. Хозяин имения... держится с той же долей развязности... что и выскочка-

рисовальщик, полагающий, будто «большой съезд» устроен ради его «высокого искусства».

Все заняты мыслью, как же используют в этом тщательно выстроенном сюжете самого рисовальщика, который на каждой из картин подмечает некие признаки и детали преступления. Но... кроме него, всем понятно, что ему, как и хозяину имения, — из сложившейся ситуации не выпутаться живым. А не стоило подписывать такие контракты! Тем более... аж с двумя женщинами, даже не с одной!

Наслаждаясь известностью, он не понимает, что окружающие его ни во что не ставят, а его известность... *имеют* по прямому назначению. Рисовальщик думает, что он использует окружающих и женщин, включив в контракт чудовищные условия/требования. А на самом деле просто не понимает сути интриги, которая направлена на укрепление собственного положения знатных дам, основанного на земельной собственности. В фильме показано много разовое использование рисовальщика.



Он полагает, что он попирает этот мир, а на самом деле этот мир использует его и выбрасывает после того, как стал не нужен.

«Бедный Йорик» придает слишком большое значение той деятельности, которой он занимается, и тому положению, которое, как кажется ему, он занимает в обществе. Не замечает того, что он, всего лишь, дорогостоящая услуга людей из высшего общества, вынужденных в сложные моменты своей жизни

терпеть выскочку возле себя. Но, как только наступает «момент истины» они тут же демонстрируют ему... его действительное положение, не преминув унижить его и в той области, где он полагал себя компетентным. В эпизоде с гранатами ему поясняют, что он не знает значение этого символа.



Миссис Герберт. Гранат, мистер Нэвилл, — дар Гадеса Персефоне. (Она забирает плод, смотрит на него.)

Мистер Нэвилл. Мадам, мои знания не столь глубоки.

Миссис Герберт (приподнимаясь, чтобы лучше его видеть). Странно, что вы, мистер Нэвилл, признаетесь в незнании предмета, который раньше — уж вы постарались бы нас в этом уверить — составлял неотъемлемую часть лексикона художника.

Мистер Нэвилл. Вероятно, мадам, мне страшно признать непреднамеренную аллюзию.

Миссис Герберт (разглядывая гранат). Плутон заставил Персефону съесть плод граната и тем самым удержал ее в царстве мертвых. (Протягивает ему гранат, он поглаживает его кончиками пальцев.)

Мистер Нэвилл. О, какой символический плод, миссис Герберт.

Миссис Герберт. Вы привезли мне три штуки.

Мистер Нэвилл. Это все, мадам, что смог уделить мне мистер Клэнси.

Миссис Герберт. Быть может, этот мистер Клэнси — мастер придумывать аллюзии.

Мистер Нэвилл (приподнимаясь на локте). Что, что, мадам, вы знакомы с ним?

Нэвилл опирается на локти, миссис Герберт держит перед ним гранат; на заднем плане можно узнать помещение, в котором паясничали Пуленки: картины на стенах, апельсиновые деревья в кадках, слева окно...

Миссис Герберт. Съев плод граната, мистер Нэвилл, Персефона была принуждена проводить часть года в подземном царстве — и все это время, мистер Пор-ринджер подтвердит, мать Персефоны, богиня полей и садов, пребывала в тоске, горевала... Она гневается и отказывается, упрямо отказывается одаривать землю плодородием. Ну а мой мистер Порринджер и ваш мистер Клэнси очень стараются противостоять власти граната, строя подобные сооружения, вы не согласны? Но построив и оборудовав их, усердно работая, что же выращивают люди? Подумать только: гранаты. И круг замыкается.

Мистер Нэвилл. Весьма поучительная история для садовников, миссис Герберт.

Миссис Герберт. А также для матерей, имеющих дочерей, мистер Нэвилл.

Мистер Нэвилл. Но, может быть, мадам ... (Он откидывается назад.) ...гранаты, выращенные в Англии, лишены такого зловещего аллегорического смысла.

В глубине открывается дверь, входит миссис Тэлманн и захлопывает ее за собой со стуком. Удивленный Нэвилл рывком поднимается, пытаясь застегнуть штаны.

Миссис Тэлманн. ...Тепличные растения, по утверждению мистера Порринджера, плохо плодоносят.

Мистер Нэвилл (украдкой поправляя костюм). Достаточно хорошо, мадам, чтобы породить подходящие аллюзии... если не потомство.

Миссис Герберт расстилает на краю постели тряпку и разрезает ножом гранат надвое.



Курбе Гюстав «Гранаты»

Миссис Герберт. Но это еще не все...

Мистер Нэвилл. Не все, мадам?

Миссис Герберт (глядя на него).

Мистер Нэвилл, нам хорошо известно, что вы любите причудливые образы. Сок граната можно принять за... кровь... (Разрезав плод, она берет в каждую ладонь по половинке и сжимает их. Сок течет на тряпку.) ...в особенности за кровь родовых мук — и убийства.

Мистер Нэвилл. Тогда, при ваших познаниях в ботанике, вы, наверное, усмотрели жестокую предопределенность в том, что меня уговорили привезти вам именно этот плод.

Главный герой фильма, мистер Нэвилл — всего лишь, амбициозный ремесленник. Достигнув определенных высот в своем умении, он полагает, что стал ровней знати, обладающей властью и ресурсами. Кстати, обратили внимание, что в его работе отсутствует воображение, он только непосредственно копирует?

А полученные им ресурсы — это плата за то, в конечном счете, развлечение, которое он может предоставить окружающим. У него нет подлинной власти над ними. Власть дает лишь служение — это следующий уровень, до которого он не поднялся, и подняться ему не дано. Только через

служение можно достичь высот понимания этого мира, которыми и можно поразить окружающих, тем самым повлияв на них и окружающий мир. То есть рисовальщик не выполняет глобальных истинных задач искусства...

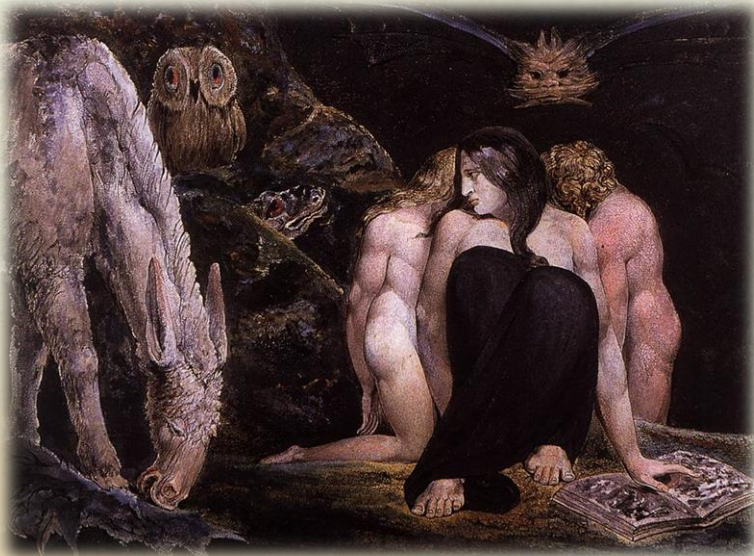
Анна: Хм, как интересно складывается паззлы этих двух фильмов. Как они многозначительно «накладываются» на наши нынешние реалии...

Аделаида: О чем это вы, дорогая моя? Кто у нас «непонятливый художник», кто «жертва каннибализма»?

Натали: Милочка, вот что значит правильно поставленный вопрос! Сразу вырисовывается структура ответа и «основные действующие лица». Что у нас последнее время наслуху настолько, что уже и надоело и вызывает желание забыть, но жертва, жертва... Все что есть в нас человеческого не дает успокоиться...

Ирина Анатольевна: Соглашусь с вами, милые дамы. Действительно, почему канал Культура показывает Гринуэя только сейчас, только один фильм и без комментария? Похоже, там тоже только ремесленники, не умеющие осмысливать действительность с высот подлинного искусства, они просто ничего не поняли. Дав в эфире только один фильм и сейчас, они продемонстрировали собственную интеллектуальную и нравственную беспомощность.

Оставим им нерастолкованной одну детальку — бегущего голого мужичка, которого во всех рецензиях на фильм называют чуть ли не символом «естественности» и «органичности». Ну и что, что некоторым органичнее без штанов? Другим, как видим, намного органичнее и естественнее быть при замечательном имении, *отымеv* всех встречаемых. Да там родственников и любовников убивают с куда большей естественностью, чем этот голый «статуй» чешет себе гениталии. Вот пусть на канале Культура растолкуют нам скрытые смыслы Питера Гринуэя.



Геката (Уильям Блейк, 1795)

... После вопросов Аделаиды уже сложно усомниться в том, что показать фильм «Повар, вор, его жена и ее любовник» на канале Культура должны были (последний срок) в августе. Тема каннибализма носилась в воздухе. То, что происходит с Дмитриченко, разве это не каннибализм?

И, вот уж простите мне этот пафос, ужасает в диалоге «фейсбучных друзей», прежде всего, даже не человеческое равнодушие (хотя, и оно тоже), а убогость нравственного и интеллектуального развития людей, претендующих на какие-то позиции в искусстве. Их коллегу жрут прямо при них, обсасывая косточки — , а они заняли позицию стороннего наблюдателя...

Натали: Да, да... И отговориться незнанием, вряд ли получится. До них и само видение ситуации, и оценка были донесены ... непосредственно, но они остались пребывать в стороне, продолжая безосновательно мечтать о величии. К чему это ведет, можно усмотреть и из приведенного фб-шного обсуждения. Дальше физиологических чувств их осмысление не продвинулось. То ли такая деградация, то ли изначально нечему было развиваться...

Ирина Анатольевна: Проблема в том, что многие не понимают искусства, его смысла и назначения, а просто кормятся при нем. Даже не снизошли до проявления обычной и такой естественной человеческой жалости... Но тут все ясно. Поговорим о других, проявляющих жалость, но ...слишком поздно, что эквивалентно понятию «не вовремя».



Солист балета Большого театра Павел Дмитриченко. Фото сцены из балета «Иван Грозный»

Ведь, если позволили публично уничтожить жизнь человека, то теперь зачем подписывать какие-то петиции. То что происходило с Дмитриченко с намеренной ничем не оправданной жестокостью, как раз и весьма красноречиво, говорило, что идет заказное преследование. Помните этот 19-часовой допрос, круги под глазами? Почему не выпустили не совершившего ничего артиста до суда? Ведь именно этого следовало добиваться в условиях нынешних судебных реалий.

Такой сценарий развития событий мог позволить рассчитывать на положительный исход дела. И кто не знал и не знает о настоящей практике современного судебного производства, когда маловероятно оправдание, сидящего в тюрьме обвиняемого? Вот когда и в чем следовало проявлять свою гражданскую позицию.

Тем более, что красноречивый прецедент был перед глазами. [Дело А.Рябова](#) было ещё так свежо. И вот сравнивая эти две ситуации, так очевидна преданность и верность учеников одного и равнодушие и трусость коллег другого. В случае с педагогом было сделано все, чтобы освободить человека из тюрьмы во время следствия. Была оказана мощная общественная поддержка, собраны деньги, привлечены авторитеты известных людей. А здесь? ...

История с одиозным адвокатом Виолеттой Волковой, про которую всем все давно было ясно по её предыдущим процессам? Почему не было выступлений протии адвоката? История с оплатой более чем мутная. Обсуждаемая особа была уже скандально скомпрометировано своим поведением в процессе с Пусси. Её репутация однозначно подмочена. Просто, поражаешься всему происходящему. Такой отход от элементарных норм культуры и собственного я...

Натали: Ирина Анатольевна, позвольте и мне повозмущаться. Сложно не заметить, что в момент, когда особенно остро требовалась поддержка коллег, поклонников, творческой среды, общественности, в конце концов, произошла весьма странная вещь. Вас и коллектив ваших авторов, действия которых и были (как говорит наш президент) «эффективными» стали шельмовать и очернять весьма странные персоны, появившиеся ниоткуда и «на ровном месте», наивно полагая, что можно присвоить чужие результаты (раз все уже сделано, как им казалось), не понимая что и как дальше делать...

Аделаида: А в итоге?...

Анна: А в итоге имеем, что имеем. «Каннибализм на марше» и «утраченные иллюзии»...

Ирина Анатольевна: Дамы, немного отвлеклись. Продолжим. Непонимание целей и задач искусства выливается в то, что сказать человеку нечего. Дошло до того, что уже (внимание!) обвиняют недовольство людей. Видите ли, недовольство могут проявлять только избранные. Какая-то Лоллита проявляет недовольство про ЖКХ...

Натали: ...зная о нем исключительно только по вашим статьям, Ирина Анатольевна, и то дурно.

Ирина Анатольевна: Да, спасибо. А, собственно, с какой стати? Мальчики девочки, Света из Иванова, звезды... Кто это такие?

Аделаида: Кого *делают* звездами? Вернее, кого имеем мы в качестве звезд? Даже в этом появляется каннибализм. Берется чужое и пользуются. Плагиатор ловится на том, а как оно потом «взлетает или нет»...



Уильям Блейк (1757–1827). Жалость. Около 1795.

Анна: А я сейчас понимаю, что за приватизацию и развал экономики — несут ответственность писатели и художники с *официальной известностью*. Даже если они не принимали непосредственного решения, но кормились-то они на эти деньги. Неужели не понимают? Смотрю, как Д. Быков участвует во всех кампаниях, куда ни позовут. Как рисовальщик Гринуэя. Он же опошляет любую мысль, а решить задачу не может, свое предложить не может, но место занимает.

Аделаида: Поэтому литература не решает насущных проблем, а только кормит Дмитрия Быкова, который в свою очередь лишь решает задачи уголовного прикрытия.

Натали: Но, все равно, за все будет спрошено. Вопросы справедливости вечны и незыблемы, и постановка их неизбежна, ведь, все опошлено, но ничего не создано.

Ирина Анатольевна: Но тема этим не исчерпывается. Сами понимаете, голубушки, затронув литературную тему, одним Димой Быковым не ограничишься. В качестве фейсбушных «друзей» у меня нарисовались и некие переводчики. В связи с этим сразу поминаешь отсутствие переводов качественной литературы, ...да того же Гринуэя. Он ведь блестящий эссеист, который писал сначала книги, а потом снимал фильмы, такая почти «стереоподача» материала им практиковалась. Все это, как вы уже поняли, важно было получить вовремя. Вот, если бы сначала был прочитан текст, а потом смотрелся бы фильм, с пониманием. И зритель бы уже не маялся, как мы, о чем же фильм.

И после стольких лет создаваемого искусственно «информационного литературного голода» в ленте Фейсбука нарываешься на такое.

Сергей Артемов

• *Согласен полностью!*

«Анна Козырева»

про «сокровища» и Пауло Коэльо. Вот мне все время со всех сторон говорили, какой замечательный автор Коэльо и какие интеллектуальные книжки он пишет. И я даже купила «алхимика». Начала чтение. Помните, там герой ищет «сокровище». И вот я, дура, стала думать, что Коэльо считает «сокровищем»? Может, истинную дружбу, преданность, любовь? А этот хрен сокровищем считает именно сокровище, в смысле бабла. Не фига себе «властитель дум»? хотя для нашего времени, вероятно, то, что надо! Короче, Коэльо больше не предлагать!. Лучшие вечером детективчик почитать. Старую и добрую книжонку Агаты Кристи, Гарднера...»



Уильям Блейк. Призрак ничтожества 1820

Max Nemtsov Это в какой вселенной он «интеллектуальные» книжки пишет, интересно?

Сергей Артемов Да ни в какой конечно:))

Max Nemtsov так и с кем тогда девушка разговаривает? со сферической проекцией?

Сергей Артемов Макс, она со Стеной общается:))

Степан Соломенников Мне хватило увидеть одно интервью автора по ТВ, чтобы навсегда потерять всякий интерес к плодам его мыслительной деятельности.

Ирина Дедюхова Да, но ведь Коэльо у нас подавался намеренно тенденциозно — чтобы заткнуть рот своим, чтобы не дать возможности обсудить свое, кровное. Литература — это полигон для нравственного выбора. А никто из прошедших становление в русле «партийности в литературе» не смог предложить ничего своего. Но и нового намеренно не пустили. Странно слышать это все от переводчиков, которые хорошо погрели ручонки на Коэльо, на всей переводной чухне, включая разнообразных мураками.

Впервые нация за всю историю была лишена даже капли сострадания в общественном изломе. И тут шли чисто нравственные выводы! А где их делать-то? На той макулатуре, которую переводили машинками-Зингер, чтоб здесь рот заткнуть хотя бы мне? Ладно! Сделали! Прокормились! Так теперь не фыркать надо про ту срань, которую выставили вместо русской литературы, а осознать, что предали профессию, что вообще-то есть — за что ответить! Не просто посмеиваться над идиотами, которым нечего читать, кроме Коэльо. Ответить за то, что у многих поколений — воспитали отвращение к книге. И все ведь не бесплатно, все под соусом «мне вить тоже жить надо»! А сейчас нечего рыло воротить! Коэльо вас кормил, так встали на четвереньки и отсосали! Переводчики — не те, кто может плевать на Коэльо! Они должны ему задницу лизать!

Сергей Артемов Ирина, чей-то вы разбушевались? Мало ли что и кого переводят переводчики. И ручонки на переводной литературе греют издательства, а переводчики копейки с этого имеют. Самый легкий подход — это сделать из переводчиков — стрелочников. Легче не бывает. Мнение дилетантов в этой области не надо здесь высказывать.

Ирина Дедюхова Так и знала, что опять начнется песня про свою копеечку. Типа копеечка маленькая и все такое. Но, Сергей, до тех пор, пока переводите всякое барахло (ОТЛИЧНО ПОНИМАЯ, ЧТО ДЕЛАЕТЕ ЭТО В НАШИХ УСЛОВИЯХ ВЗАМЕН, А НЕ В ДОПОЛНЕНИЕ)

и молчите, так ведь никто не «бушует». Все всё понимают. Что вам свою копеечку хочется, не вами это заведено и т.д.

Но при этом фыркать, что перевели дурака-Коэльо, а еще большие дураки такое читают... это уже чревато. Вы не нарушайте конвенции! Хотя бы молчите, потому что спрос-то будет с вас, а не с издательств! Так вот стоит вам открыть рот по поводу того ээ, которое вы все это время переводили (затыкая рот тому, что в тот момент было нужно людям на самом деле) — с вас не я, а кое-что за мной сразу спросит за уничтожение доверия к книге на русском.

И пока я говорю, у вас есть возможность подумать и что-то исправить. Я могу замолчать и отойти в сторону. И тогда разговорчики с вами закончатся. Этого не понимают многие, не только переводчики! Они считают, что стоит меня заткнуть, дела с копеечкой пойдут в гору, а у них исчезнут... всякие неприятные ощущения, нечто вроде чесотки... Но эти ощущения проходят вместе с исчезновением того, для чего книги пишутся. И если вы это понимали, то понимаете, что за СРАНУЮ КОПЕЕЧКУ, подешевке — поучаствовали в том, в чем участвовать не следовало.



Уильям Блейк. Адам перед судом Бога

Сергей Артемов Ирина, за» сраную копеечку» — «спасибо».

Сергей Артемов А теперь отдыхайте.

Елена Тарасова Вот любят Вас, Сергей, подобные персонажи

Сергей Артемов И не говорите! Самое главное, мадам даже САБЖ не удосужилась толком прочитать. И что смешно, я к Коэльо никоим боком не имею дело. И постулат — В гибели русской литературы виноват переводчик. Во, как!

Елена Тарасова А чего зафрендили? Опять по доброте душевной? Ведь у нее на странице в каждом посте кто-нибудь во всем виноват

Ирина Дедюхова Елена Тарасова, я не «персонаж», во всяком случае, точно не ваш. Скорее, это вы — мои персонажи весьма отдаленного плана. И Коэльо вам тут в не в помощь. Вот сейчас понимаю, отчего это моя основная «писательская» история — была именно с переводчиком. Он сейчас, кстати, редактор «Иностранной литературы». Будучи редактором издательства РОСМЭН (поднявшегося на публикации замечательной сказки про Гарри Поттера), он по желанию издательства вступил со мной в деловые переговоры по приобретению моего романа. И тут у него возникла мысль, которая лучше всего характеризует все страдания о своей копеечке. Именно то, что пришло ему в голову, и характеризует «труд переводчика» намного лучше, именно он сделал вашу копеечку СРАНОЙ. Он надергал постов в Интернете, составил нечто вроде компилятивного «эпистолярного» романа по принципу «папа режет, мама клеит», видя, с чем выигрывал Букеры Миса Сыскин. И заключил договор... не со мной, а с собственной женой. Свой роман он назвал «Валторна Шилклопера».

Историей с этим «романом» он замечательно продемонстрировал, каким образом издательства пропихивают в короткий список чухню, намного более дикую, чем Коэльо. И потом его обман раскрылся, хотя он он до упора делал вид, будто дрянь, выставленная им

на конкурс — это типа роман «анонимного автора», усиленно подмигивая в мою сторону. Ага, а я еще и была вынуждена оправдываться, что я — не это дерьмо, не говоря о Коэлье. Потом он вылетает из издательства, окончательно возвращается в лоно переводчиков, а что после этого было с издательством... сами там найдете и почитаете. Поэтому сваливать все на издательства после этой замечательной истории — не получится. Она уже есть! Вне зависимости, знаете вы ее или нет! Она отрезает вам путь изображения себя-любимых в качестве безгласных наймитов издательств.

Ирина Дедюхова *Кстати, жена у него закончила сельхозакадемию, что-то там по тракторам и механизации сельского хозяйства. А папаша у нее был танкистом. Естественно, я оборжала эту «переводную историю», разобрал этот «роман» трактористки, а он был о своей копеечке, как ему в совке квартиру не давали, а вот тесть-танкист решил его жилищные проблемы... Короче, история совершенно замечательная! Вся подноготина про переводчиков*

Сергей Артемов *Фантомас разбушевался. Отправил в «баню».*

Анна: Да, типичный столичный снобизм.

Аделаида: Или чистоплюйство, как вы, Ирина Анатольевна, теперь это явление называете.

Ирина Анатольевна: Да, дорогие мои, ведь что обидно. В фильме «Повар, вор, его жена и её любовник» Питер Гринуэй после серьезной и глубокой работы и поисков схватил нерв темы каннибализма и мелких паразитов. Схватил вовремя...

Переводчики же знают, что пользуется популярностью в других странах, знают, каков там литературный процесс, но переводят не самые злободневные вещи

Это чудовищно, что для нас столько лет актуальны фильмы Питера Гринуэя.

Аделаида: Действительно, как вспомню наплыв дамских романов. Жуткие лотошники и безумные ларьки, затаренные этой макулатурой. Сколько усилий и материальных средств было затрачено на производство этого кошмара...

Ирина Анатольевна: Что-то хорошее, поднимающее планку духовного развития намеренно не дается, а специально преподносится жуткая жвачка, потому что они в чем-то уже людоеды.

Конечно же, в сложное время надо на чем-то отдыхать, но отдыхать надо на том, что не нагадит в душу. Отдыхать надо на вещах, где мужчин и женщин учат относиться друг к другу по человечески, а не как к кускам мяса (в лучшем случае, как к объектам сексуального удовлетворения)...

Сначала дешевая бульварная литература, а потом после того, как этим наелись, пошло псевдо-умное, типа Коэлье...

Анна: Помню, что Коэлье издавался тогда дорого, на хорошей бумаге. Выглядело всё очень солидно. Все старались не отстать друг от друга, «приобщиться к мудрости»...

Натали: Кстати, если проанализировать беседу с переводчиками, то бросается в глаза их внутренняя агрессия, обусловленная пониманием собственной неправоты.

Ирина Анатольевна: Да я всегда говорила, как только начинают чтить истоки, так значит идет развал жанра. А в этой среде, как раз, стали поминать былых корифеев. Действительно, дамы, вспомните перевод Ж.Амаду, например, «Донна Флор и два её мужа». Там потрясающая бурлесковость перевода, текст, можно сказать, искрился...

Аделаида: Правда, Ирина Анатольевна, чего они взъелись? Вы вели разговор с позиции интересов читателей.

Ирина Анатольевна: Мужчины за последние лет двадцать промолчали столько раз и по таким поводам, что пришлось сказать женщине. Хотя женщинам предпочтительнее уступить эту

почетную обязанность мужчинам (я вам об этом всегда говорила). Но после того, как это сказала женщина, то мужчинам следовало бы помолчать, чтобы не позориться.

Но я прокомментирую опять первую приведенную фб-шную дискуссию. После фильма »Воры и Любовники» сказать, что ты признаешь талант Гринуэя (потому что понимаешь, что его талант очевидно ясен всем остальным) и понимаешь его фильм, но при этом позволяешь жрать при себе своих коллег по цеху. Не кажется ли вам, дамы, что это уже бессмысленно? Фильм о том, что нельзя предавать людей и всегда надо выразить своё несогласие *вовремя*, подав стакан воды, отмыв от нечистот и помочь как-то обустроить разрушенную жизнь. В фильме униженного человека спасли и приютили.

Временной фактор очень важен в жизни человека. Это особенно остро чувствуют женщины в силу гендерных задач и особенностей (сами понимаете — дети). Поэтому женщине и приходится высказываться.

Но при этом хочется иметь нормальных мужчин в литературе, а не всяких Пелевиных, Сорокиных.

А никто ничерта не высказал... Это ж для многих «химера совести»... Принцип партийности в литературе избавляет от химеры совести... Что в итоге? А? Читают сейчас ведь почти только фэнтези...

Из литературы ушла история...

Помните этот смешной конкурс «Жизнь состоявшихся людей»? Драгунский кого в этом качестве позиционировал? Не припомните? Как после произведений Гринуэя нормальный зритель/читатель охарактеризует этих персонажей? Правильно — это людоеды. И сколько бы не пытались сделать вид, что они нормальные, этого недостаточно, ...они жрать не перестанут.

Олимпийское спокойствие



В феврале, наконец, произошло переосмысление, что же мы такое видели на церемонии открытия Олимпийских игр в Сочи.

Нам были представлены «живые картины» наших разговоров, обсуждений, статей по «кислотной атаке», фильмов Ирины Анатольевны с рассуждениями о русской литературе, ее же роман «Парнасские сестры»... Все было собрано тщательно, до мелочей, без малейшей мысли о том, что вообще-то глупо «палиться» таким образом.

Для меня в этой церемонии была визуально закреплена мысль Ирины Анатольевны, что лучше не рассчитывать, будто нас «никто не читает». К тому же она не раз замечала, что всегда останется для нынешних «идеологов» - неким стандартом, нормой мировоззрения. Уж слишком они тилились доказать ее «ненормальность».

Да, она теперь для многих является обратным стандартом того, как надо относиться к жизни, к людям... Ирина Анатольевна считала, что уголовные мотивации проникают в сознание, навсегда отравляя его, стоит лишь дать ему волю. И первым делом осуществившиеся мечты убивают творческое мышление, если человек достиг желаемого не трудом на благо государства и общества, а «просто взял» или «просто получил». Зачем же ему теперь творческое начало, если он запросто может присвоить чужое, как это сделали сценаристы церемонии открытия Олимпийских игр?

Все, что зрители увидели там, было лишь на наших ресурсах, никто этих тем не поднимал, до представительства страны на Олимпиаде, они были никому неинтересны. Чего лишь стоит сцена из «Лебединого озера», которой заканчивался и роман «Парнасские сестры»? А ведь до этого балет Петра Ильича Чайковского у большинства зрителей увязывался лишь со смертью генеральных секретарей партии.

Для этой церемонии, ставить которую, кстати, были приглашены режиссеры с Украины, обобрали не только Ирину Анатольевну. Прозвучал и вальс Евгения Доги из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь», у которого даже не поинтересовались мнением, хапали, как свое.

Умиляли и балетные звезды, много репетировавшие, готовившиеся к церемонии и, наконец, блеснувшие на открытии Олимпиады в тот момент, пока судили Павла Дмитриченко. А уж эти античные колонны, вставшие на центральной сцене...

Да, все же человеческое мировоззрение, полностью лишенное творческого начала, производит гадкое впечатление. Будто обрубок без рук и ног.

* * *



Натали: Ах, какая девушка не мечтала о первом бале?! Естественно, и меня подобное не обошло (мечтание имеется в виду). Правда, в силу моей рациональности, мечты были более прагматичными...

Поступала я, значит, в институт. А в магазине появилась восхитительная подарочная

коробка шоколадных конфет «Первый бал Наташи Ростовской», стоила по тем временам безумные деньги — 25 руб. Я от такой роскоши обмерла и возмечтала...

Мама в тот момент готова была пообещать мне горы золотые при условии успешного зачисления, поэтому к моменту поступления заныкала требуемую сумму, с судьбою играть не решилась и покупать заранее не стала... Увы! Сказка с легкой дымкой печали. С институтом все было в порядке, а вот такой коробки конфет мне в жизни боле не попадалось...

Поэтому мечта о первом бале Наташи Ростовской осталась со мною...

Ирина Анатольевна: «Мечты сбываются»... Роскошный мем. Главное в это верить...

Натали: Ирина Анатольевна, отчего это вы с утра так суровы? Кто вам испортил настроение? Как посмели?...

Ирина Анатольевна: Душечка, это невыносимо скучно, когда взрослый мужчина не научился вести себя в дамском обществе, хотя вроде как из приличной семьи... Впрочем, нынче все озабочены поисками аристократизма, каких-то документальных доказательств своего безусловно приличного происхождения... Общее поветрие, знаете ли. И поиски приобретают какую-то истеричную, почти скандальную форму.

Казалось бы, чего проще? Прояви чуточку обаяния, деликатности, дамы сами за тебя тут же сочинят тебе какое угодно происхождение — хоть индийского графа, хоть карибского барона. Разве нам жалко? Спасибо, что самим не рожать! Так ведь... какое там! Сажу вот, разочаровываюсь окончательно и бесповоротно.



До последнего момента Константин Эрнст боролся за минуту молчания на стадионе. У каждого зрителя на кресле должен был оказаться пакет с фотографией погибшего на Великой Отечественной войне человека. Это были сорок тысяч людей. С фамилиями и именами, с датой рождения и смерти. Ведущий объявлял минуту молчания, зрители поднимали эти фотографии. Минута молчания на олимпийском стадионе.

МОК не пошел на это. Константину Эрнсту

рассказывали, что если сделать так, то на всех Олимпиадах появятся такие минуты молчания (ближайшая зимняя, в Корее, почтит память погибших на корейско-японской войне), и что МОК вне политических акций, а эти фотографии станут именно такой акцией... Он возражал, говорил, что это же не просто война, что в ней погибли миллионы... Но МОК так и не решился.

Натали: Ой, действительно, как-то неуместно на празднике спорта и мира... Да и к чему подобное напоминание? Можно подумать, он сам только ведь и думает, как увековечить подвиг народа в Великой Отечественной войне. Да и как-то некрасиво получается... сам-то имеет к этому подвигу опосредованное отношение.

Ирина Анатольевна: А я о чем? Пришлось целое утро проводить разъяснительную работу. Когда мужчина не научился себя вести, с ним случаются разного рода казусы, происхождение в них только помеха.



Николай Матвеев Очень хорошая идея

Yury Stroganov ну, на фоне попыток навязать СССР вину за Вторую мировую войну сопротивление МОК понятно. даже если бы МОК разделял желание Эрнста, можно представить гнев вершителей судеб мира.

Yury Stroganov но вот если бы Олимпиада проходила в Израиле, то попытались ли бы там напомнить о Холокосте? и какой была бы реакция Израиля, если бы МОК запретил?

Раковская Анна ничего, ничего! вершат судьбы ,всё-таки, не они!

Ирина Дедюхова Идея-то хорошая, но не по случаю и не ко времени. Какой-то циничный способ навязать свои чувства другим, а это лишь означает, что собственные чувства — фальшивые.



Да там и образы собраны «с миру по нитке». Простите, а что в программах Первого канала могло вызвать/натолкнуть на образный ряд, который был взят Константином Эрнстом? Да ничего! Вообще он-то сам хорошо устроился! Другие, вопреки Первому каналу (не говоря о других и разных светах из Иваново), — тянут образы, которые Эрнст запросто мацает как свое. Можно подумать, что он сам по себе про бал Наташи Ростовой вспомнил, изнутри головы.

Еще и минуты молчания решил устраивать! Тоже кто-то другой напомнил, только не объяснил, что на шашлыках и веселухах их не устраивают. Люди на Олимпиаду собрались, а Эрнст им решил устроить...

Вообще такие за деньги положено не чужие карманы чистить, а своим торговать! Раз Эрнст — значит должен был идти совсем другой визуальный ряд, начать надо было с «давай поженимся» и «пусть



говорят». Нет, они превратили первый канал в отстой чего попало, а после за чужое, поскольку понимают, что видеоряд Первого канала — ни на звезду, ни в Красную армию. Минута молчания!

Ирина Анатольевна: Не подсказешь мне, что в этой небольшой презентации Первого канала — напоминало бы о том, что его руководитель весь такой нравственный и проникновенный? Достаточно посмотреть по [Википедии на его «творческий рост» в Новогодних огоньках на Первом канале.](#)

ПЕРВЫЙ КАНАЛ



ПЕРВЫЙ КАНАЛ



ПЕРВЫЙ КАНАЛ



ПЕРВЫЙ КАНАЛ



Весь перечень свидетельствует, что Константин Эрнст строил свою карьеру на эксплуатации чужих образов, пародировал чужие достижения по принципу гоголевской невесты. В средствах мальчик был не ограничен, потому на бюджетный счет имел возможность удовлетворять любопытство: а что получится, если, например, к песне Земфиры приставить славу и актерский талант Людмилы Гурченко? Да-да, и ее невестребованность на тот момент! В точности, как гоголевская невеста пыталась составить образ идеального жениха мысленно приставляя нос одного — к лицу другого. Но у нее не было возможности визуализировать этот бред.

Это... тоже какой-то сверхэгоцентризм за гранью нормы. Вот как в «Женитьбе» Гоголя собираются женихи из числа трепанных жизненными бурями мужчин, выдавших виды... да и давно вышедших в тираж в качестве женихов (как и сама невеста, конечно) — так и здесь. Я обожаю Людмилу Гурченко, но какая она певица? Она великая актриса, а у самой Земфиры очень гибкий, проникновенный и красивый голос.

Зачем нам было показывать, что вообще-то Гурченко никогда не была певицей? Она и не претендовала! Драматических ролей для нее на Первом канале в тот момент не нашлось, но и на замену Земфире выставлять ее было неприлично. Однако это произошло, потому что Константин Эрнст не был готов к такой должности морально, зачатки чувства меры изменили. Понятно, что он подобное в себе не культивировал. Жизнь удалась, плевать ему, что выставит любимицу многих поколений в неприличном виде.

Сам по себе, без возможностей Первого канала Константин Эрнст был никому неинтересен, ему самому — абсолютно нечего предложить. Как и гоголевская невеста никому неинтересна без приданного.

Но взять и смешать в блендере Гурченко с Земфирой! И что в результате? Да ничего, нового образа не возникло. Он так и не вырос с детских переводных картинок, которые можно клеить в самых неподходящих местах.

Стоит взять исполнение Людмилой Гурченко песни Земфиры «Пожалуйста, не умирай!», сопоставить

ролик Первого канала и авторский ролик Земфиры, и можно сразу же понять — что и откуда в «творческой кухне» Константина Эрнста, поскольку образный видеоряд (весьма дорогостоящий) клипа с Гурченко — стестеснена, заимствованный.

У Земфиры в клипе все лаконично! Но идет ее уникальный образный ряд, будто процеженный

ПЕРВЫЙ КАНАЛ



через ее восприятие. Мы получаем именно то, что ищем — не чье-то заимствованное, не раз пережеванное и полупереваренное, которое Константин нам на потребу вынул из чужого пищевода. Мы получаем неповторимый человеческий взгляд, очень необычный, который может не всем понравиться, но это та уникальность, которую всякий из нас ищет в искусстве.

Здесь возникает атмосфера доверительности: все снималось методом «душа нараспашку» — в надежде, что именно мы оценим и поймем этот живой человеческий нерв, чужое искреннее движение души. Без шикарного выхода примы, вышедшей в тираж, давно не понимающей этого мира.

Если Земфира пытается это мир осмыслить, придать ему чуточку собственной душевности, то у Гурченко получается пародия в духе несколько зажравшегося Константина Эрнста. Гурченко старается из последних сил петь именно для него, он платит, он и заказывает музыку. Все ведь понимают, что мы с радостью довольствовались бы самой Земфирой. Понимает это и Эрнст, поэтому эпизод с Земфирой на Олимпиаде ее поклонники расценили именно... «чот типа извинения, чо ли».

Но... замечу, все эти «творческие эксперименты» абсолютно неуместны в Новогоднюю ночь! Не только эта, а все эти подстановки чужого носа к чужим «старым песням о главном» — не совсем удачно смотрятся именно в Новогоднюю ночь, когда о главном принято говорить своими словами, собственным голосом и со своим носом. И когда этого не происходит, сразу ведь задумываешься, что (или кого?) имеет в виду Эрнст под «главным»? В любом случае понимаешь, что мальчик зарывается и скоро выдохнется.

По той же ссылке Википедии можно посмотреть на состав Новогоднего огонька этого года. Хотя один фрагмент напоминал о том, что Константин Эрнст проникся искренне и беззаветно теми идеями, которые визуализовал в программе Открытия Олимпийских игр в Сочи? Вопрос риторический, поскольку там — список уже несколько лет не меняется, программа составлена по заказу пацанов, которые сняли сауну с девицами, отправив тещу-жену-детей... куда-нибудь в Камбоджу.





За все это время Константин таким же способом к чему только не приставил свой нос! Весь Первый канал огромной страны с неисчерпаемой культурой — работает на приставку носа Константина Эрнста к чужим творческим поискам!

Натали: А за вами он просто шпионит, Ирина Анатольевна!

Ирина Анатольевна: А что в результате? Вот он нашпионил, что я некогда (признаюсь, нарочно и провокационно) одобрительно высказывалась о романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», однако не сказав Костику, что именно не понравилось в нем читателям, в чем именно у Гроссмана просчеты как у писателя, как это надо подавать и как визуализировать, чтобы это всех захватило сегодня, раз оказалось ненужным современникам. Результат внезапного просветления Эрнста... оказался вполне прогнозируемым. В этом случае очень жаль Гроссмана, у него эта книга... больная, искренняя. Он хотел примирить всех... но вряд ли смог с некоторыми вещами примириться сам. Неважно. После Эрнста я больше в руки не возьму его книги, пусть это остается на совести его нынешних хорошо оплаченных почитателей.

Но продолжим, дорогая Натали, исследовать вершину творчества Константина Эрнста. С его творческими методами, в основном, все ясно. Они из разряда «деньги есть — ума не надо!» Но вот хотела поинтересоваться, ты с какой стати меня постоянно досталась воспоминаниями про коробки конфет, юбки из бостона и прочие несущественные мелочи?

Натали: А что, так достала? Я же просто сказала, от души! Просто поделилась с вами воспоминаниями... а вы...

Ирина Анатольевна: Ну, что я? Заметь, воспринимаю все эти обременительные подробности с олимпийским спокойствием! А все почему?

Натали: Почему?

Ирина Анатольевна: Потому что это — изначальная ассоциация, Натали! Это неопровержимое подтверждение твоей искренности, самостоятельности суждений. Когда воруют некий фрагмент чужих мыслей и

чувств, чужой образ — то никогда не могут привести истоки, где зародилась сама мысль! А раз

этого не знают, то не знают, как этот образ должен развиваться, где он органичен, а где... неуместен!

Об этом Ахматова и писала:

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.*

Цветы для поэта — образы! Поэтическую ткань по концентрации образов можно приравнять лишь к музыкальной, поэтому в поисках образов Анна Ахматова с удивлением обнаруживала, что ее образы выросли из всякого «сора» про конфетные коробки, сломанный каблук или дождливый одинокий вечер.

А вот люди, не понимающие, как подобные «мелочи жизни» обретают образное отражение в творчестве, ворующие чужие идеи и образы, — считают «сором» тех, кого обворовывают, их живую человеческую уникальную личность. Но продолжим исследование реакции на эклектику заимствований образного ряда Константина Эрнста.



Сергей Борисов очевидцы из Лондона сообщили, что в трансляции ВВС одна из комментаторов сообщила, что Россия (! не СССР!) проиграла Вторую Мировую войну! так что зря МОК так поступил. западные люди уже не помнят.

Yury Stroganov если посмотреть на парад эсэсовцев в Риге или факельное шествие в Киеве то всякое может в голову придти.

Ирина Дедюхова Не одновременно с Лебединым озером и Балом Наташи Ростовской. Не надо отпираться и врать! Ворованный видеоряд видно сразу. Особенно тем, кого обворовали. Где истоки самых запомнившихся моментов — в видеоряде Первого канала? Их нет! Да и эта ассоциация — после наших публикаций о выходе «Дождя». Поэтому врать не надо, Yury Stroganov. Просто демонстрируете, что понятия не имеете, как легко поймать на ассоциативных связях.

Yury Stroganov Да, особенность псевдоинтеллигенции — оскорблять и унижать.

Наталья Иванова Yury Stroganov и ещё забыли сказать — воровать чужое... А за недостатком интеллекта (в силу наличия просто уголовной

ментальности) так лихо прокалываются на ворованном.

Ирина Дедюхова Да, Yury Stroganov, настоящая интеллигентность, конечно, заключается в том, чтобы предложить за денюжку минуту молчания на Международном празднике спорта, посмотревшись на марши эсэсовцев в Риге. Это, безусловно, никого унижить и оскорбить не может. Всем напротив должно польстить.

Yury Stroganov Н-да, трудно из грязи — в князи. Вылезает лапти.

Наталья Иванова И не говорите. Стиляги — это такая дешевка на фоне «Москва слезам не верит»



Наталья Иванова А уж какого рожна к Стилягам присобачили «физиков и лириков»? Это же не «Девять дней одного года» и даже «Ещё раз про любовь».

Ирина Дедюхова Из «князи в грязи» — тоже ворованное, Yury Stroganov, причем, на днях.

Yury Stroganov все свои комментарии удалил. разговор слепых с глухими бесплоден и бесполезен.

Ирина Дедюхова А зачем было подтираться, Yury Stroganov, раз говорили со слепыми и глухими? Все ведь давно скопировано. Вот видите, как легко проанализировать ваши ассоциативные связи! Сразу бросаешься подтираться! А «ход ваших мыслей» уже скопирован и лучше всего оказывает вашу личную неспособность мыслить. Привыкли со школы шпаргалить и врать! Не понимая... кое-чего. Неважно.

Yury Stroganov боже мой. как человек воспитанный, не могу сказать женщине о ее хамстве. желаю вам не лопнуть от осознания собственной несуществующей значимости.

Наталья Иванова Как человек воспитанный, вы, должны были бы знать, что о ней про себя не говорят. Неприлично, знаете ли...

Наталья Иванова Надо её проявлять, а не хвалиться ею. И степень вашей воспитанности оценивают, прежде всего, окружающие вас дамы.

Ирина Дедюхова Для начала неплохо бы знать значение употребляемых слов. А то образы воруют, а смысла их не понимают. Образный ряд, украденный Эрнстом, вел не к его «Стилягам», а к оscarоносному «Москва слезам не верит», обворовали не столько наши ресурсы, сколько Ирину Муравьеву и Меньшова. Это им доказали

«несуществующую значимость», мои образы только закрепили, я всего лишь продолжу — и мордой в грязь полетит вор. «Хамство» — это предложить на этом образном ряде и после «Стиляг» — минуточку молчания. Вот это — хамство, что и было отмечено МОК.

Иля Балаханова А я считаю, что война была позиционирована правильно. Была минута мочания трэков с фоном вполне узнаваемым по советскому кинематографу о войне. И вообще все было достойно. Даже лубочные пионЭры и дядя Степа могли удовлетворить весь спектр политических взглядов нашей вольнодумной родины.:кто то умилился, а кто то усмеялся. Так что все ок и с мозгами

Ирина Дедюхова Иля Балаханова, тоже потом подтираться кинетесь? Хорошая фраза о «позиционировании войны», гы-гы. Ну и идиотизм! Весь ваш пламенный постинг лишь доказывает, что все ворованное, эклектичное, а логика — пригрести чужие образы, чтоб подsunуть свою фальшивку «Стиляг». Однако не забывайте, что, обокрав «вольнодумство родины», — Эрнст получил свою долю на карман. А денежка... несколько обостряет «проблемы современности». Все ведь вольнодумствуют бесплатно, альтруистически, без



расчета, что на их вольнодумстве Эрнст будет свои финансы поправлять с одной идейкой — «позиционировать войну». Нда, тяжелый случай!

Илья Балаханова Ирина, я вам не хамила .это раз. и я не имею привычки считать деньги в чужом кармане это два

Ирина Дедюхова Да что за манера, **Илья Балаханова**, сразу спекулировать на чужой культуре? Может, для начала, свою следует завести? Причем, ведь чисто базарный шантаж, уже продемонстрированный аннигилировавшимся «собеседником»: «я вам не хамила (вернее, не вам конкретно хамила, а безадресно) — потому вы — хамка!»

Речь о вас вообще не идет! Чего вы после всего сказанного свое «позиционирование войны» сунули в качестве вердикта... понятия не имею. Внутреннее хамство сработало.

Ирина Дедюхова Да-да... не московской гопоте соваться с подобными постановками про Россию и прочее. Вот и видим, что даже по такому случаю — ничего своего в душонках, элементарно пригодного, чтобы не воняло. Ничего своего!

Наталья Иванова Естественно, **Илья Балаханова**, вы не имеете право «считать деньги в чужих карманах». Вы в бюджет ничего не заработали. Все заработанное из провинции, вот она за своим и пришла.

Ни денег своих, ни мыслей, ни достойных чувств — все ворованное. Одни претензии и глумление..

Наталья Иванова «Война позиционирована»... Вы, сударыня с борделя что ли выскочили на минутку? Привыкли там

позиционировать, ни на что другое не способны...

Ирина Дедюхова Самое время устроить минуту молчания! И, как видите, она сразу же возникает сама по себе и абсолютно бесплатно, стоит лишь про совестьшку напомнить. Люди кровь за Родину проливали вовсе не для того, чтобы московская гопота рассматривала их подвиг «удачным поводом». Выходка Эрнста ничуть не краше опроса «Дождя». Как впрочем, любая попытка примазаться к чужому. Нда, мск все дальше со своей нравственностью от исконной русской культуры, на чем только и остается спекулировать.

Наталья Иванова **Yury Stroganov** и **Илья Балаханова** «минута молчания» уже прошла, а у вас ...затянулась.



Татьяна Сухова Yury Stroganov и Илья Балаханова, приношу вам личные извинения за то, что к вам на моей страничке отнеслись неуважительно и разговаривали с вами в совершенно неприемлемом тоне.

Илья Балаханова Спасибо.

Татьяна Сухова Ирина Дедюхова и Наталья Иванова! ваша аргументация, вероятно, имела бы рациональный смысл, но агрессивный стиль выражения просто убивает этот самый смысл и саму вашу позицию. Что такое доброе и умное может стоять за идеями, если они

провозглашаются с невероятной агрессией и нетерпимостью к собеседникам?

Наталья Иванова Татьяна Сухова, а кто Вам пообещал, что с носителями недоброго и неумного будут общаться не агрессивно? Вот мой дедушка (с множеством бойцов и командиров СА) пообщался агрессивно с носителями недоброго и неумного, так Ленинград не сдали. Хотя нынче высказывают носители недоброго и неумного сомневаться в уместности солдатского и офицерского подвига, забыв закон Ньютона «действие равно противодействию». «А я — доктор?» В школе учиться надо было...

Натали: Скандальная какая публика. А почему вы ей не ответили?

Ирина Анатольевна: Фейсбук — однодневка! Я достаточно осветила свою позицию по данному вопросу. К тому же... Татьяна Сухова ведь в курсе, что весь образный ряд утащен у нас, не у нее. Срабатывает такая женская стервозность. Это же не первый ее пост на тему открытия Олимпийских игр. Она (вначале с большой опаской, с оглядкой [на наши ресурсы](#)) пыталась хвалить это мероприятие именно в том ключе... в каком с нами пихались булками столичные защитники Цискаридзе в мае прошлого года, решив, что победа у них в кармане.

Натали: Вы их еще тогда [называли «московской гопотой»](#).

Ирина Анатольевна: А как их еще назвать? Там же не было изначальной ассоциации! Они ведь молчали в декабре 2012 года, еще плотнее они помалкивали в январе 2013 года. Начальной эмоции нет! Обычная спекуляция, базарная толчея «вас здесь не стояло». Но в тот момент, как я не раз говорила, они должны были выставить требования немедленно очистить Большой театр от Иксанова. Ведь даже отставка Иксанова оказалась полнейшей неожиданностью для этих «защитников». Они явно о таком и не помышляли.

Здесь — в точности также! Идет попытка закрепления чужих образов за Костантином Эрнстом — как бы «из гордости за Россию». А в чем немного раньше проявилось желание ощутить эту гордость, проявить хоть каплю любви к Родине? Я помню, как эта столичная «интеллектуальная» бомжати́на была потрясена моим замечанием, что «большая проза на русском без любви к Родине не пишется!»

Да вот и мою изначальную мотивацию участия в судьбе Цискаридзе, а после Дмитриченко — ты сможешь указать? Это, прости, должно быть не коробкой конфет, это публично обозначенная позиция, где я беру именно чужие образы. Картинка на коробке тоже придумана не тобой, ты и не воруюшь этот образ, а честно рассказываешь, какие мысли и чувства он у тебя пробудил. Ну, у меня это должно было проявиться немного раньше, объясняя идею самого моего участия в судьбе артистов балета ГАБТ.

Но, заметим, и все, кто начинает бить себя в грудь и пихаться булками, — должны указать идею, которую они проводили в жизнь публичными выступлениями, и изначальный, непременно чужой образ, на котором возникла эта идея. Здесь же заметим, что весь прошлый год Первый канал участвовал в травле артистов балета, давая самые одиозные репортажи о деле о нападении на



Сергея Филина. Вот и вопрос к Эрнсту: когда он так успел проникнуться любовью к классическому искусству? Когда на Первом канале создавали из артистов балета образ «диких зверей», которым нужен такой «дрессировщик» как Филин?..

Натали: Я совершенно перестала на вас сердиться за коробку, мне уже интересно! Значит, образ должен быть чужим, а вы его рассмотрели раньше... а все это у вас сформулировалось... а вы потом с



этой идеей вышли на защиту классического искусства?.. Ну, Ирина Анатольевна, вы же смеетесь надо мной! Конечно, это [ваш фильм «Воры и любовники»](#), вышедший в начале августа 2012 года, накануне всех драматических событий в нашем российском балете. Там визуализируется ваша главная идея «нельзя позволять при себе жрать людей!», — на потрясающем исследовании творчества Питера Гринуэя... и затем уже идет вполне органичная защита наших выдающихся артистов, поскольку вы от сказанного не отступаете.

Здорово! Теперь я понимаю, почему сама маялась тем пустяком о красивой коробке конфет, которая

досталась другой счастливице.



Ирина Анатольевна: Все верно! Поэтому я просто прокомментировала заметку Татьяны Суховой у себя на страничке, пропустив мимо ушей ее нотацию. Выкинула из друзей — и точка. Это ее выбор, его тоже надо уважать... хотя бы для того, чтобы она смогла вполне насладиться его последствиями.

Ирина Дедюхова *Ах, типа какая «хорошая идея»! Замечательно! Кто-то кровь проливал, а эти за такие деньги уж не знают, какую «хорошую идею»*

им еще присвоить... Идея-то хорошая, но не по случаю и не ко времени. Шла бы эта идея от сердца, от души, будь она выстраданной, а не спертой у других — Эрнст и сам бы понял, насколько это неприлично звучит.

Какой-то циничный способ навязать свои чувства другим, а это лишь означает, что собственные чувства — фальшивые, взятые напрокат. Да там и образы Открытия Олимпиады собраны «с миру по нитке». Простите, а что в программах Первого канала могло вызвать/натолкнуть на образный ряд, который был взят Константином Эрнстом? Да ничего! Вообще он-то сам хорошо устроился! Другие, вопреки Первому каналу (не говоря о других каналах и разных дом-2, светах из Иванова), — тянут образы, которые Эрнст запросто мацает как свое. А оно давно, очень давно — чужое! Можно подумать, что он сам по себе про бал Наташи Ростовой вспомнил! Ага, «изнутри головы». Еще и минуты молчания решил устраивать! Тоже кто-то другой напомнил, только не объяснил, что на шашлыках и веселухах подобное не устраивают. Люди на Олимпиаду собрались, а Эрнст им решил устроить... идиот.

Вообще такие за деньги положено не чужие карманы чистить, а своим торговать! Что там было от Эрнста, кроме совершенно неуместных «Стиляг»? «Стиляги» — лживые,



ворованные, извращенные и никому не нужные, — это действительно от Эрнста. Но он до этого выстроил совершенно другой ряд, которые вел вовсе не к его «Стилягам», а к... «Москва слезам не верит»! Он не только ничего не понимает в видео рядах, но еще и редкостный жлоб. Как подсунуть беспомощных в творческом отношении и лживых «Стиляг» — вместо оscarоносного фильма, действительно любимого всеми? Там же и ДР шел у Ирины Муравьевой... Но он об этом не подумал! Потому что это все — не его ассоциации, ворованные! Потому что Эрнст не проникся мотивацией Художника — ДАТЬ, он может только взять под соусом «оно плохо лежало». И такие не понимают, что, собственно, в рот тянут.

Я ждала, когда он проговорится... и «Остапа понесло». Вон как на чужом корчить начинает! Ведь раз Эрнст — значит должен был идти совсем другой визуальный ряд, к которому и подошли бы «Стиляги»! Где все органично и естественно. Так там и минута молчания... до фонаря, верно? Кто-то может поверить, будто, думая как воткнуть «Стиляг», он лелеял мечту о минуте молчания? Ну, разве что поглумиться над святыми вещами и солгать — как это делается в «Стилягах».

Если использовать то, что у нас транслируется на Первом канале — так там должен был зажигать Малахов под музыку «пусть говорят». Там можно было как-то народ, ярморочно представить «давай поженимся» и т.д. А иначе, простите, для чего Эрнст, если ни одного Новогоднего огонька нормального не было за последние 15 лет? Зачем брать человека, который не поставил ни одного Новогоднего огонька за 15 лет? Его брали и знали, что он сопрет чужое, поскольку понимают, что видеоряд Первого канала — ни на звезду, ни в Красную армию. Минута молчания!

Главная ночь в Сочи // Как готовилась и начиналась церемония открытия Зимних Игр-2014kommersant.ru

7 февраля на стадионе «Фишт» прошла церемония открытия Олимпийских игр. Как российский факелоносец, зажегший огонь Игр, готовился к этому событию и как к нему готовились Константин Эрнст и его команда, специальный корреспондент «Коммерсантъ-BoscoSport» АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ передает из гуци российской д...

Владимир Кулёмин поверхностно

Ирина Дедюхова Да нет, не «поверхностно»! В отличие от Эрнста — у меня на каждое его «озарение» — десяток ссылок с наших ресурсов. А вот у него — нет ни одной зацепки даже в Новогоднем огоньке, целый год эти образы — противопоставлялись видеоряду Первого канала, тем «образам», которые они там лепят за бабло. Впрочем... да! Именно

ПОВЕРХНОСТНО! Потому что насквозь фальшивый Эрнст ведь ничего этого на самом деле не чувствует и не испытывает, причем, давно. Все НА ПОВЕРХНОСТИ. Деньги ему за это брать не следовало, спер-то он бесплатно..

Наталья Иванова Владимир Кулёмин, это наглость — говорить Дедюховой об анализе — «поверхностно». Обворуют, еще и плюнут. Только не надо говорить, будто сами настолько сложные и глубокие.

Владимир Кулёмин Я вас обворовывал? чего то не припомню такого

Ирина Дедюхова А кто говорит о вас, Владимир Кулёмин? Вы вообще не способны на создание образа, но вылезли лгать. А Эрнст при своей неспособности создать образ — не только лжет, но и получает деньги за ворованное. Что неминуемое выливается в циничное развязное поведение — чем и является его заявление о минуте молчания. Без этики нет эстетики. Этой минутой он сам себя выдал с головой! Он не соображает — что и где уместно. Так и видеоряд Первого канала это тоже очень хорошо показывает Потому он и не подходит для Открытия Олимпиады.



Натали: Все же на празднике спорта не следовало так неорганично соединять чужие образы, превращая их в заезженные клише. Но одновременно и бал Наташи Ростовой в исполнении артистов балета (так и напрашивается ваше исследование драматической истории с постановкой «Евгения Онегина»), со сценой из «Лебединого озера» (сразу же в мелочах адресующая нас к финальным сценам вашего романа «Парнасские сестры»), приглашение упоминавшихся вами артистов... лично мною воспринимается как прямой отсыл к вам, Ирина Анатольевна!

Ирина Анатольевна: Да бросьте, Натали! Меня подобные отсылы нисколько не радуют. Я и отсылаю с пафосным возвеличиванием творчества Гроссмана нисколько не радовалась. Именно потому, что все, кто нас подобным образом «посылает» — никогда не поймут прозы Гроссмана, им наплевать на «Лебединое озеро», они не прочь спекулировать образом Наташи Ростовской, зная, что им ЕГЭ сдавать не надо.

Как я уже заметила, человек, понимающий, из какого сора, конфетных бумажек, бусинок, записочек, книжек и фильмов выросли его образы-цветы, — отлично знает всю их внутреннюю органику, он знает, к какому развитию и финалу они должны привести в результате.

Обычный человек изначально бескорыстен в своем творчестве. А по его следам идут шакалы, желающие обратить все чужие конфетные обертки в хрустящие денежные бумажки с неперенным нытьем а-ля Анатолий Чубайс «Некрасиво считать деньги в чужом кармане!»

Вот мы смотрим, к чему же Константин Эрнст подвел эту плеяду чужих образов, нисколько ими не проникшись, банально на них спекулируя. Вот что, на твой взгляд, должно было идти и какой пазл этой мозаики был явно лишним?



Натали: Я же вам сразу сказала! Мне показалось, что вместо сцен из «Стиляг» должна была идти «Москва слезам не верит». У Ирины Муравьевой в день открытия Олимпиады был день рождения, а у самого Эрнста на Первом канале работает Юлия Меншова. Как можно было забыть об оscarоносном фильме?

Ирина Анатольевна: А кто тебе сказал, будто он о нем забыл? Он его в «Стилягах» и хотел передрать, попутно воруя и присобачивая образы другой эпохи, сваливая все в окрошку.



Меня уже давно перестало раздражать, что даже в фильме о стилягах художник по костюмам работает настолько неряшливо. Обрати внимание, что в президиуме сидят люди, одетые, как в начале 30-х годов, к середине так уже не одевались. На выступающей девице — костюмчик фасона 60-х. Что, фильмов той эпохи не видели? Костюмы мам не помнят? Или в их доме не было книжки «Домодство» со всеми фасонами?

Так авторам фильма не стоит скрывать, что их изначальным посылом стало переснять первую серию фильма «Москва слезам не верит», настолько там «вкусно» были отмечены детали 50-х.

Там есть эпизод, где милиция ловит стиля, — вот на одном этом эпизоде решили снять целый фильм, сделав этот малозначительный эпизод — «эпохальным». Но какое пренебрежение к деталям! Какое неорганичное обращение к песням 80-х! Меня уже достал этот... хамский «творческий метод» Константина Эрнста!

Ирина Анатольевна: И что? Где история? Что хотели авторы фильма хотели этим сказать? Навешать обратные идеологические штампы? А следовать идеям об общечеловеческих ценностях слабо? Очевидно так. В результате все это «не взлетает» и не взлетит. Эрнст не понял даже причины феноменального успеха фильма «Москва слезам не верит».

Натали: Там ведь визуализируется трогательная человеческая история, очень простая! О том, как «люди встречаются, люди влюбляются, женятся...» Все идеологические влияния — находятся на своем месте, на задворках жизни каждого.

Ирина Анатольевна: Какие-то крайности вроде стиляг — тоже мало кого интересуют, но... раздражают! Почему? Потому что стиляги — это павлины, канарейки, попугаи... они живут одним днем! Они пародируют чужие песни о главном, а им самим-то сказать нечего. За ними такая пустота, что и песенку об их человечьих терзаниях надо брать из тех, что начириканы на 30 лет позднее и уже никого отношения к ним не имеют.

Натали: В молодости у каждого поколения был своеобразный бунт... внешнего вида. Но все вырастают благополучно, меняют отношение даже к нотациям «коллектива товарищей». Как правило, забывают об этой ерунде. Но не Эрнст, верно? Уж этот и на чужом свое протащит любым способом. Хотя... самое время было рассказать, почему при нем не просто разобрали на собрании коллектива, а держали за решеткой до суда Павла Дмитриченко, который всего лишь попросил Сергея Филина — поставить его девушку в балет «Лебединое озеро»...



Ирина Анатольевна: Потому что она исполняла все па, согласно классической постановке Петипа, а вот девушки не раз женатого Сергея Филина — не могли исполнить все хореографические движения так, как это было задумано. Но вместо разбора конфликта по существу, мы имели дикую постановку, где нам постоянно напоминали о «воронежской балерине», хотя речь шла о солистке ГАБТ.

Так и слышишь «понаехали тут!» И хоть я лично никуда не «понаехала», столичная гопота нагло чистит мои карманы под

соусом, мол, «мы ведь для всей страны работаем!» Правильно! Только и работают — за деньги всей страны, занимая чужое место, обворовывая тех, кто способен создать образы. И это... не меньший каннибализм! При этом крадется время, душевные силы, сама жизнь!

За свое-то они цепляются так, что смотреть страшно. А чужое берут без спроса, нисколько не интересуясь, как эти «цветы» росли, сколько сил потребовалось, чтобы они выросли.

Натали: Стоило вам только выступить пару раз по поводу «минуты молчания», о которой от Эрнста хотелось бы слышать в последнюю очередь, — как на всех каналах начали «зачистку». На Ютубе уничтожались не только ролики с фрагментами олимпийского шоу, но и сами аккаунды.

Ирина Анатольевна: Это связано не только с нашими замечаниями! Здесь претензия к Эрнсту одна: ради какой идеи он свалил в кучку все эти разрозненные образы, которые по неведению принял за саму идею? Что сказать-то хотел?

И многие высказались бы вполне благодушно, если бы не его некрасивая выходка с попыткой пригрести себе-любимому и лаврушку с минутой молчания... уж совершенно по циничному поводу. Хоть раз сам он выступил внятно и жестко по поводу пересмотра итогов ВОВ у нас, не в МОК и не «где-то на Западе»?

Он-то должен понимать, что сам видеоряд Первого канала призывает к минуте молчания, но совсем по иному поводу? И уж никакой «гордости за Россию» — точно не вызывает. У него самого — лубочное, заштампованное представление о России, о народе. А своей многолетней «творческой биографией» он ведь просто затыкает рот тем, кого не считает неприличным обирать. Или как это называется нынче — «попользоваться».

Натали: Больше всего мне понравился этот ваш разговор со столичными любителями Николая I, которые тоже не смогут объяснить, по какой причине они вдруг выделили «Николая Палкина» (а вовсе не Петра Великого, которого вы просто упоминали в своем недавнем историческом исследовании [«Нравственные критерии анализа»](#)).

Вряд ли кто-то сам из них понимает, с какого момента и почему они вдруг перестали стыдиться отечественной истории, к чему много лет призывал Первый канал.

Сомневаюсь, потому что там была налицо попытка навешать ярлыки, определиться с идеологией, не с идеями. И как раз на этом разговоре лучше всего видно, что человек, не способный честно

проанализировать истоки собственных озарений, а напротив старающийся любым способом уничтожить «первоисточник», — не способен ни создать образ, ни оценить его по достоинству.

Мы видим здесь имитацию интеллектуальной жизни, спекуляцию на самом понятии «интеллигенция». Интеллигент — не ворует чужое, ему своего девать некуда. А против воровства он выступает, потому что при воровстве непременно ущемляются сами образы, превращаясь в нежизнеспособные штампы. В результате обкрадывается жизнь каждого.

Зина Корзина написал(а) в своем ЖЖ: [Беснование.zina-korzina.livejournal.com](http://besnovanie.zina-korzina.livejournal.com)

Вот чего я никогда не пойму, так это истерики якобы-либералов вокруг открытия Олимпиады-2014. Это было грандиозное зрелище. Возможно, я пристрастна, ибо в историческом повествовании было много моих...

Юлиана Масляева Откомментировала, ибо недоумеваю который день.

Зина Корзина Аналогично.

Андрей Журавлёв Рашен традишен: если русский интеллигент поддерживает свое государство или любит свою страну, он или не русский или не интеллигент. На самом деле все было так здорово, что я склонен поддержать романтиков, увидевших в действе ритуал Белой Магии

Елена Андреева А что тут недоумевать? Все эти персонажи — жОсткие враги русской государственности. Любой успех России — для них скрежет зубовой, мука мученская.

Андрей Лукинов Вот это про него:

Ярослав Тимошин Андрей, сволочь.. порвал в лохмотья.

Ирина Дедюхова Я не отношу себя к либералам, да и к церемонии открытия Олимпийских игр отнеслась благожелательно. Но раз пошли спекуляции на «успехах России» и ее «государственности», а уж тем паче — о «минутах молчания», то пора бы уже разобраться, почему не было открытого конкурса на сценарий проведения церемонии открытия?

Почему и в этом случае надо втихушку красть чужие образы за бюджетные деньги? Ведь будь открытый конкурс, у нас сама политика Первого канала несколько бы поменялась! С какой стати надо бесконкурсно приглашать «немного поговорить о государственности России» — человека, который вообще никакой внятной позиции по этому поводу не имеет? Ему плевать! И уж когда карманы обчистили, то может не стоит спекулировать на ярлыках? Может уже стоит перестать подсовывать шаблоны и хотя бы ответить за некрасивую выходку с «минутой молчания»?

Фальшивые эмоции Константина Эрнста | Научно-технический портал «Технарь»

Анна Супрун Зато как удобно! Смотришь на реакцию и понимаешь, что стоит смотреть, а что — нет.

Зина Корзина Хорошие сапоги — надо брать.

Ирина Дедюхова Ну, это ведь, **Анна Супрун**, замечание из разряда «зато как удобно сидеть на жэ!» Еще бы рот при этом занять пивом с креветками, чтоб не озадачиваться «государственностью России» не по случаю, гы-гы. Никто ведь и не просит!

Анна Супрун Ирина, кто кого и о чем не просит?

Ирина Дедюхова ... а тендеры, в особенности, где речь пойдет о «государственности», причем, за бюджетный счет — проводить надо!

Ирина Дедюхова ...и это не «просьба», это закон!

Анна Супрун У Вас что-то случилось?

Ирина Дедюхова А вам какое дело, милая? Я чем-то дала понять, будто нуждаюсь в вашем мнении? Всего лишь заметила, что при сидении вам бы лучше ротик занять и ручки успокоить.

Анна Супрун Конечно, Вы же ко мне обращались напрямую. Реплики бессвязные, раздраженные, ротики-ручки-попки... Тихий ужас, но помощь не предложить нельзя))))

Ирина Дедюхова Реплики мои снисходительные, но зря вы это считаете «прямым обращением». Давайте расставим акценты верно. Вы для меня — подопытный кролик. Хотите, буду просто писать «кроличек, сиди мирно!»

Анна Супрун Спасибо, что снизошли))))))

Ирина Дедюхова Не снизошла, а поставила на место. Терпеть не могу, когда явные кролики начинают делать вид, будто они там куда-то «снисходят». А куда могут «снисходить» кролики в разговоре о государственности России, либерализме и прочем? Да еще с заверениями, как им хорошо сидится на попе.

Анна Супрун Спасибо, что поставили на место ничтожное создание))))

Ирина Дедюхова Опять возражу! Создание вы не ничтожное, но забывшее... про элементарные приличия, про перманентное уважение к собеседникам, к окружающим. Вот как Эрнст решил про это все время забывать. В СПб и мск это легко забыть, это действительно приятно и удобно... до определенной грани. Как за нее зайдешь, дальше и жрать капустку будет не столь восхитительно.

Anastasia Mitrofanova Анна, вы зачем кормите троллей???

Анна Супрун Она смешная очень, правда? И ведь что-то хочет выразить, пытается))))

Anastasia Mitrofanova Mania grandiosa

Ирина Дедюхова Да сколько угодно! Главное, что никто из вас больше не заикнется ни о какой «государственности в России». Вот это — действительно смешно.

Анна Супрун Все, А.В., больше не буду, обещаю.

Ирина Дедюхова И очень отчетливо видна цель, когда тендеры не проводятся, а кроликам нечего предложить, кроме ворованного и заезженных штампов. Диагноз!

Андрей Лукинов Но Вы бы, безусловно, сделали все лучше.

Alexey Kopobeiev Вот вы смеетесь, а тут, оказывается, комментирует заслуженная писательница. Я из интереса посмотрел в интернете: «Человек тогда развивается, когда общается с тем, кто умнее его, мудрее, опытней.

Если повезёт найти такого собеседника, можно пройти десятилетний путь развития за полгода. Но это бывает редко. Да и собеседников умных не просто отыскать.

А сам человек, на круг, ленив, амбициозен, падок на лесть. Предпочитает общаться с более глупыми, на их фоне легче выглядеть значительным, потешить самолюбие.

Вот спроси среднего посетителя сети — ты что читаешь, на какие сайты ходишь? Ну картинки смотрит, на форумах, может, пиписьками меряется, по ютубу серфингует. Или, в лучшем случае тупо просматривает топ-яндекс ЖЖ, где одни и те-же платные агенты ЗОГа, прочно обосновались в первых десятках. Сиськи, кошечки, гороскопы... Ум включать не обязательно.

А расти, совершенствоваться — это работа, это усилия. Путь вверх тернист и труден, легко только вниз катиться, и многие следуют этим легким путем.

Ладно, пиарим нашим уважаемым читателям Ирину Дедюхову (Огурцову).
<http://www.deduhova.com/blog/>

Вы будете удивлены, она же баба! Разве такое может быть?

Может. Редко, но может.

Это именно тот собеседник, общаясь с которым можно стать лучше, умней, образованней. Узнать много нового, в том числе, что такое нравственность, совесть, честь...

И язык у неё хороший, и мозги у неё правильно заточены. И плохому не научит.

У нас на форуме есть несколько ее постов, мы её давно читаем и мы уже писали про неё, посмотрите поиск. Пишет она много и глубоко. Она в интернете уже 10 лет, написала прилично. Читать не перечитать. И замочить в сортире её уже тоже пытались.

И это именно тот случай, когда лучше просидеть час, пытаясь углубиться в смысл написанного Дедюховой, и подрасти хоть на миллиметр, чем потратить вечер на сиськи-туписьки-мидгардлевашовину.

21-му веку и Планете нужен новый гой, не только понимающий, что человечество дуально, но нужен так-же новый гой, с остатками здравого смысла, зачатками нравственности и способный выстраивать логические цепочки. Собственно вот пост, который навеял поместить сюда наконец Ирину Дедюхову.

«И еще: Ирина Дедюхова — российский писатель, публицист, экономист, строитель.

Основные интересы находятся в плоскости системного анализа и синтеза, стратегического планирования, а также детального исследования вопросов социальной инженерии, информационных войн, неравновесных и иерархических многоуровневых систем. (это уже из ее ЖЖ). И даже, она же сама о себе на форуме: «Впервые столкнулся с творчеством писателя И.А. Дедюховой в самый разгар кризиса, объявленного в 2008 году.

Поразило меня её прямое заявление, что она — единственный на сегодняшний день инициированный русский писатель. Признаюсь честно, от такой наглости (как мне тогда показалось) я просто опешил...

А вот когда пошёл посмотреть на литературный труд Ирины Анатольевны, тогда и понял простую вещь. Современная литература разделилась для меня на два неравных куска: до знакомства с творчеством Дедюховой и после прочтения Дедюховой.

Кто сомневается — убедитесь сами: стоят в чеканном строю три романа, светлыми огоньками горят рассказы, рождественские чудеса обещают её берущие за живое сказки...

И из того же поста: «Настоящая Русская литература бескомпромиссно стоит на позиции: «Нет в мире идеи выше, чем Россия». В частности, эта позиция намертво впечатана следами собачьей упряжки урок Рокоссовского, мчащейся на страницах «Повелительницы снов»...

И в этом свете совершенно понятными становятся антироссийская направленность мотиваций лиц, составивших заявление в прокуратуру на единственного на сегодня русского писателя — Ирину Анатольевну Дедюхову.» Вот так вот! А вы смеяться над писательницей-строительницей...

Welcome to nginx!

Елена Андреева Ирина Анатольевна Дедюхова — выдающийся русский писатель, возможно лучший из ныне живущих мастеров романной формы, умный человек, но сложный... Как, впрочем, многие из талантливых.

Зина Корзина Вот тут соглашусь. Потому что вот я тупая и никакая, а потому — простая и предсказуемая.

Елена Андреева Посмеялась...))

Alexey Kopobeiev А вот на либрусеке выдающую писательницу не оценили отчего-то: Ирина Дедюхова | Либрусек

Зина Корзина Не надо лишнего. Дедюхова отличный автор.

Елена Андреева А мне не нужен Либрусек. Я сама в состоянии оценивать.

Зина Корзина Тут уже вопрос не мнений о..., а талантов. А то так можно дойти до того, что Пушкин — г... потому что бабам изменял.

Ченси Гарденер Тайны архива графини А.)))))))))

Александр Морозов Что бы оценить талант автора надо читать его книги, а не мнение критиков о них. Кому интересно сюда: Книжная лавка

Alexey Kopobeiev Это как раз нормально, у талантов часто бывает такая ситуация, которая называется «крыша скользит». Ну и потом стоит помнить, что текст и писатель — часто две большие разницы, сколько великих писателей в истории было, с которыми в жизни общаться ни за что не хотелось бы. Это примерно как сам актер и образ, который он в фильме или на сцене создает.

Ольга Куликова Сдается мне, это такой же профи-историк, как я — прима-балерина.

Светлана Полякова Сдается мне, что ...эммм... как писателя Вы Дедюхову-Огурцову сильно переоцениваете, впрочем, как и она себя.)

Александр Морозов «Собака лает, ветер носит»

Светлана Полякова Спасибо за «собаку», Александр Морозов!) Я давненько не сталкивалась с г-жой Дедюховой, уже подзабыла, что любой, не восхищающийся ее «гением» — должен быть немедленно затоптан насмеерть стадом ее «поклонников»!)))))))

Александр Морозов И вам не больно. Интересно, а почему вы, Светлана, на свой счет восприняли? Значит правильно?

Александр Чудов как у вас тут весело ага — и почему мне ни холодно, ни жарко, оттого, что я не знаю, кто такая Дедюхова да мне собственно, вообще, пофиг, кто такая эта самая Дедюхова УПС

Александр Морозов Господи, как мы расстроились...

Ирина Дедюхова Вообще... интересно получилось! [с церемонией открытия Олимпиады - прим. Натали] Никто никого за язык не тянул. Гордость за Россию, ее государственность — ведь не из мск, это-то, надеюсь, и кроликам понятно? Все, чем восхищались бурно и вслух — это нечто вроде слайдера моих ресурсов за год. Все, что не понравилось — это попытались отпихнуть от себя, слайдер по наносному очень легко составить

Мск привыкла красть, не стесняясь. Но у меня есть сайт по госуправлению, я первой провела исследование о Николае I — именно с точ.зр. гос.управления, поэтому и «особое пристрастие» к «императору», которое вы, Зина Корзина, позиционируете — оно ведь тоже передрано у меня. Весь этот барбосаж возник после моих исследований, там ничего из мск нет.

Понятно, что раньше сходило с рук, а сейчас каждый кролик будет указывать первоисточник и проходить тендеры. Нравится кусочничать и подхватывать обеды? Так понятно, что в мск своих мозгов отродясь не было! Достаточно взглянуть на объективные макроэкономические показатели страны. Самое время начинать «гордиться»... или минуты молчанья устраивать. Однофигственно.

*И подобной срамоте более никто не даст красть — без указания первоисточника.
Помните фильм на эту тему? Напомнить не долго!
Деловая женщина (1988) — смотреть онлайн бесплатно в хорошем качестве*



Натали: Вот вы ругаетесь, Ирина Анатольевна. А сколько раз вам говорить, что надо быть добрее? Сколько?

Вот и Зина-Корзина признала что вы умный человек, но сложный. С очевидными вещами трудно не согласиться.

А вы с чего на неё взъелись? Она ж девушка, вроде, безобидная? Все больше о тряпочках и фестончиках? А вы так надругались над её привязанностью к Николаю I? Хоть бы за хороший вкус похвалили...

Ирина Анатольевна: Это сказала не она, а все ваши фестончики меня иногда так достают... что никто, слышишь, никто не

может меня упрекнуть в том, будто я мало доброты проявляю! Знаешь, как мне иногда хочется у вас все эти завитушки и фестончики пообрывать? Ты понимаешь, как вся эта дрянь грузит ресурсы? Особенно, когда по ним лупят прямой наводкой!

Ведь как только обворуют, так еще и норовят «первоисточник» зачистить! Но я ведь ничего не говорю, когда назад все ваши фестончики навешиваю! Я даже вам не говорю... ну, что мне админы по такому поводу говорят. Молча все это воспринимаю. По доброте душевной! Хотя ведь не кого-то, а меня включали во всякие списки, судили-рядили и пытались изничтожить.

Иной раз... просто такая обида берет на жизнь! Все веселятся, испытывают несказанную гордость за Россию... обворуют под кочерыжку и после глумливо удивляются, что оно опятьросло. Воруют миллиардами, а потом говорят, что никаких причин для беспокойства по поводу коррупции нет! А у меня столько причин... хотя бы подойти в рожу плюнуть... не станем уточнять — кому и сколько раз. А все мои жуткие преступления — чисто виртуальные, сокрытые в чем-то воспаленном мозгу.

Иногда думаю... вот помру, так будет даже не у кого образы на подобные шоу тырить.

Натали: И, вообще, сложилось у меня впечатление, что вы все неправильно восприняли. Надо как-то отвлекаться от новостной ленты. Вот я пообщалась тут ...приватно, и стала иначе воспринимать действительность...

Ирина Анатольевна: Опять вам, Натали, какой-то хмырь голову морочит, а вы и рады, уши развесили...

Натали: Это вы от зависти к моему бешенному успеху...

Ирина Анатольевна: К чему? ... успеху? Насмешили, милочка...

Натали: Погодите, голубушка Ирина Анатольевна! «Мечты сбываются» не только у Газпрома... Да и: «Воровство тем невыгодно, что иногда *не знаешь что украл.*» (с. «Идеальный муж» О. Уайлд) Сколько вы сами мне говорили, что на ситуацию надо непременно взглянуть с разных сторон?

Ирина Анатольевна: Это вы про то, что на очередной Олимпиаде нам на шею новых «законодателей» в Думу найдут? И они будут устраивать скандалы почище милых шуточек Ирины Родниной?

Натали: Нет, не поэтому. Я очень надеюсь, что наши спортсмены не уедут сразу же за рубеж на тренерскую работу, а воспримут праздник спорта и жизни в Сочи, который проходит в очень трудное для всех время, — хотя бы с долей человеческой порядочности. Я очень надеюсь, что наша страна получит в их лице замечательных подвижников, которые многое сделают для процветания спорта в нашей стране.

Хочу привести кусочек своего обсуждения фрагмента с первым балом Наташи Ростовой. Помните, с чего вы начали свое масштабное, пока незаконченное исследование об этой сцене?

Ирина Анатольевна: Мне совершенно не хотелось об этом говорить, намного проще было бы заявить, будто про этот бал я сама из своей головы придумала. И поверили бы мне, а не вам! И первым бы поверил Константин Эрнст, т.к. не раз убеждался.

Но это для таких, как он — вершина «творческого пути», хотя там »додуматься» следовало всего лишь до школьной программы и тоненькой книжки рассказиков по истории России для младших школьников. А для меня — давно пройденный этап. Поэтому я совершенно честно скажу, что осеннее исследование сцен первого бала Наташи Ростовой на ОГУРЦОВА ТВ произошло потому, что вы, Натали, возле меня начали нестерпимо ныть про какую-то ссылку на Хворостовского и свою коробку конфет. Убила бы того гада, который вам ее не подарил!

Натали: Но вы ведь увлеклись этой сценой?

Ирина Анатольевна: Увлеклась, а как же! Даже хотела написать, где-то в черновиках валяется. Я тогда собрала чуть ли не десять этих сцен, начала писать, потом... как отрезало! Между прочим, так всегда бывает, когда некто шпаргалит из-за плеча и обворовывает.

Натали: А я видела ваши открытые публикации и черновик. И отдаю должное вашей честности. Действительно, только человек, создающий образы как вы — может честно сказать, из какого сора вокруг нас они выросли, все преображая, делая жизнь интереснее.

Вот тут те, кто не посмотрел церемонию открытия Олимпиады в Сочи, могут увидеть [фрагмент с первым балом Наташи Ростовой](#).

А я хочу привести разговор с неким моим знакомым, тоже невольно ставшим «источником «творческого вдохновения» Константина Эрнста. Он прислал мне ссылку на Хворостовского, я достала своими навязчивыми воспоминаниями об иллюстрации на конфетной коробке вас, Ирина Анатольевна...

Вы немедленно возбудились и принялись исследовать эти сцены во всевозможных вариациях, а дальше ваше возбуждение дошло и до Константина Эрнста. У вас с ним — как у Ленина с декабристами. Владимира Ильича декабристы постоянно возбуждали даже через много лет и через Герцена.



Наталья Иванова: Знаете, что получается? Хотели Вы того, не хотели, но Вы «подарили» мне первый бал Наташи Ростовой на Олимпиаде. Благодарю Вас Это круче, чем «Кабаева зажжёт олимпийский огонь в Сочи. А что ты сделал для своей девушки?» ... Политика, как видите, меня совсем не интересует. Я настроена весьма романтически...

NNN: Каким образом я это сделал?

Наталья Иванова: Вы же не можете отказаться, что дали ссылку на сцену из оперы. Я по этому поводу рассиропилась (не переживайте, не столько о Вас, сколько о своем воспоминании по поводу поступления в

институт), накалила «на мозги» ИАД. Она натаскала в своё ТВ кучу роликов, у меня куча черновиков с этой затравкой. А тут и «олимпийские ребятки» подросли, ободрали на Олимпиаду все наши ресурсы... Все бы хорошо, но от «физиков и лириков» не отпереться, они к стилистам никакого отношения не имеют.

«Нам не дано предугадать...»

NNN: Когда сцену из оперы прислал, с Хворостовским? А... Круто.



Ирина Анатольевна: Ну, в принципе, все молчали, никто даже на день рождения Людмилы Савельевой месяц назад — не удосужился показать «Войну и мир». А образ имеет одну особенность! Как начинает складываться, расти... так ты его не удержишь. Но все наоборот молчат!

Так значит, мы вам, дорогая, обязаны новым балетом «Первый бал Наташи Ростовской»? Ну, и достала ж вас та коробочка...

Натали: Конечно же, все произошло не только из-за меня. Без вас, естественно, не обошлось...

признаю. Уж, и помечтать не дают... Вы же у нас нынче самый известный эксперт по этой тематике...

Ирина Анатольевна: Вот, как эксперт, я вам, любезная моя, и скажу, что не зря бал Наташи Ростовской шел под известный вальс Евгения Доги, который он написал для... *воронежской балерины* Галины Беляевой... Согласитесь, нам бы такое и в голову не пришло — вдобавок Догу ободрать! А для Константина Эрнста — это не просто естественно, он без этого уже не может, в этом смысл его жизни.

Натали: Ой, и правда... Так ведь и в фильме Сергея Бондарчука Наташу играла бывшая балерина — Людмила Савельева...

Ирина Анатольевна: И как тут не стать специалистом по балету. Куда ни плюнь — одни балетные... Поговорить уж не о чем стало... Лучше поговорить о том, что не всякая музыка подходит ко всякому месту, епсель-мопсель. Здесь Эрнст показал, что вообще музыку не понимает, даже с бумажки про нее ничего не читал. И все молчат! Гордость испытывают!

Но бесподобный вальс Доги — об *обманутых* надеждах, не о *сбывшихся*, ско... коз... сво... Блин, у вас нет каких-нибудь фестончиков ободрать? Хочется проявить такое... олимпийское спокойствие!



Натали: Да утештесь, голубушка вы наша! Вы уже два слайдера здесь оборвали, больше обрывать нечего. Лучше полюбуйтесь, как прыгал, как прыгал Иван Васильев в образе гусара, даже не сказали кто это из героев был конкретно. Специально для вас создали собирательный образ, зная, как вы без ума от Д. Давыдова и прочих мужчин в ментиках

Ирина Анатольевна: Ну, люблю я гусар, кто их не любит. Поэтому не смотрите на меня так. «Гусары, молчать!»...

Натали: Да ладно, лучше скажите, вы обратили внимание, как вам постоянно

приветы слали, причём, в столь любимом вами визуальном ряде, почти чертежами. Сначала в

куске про Петровские времена — гравюры по архитектурным планам проецировали. Всё для вас, всё для вас...

Потом в части с конструктивистами какие-то чертежи с уровнями высот, почти техническая документация. Прям, ода инженеру, писателю и единственной светлой голове нашей современности... У нас нынче такие времена, Ирина Анатольевна, что «ваша светлость» становится понятием экономическим. Кого можно обворовывать, тот и есть самая светлая голова современности. А у вас все так просто, так гениально... Что начинаешь понимать Константина Эрнста! Разве у Тины Канделаки или той же Зины Корзины можно наскрести что-то подходящее на международное шоу?

А в эпизоде со стилистами вверх взмыли, обожаемые вами высотки. И все вам не угодись...

Ирина Анатольевна: Все, баста! Я сама себе сейчас ужогу! Где у нас мой сладкий красавчег-кровопийца? Давай, зажигай!

Ирина Анатольевна: Вот только такие охломоны, использующие шелковые галстуки для подобного безобразия, и примиряют меня с действительностью!

Натали: Ну, дайте посмотреть! Вы же все загородили! Посмотреть дайте!

Ирина Анатольевна: Вот Константин Эрнст попросит Диму Билана эту песню исполнить на очередном шоу — тогда и посмотрите!

Натали: А мне тогда что смотреть? Может, «Деловую девушку»?

Ирина Анатольевна: Ее и надо пересмотреть весьма внимательно, чтобы знать, как относятся во всем цивилизованном мире к людям, которые не могут рассказать — как и что им пришло в голову, а что там вообще само собой завелось.

В сон мне желтые огни...



В лице Ирины Анатольевны мы имеем пример если не телепатии, то какого-то интересного манипулирования сознанием.

Все в один голос уверяют, что никто ее не читает, никто о ней не слышал. Однако стоит ей написать спич о русском языке, как через неделю «своими словами» президент России пытается пояснить то же самое на съезде преподавателей русского языка и литературы.

Стоило Ирине Анатольевне ко дню рождения Людмилы Савельевой вспомнить о разных интерпретациях образа Наташи Ростовой, как мы получаем море разлитое первых балов Наташи Ростовой на церемонии открытия Олимпиады.

Поэтому неудивительно, что в конце февраля Анна стала необычайно активной участницей дамских посиделок. Мне кажется, она всерьез верила, что стоит лишний раз напомнить про весь этот ужас на Украине, как Ирина Анатольевна сможет его развеять. Ну, может и не верила, но очень надеялась.

Анна: ...у нас, все кто владеет не столько русским языком, сколько русским самосознанием, в первые минуты хаоса начинает смотреть в сторону России, как она родная реагирует на устраиваемый у нас фашистский беспредел. А единственный камертон — Ирина Анатольевна. Потому что все сейчас для нее — вот хоть сало, хоть горилка.

Я знаю, какое сало она уважает! У меня мама сама лично для нее свое фирменное сало делает и горилку с грецкими орехами. Если не скажешь, все думают, будто коньяк... Ирину Анатольевну не обманешь, конечно, но такую горилку она предпочитает всем другим 462 видам... Ой, да хоть бы помогло! На нее одна надежда, поэтому мама и говорит, что Ирина Анатольевна должна постоянно помнить про нашу сторонку, тогда и у нас все будет замечательно. А вспоминать нынче нашу сторонку лучше под сало с горилкой... иначе сердце так и рвется из груди!

Аделаида: Даже так?

Анна: Только так и не иначе! Ой, не могу я... не могу!

(выглядывает в окно и кричит: «Отойдите от машины паразиты! Иначе я вам такой Майдан устрою!»)



Иван Соколов «Сбор вишни в помещичьем саду на Украине», 1858

Анна *(поворачивается к притихшим подругам, громко всхлипывая):* Я за машину еще кредит не отдала, а сейчас с этими подонками... Сейчас трудно, конечно. Но ничего, ...переживем, вспомним еще каждому отдельно — кому спасибо, а кому и пожалуйста! Но отдельное спасибо всем за защиту, понимание и теплые слова в адрес тех, кто помнит о нас, об общих встречах... хоть мы теперь и маемся на территории нынешней Украины.

Как будто нас всякая шваль оккупировала — и глумится, глумится...

Натали: Анюта, не реви, иначе я тоже сейчас заплачу!

Анна: Да, ладно! Надеюсь, многие поняли, что практически образом америкосами проводится подлейший тест — даже не на прочность властной верхушки, а на прочность генетических связей окраинного Юго-Востока со всей Россией. А он — в русском языке, в нашей литературе! Они посмотрели на нас, но и мы наблюдаем за ними.

Натали: ...ведь не зря первые же решения прорывающихся во власть майданников — касаются языка!

Анна: Да, сейчас поэтому одна надежда на то, что силушки у нашей Анатольевны на всех хватит: всем выставить по пенделью и подзатыльнику.

Аделаида: Судя по этому салу с прожилочками... сил у нее хватит! Сало замечательное!

Анна: Девочки, а вы знаете, что лучшее украинское сало — только с сибирским анисом? Хотя некоторым совершенно без разницы, в каком корыте ушами тереться... Но если попробовал украинское сало с ростовским укропчиком и сибирским анисом, так потом уже чего-то не хватает, все не так и не то... Все не так, как надо!

Ирина Анатольевна: О! Сало! Какое я люблю? А запах...

Аделаида: Добрый вечер, Ирина Анатольевна! Вы всегда появляетесь, как... как...

Ирина Анатольевна: Добрый вечер всем! Как черт из табакерки появляется Астахов, об этом Анну на суде в Ижевске допрашивали. А я появляюсь... по сценарию! Появляюсь всегда вовремя, делаю все, что предусмотрено моей ролью, обхожусь без суфлеров. И не виновата, если другие со своей ролью не справляются или вообще зад мостят на чужие роли. Речь не о присутствующих!

Анна: Ирина Анатольевна! Голубушка! Огромное спасибо за [статью](#), за ваш блог, за ваш труд и ликбезы, за поддержку! Мы ж все сало вам вынесем и spoим до полной анестезии...

Ирина Анатольевна: Вы бы лучше меньше борща к майнникам выносили, перекрыли б им пути доставки хавчика и наркотиков... А еще надо было глушить их мобилы, а на огромном плазменном экране показывать мультики про Чипа и Дейла — вперемежку с интервью Кличко Ксении Собчак. Они скоренько от такого кошмара выствистнули! Как можно было до такого ужаса докатиться?

Анна: Ирина Анатольевна, без вас и допереть до простого ведь некому! Так ведь не только на Украине, но и в России... уж простите меня! Сало с горилкой вынести некому! Ну, не Кличко же с этой облезлой по «Домам-2» гражданкой, извините меня! Вы кушайте, гляньте, какой кусочек прямо на вас смотрит! Спасибо за ваш особый подход к происходящему на территории Украины... Давайте, я вам бутербродик наваляю! За Ростов-папу, Одессу-маму, за Русь Киевскую, Великую и Малую, Белую Русь, Червонную Русь...

Ирина Анатольевна: Все! Не могу больше! Остановись! Грабят вас грабят, откуда только сало берете?

Анна: Да находим места! Как этот Навальный заметил, Украина — большая, в ней 48 миллионов, у кого-то всегда заначка имеется.

А как вы давеча сказали, так сразу стало заметно, что никакого отдельного государства Украина — нет и быть не может, в отрыве от России... особенно от вас! Потому собрала сало, горилку... и понеслось!

Аделаида: А что, на Украине это ощущается как-то особенно? Ну, что Ирина Анатольевна — такое общее явление? Как представитель литературных методов! Ну, вы меня понимаете?

Анна: Да все это понимают! У нас и майданники понимают, что Дедюхова — великий писатель! Они там [«Огонек»](#) ваш читают, Ирина Анатольевна, представляете? Вашим творческим наследием досуг задаром себе обеспечивают, уж не интервью Кличко и Чипом с Дейлом. А в «Явропе»-то и вовсе читать нечего. И зачем нам туда?

Натали: Да в России тоже читать особо нечего, а я, как нарочно, с детства привыкла много читать... Особенно привыкла, когда Ирина Анатольевна в Интернете все объясняет... с точки зрения литературы, пользуясь *литературными методами*. И чтобы было много всего! Чтобы всего было — по большому блюду.

Аделаида: Но это так опасно, Ирина Анатольевна! Ведь литература — это нынче чуть ли не уголовное преступление! Нынче с ней так рьяно борются, что мне иногда за вас страшно...

Ирина Анатольевна: Ничего, литературные методы — лучший депрессант. Это вы зачем корейку от меня отодвинули? И огурчики напрасно на окно составили! Это не коньяк, а горилка! Это коньяк употребляют с лимоном, а грецкую корилку, по вкусу напоминающую коньяк Мехали, — пьют с маринованными огурцами-корнишонами. Эх!

Натали: А почему тогда водку принято пить с солеными огурцами?

Ирина Анатольевна: Потому что... так надо! Есть вещи... воистину святые не нами заведенные. А мы ведь не какие-то там... майданные, чтоб все ниспровергать и не чтить традиции. А раз я представляю именно «литературные методы», обращенные строго индивидуально, к душе каждого, поэтому самое время для тоста «За себя!»

Анна: Так... не за Родину? Даже не за Сталина?

Ирина Анатольевна: Нет, исключительно за себя-любимых! Пусть нам будет хорошо!

Нет, чего не пьем-то? Опять будем решать проблемы за уголовников? Вам не надоело? Все шакалят какие-то *личные интересы* в этой сложной ситуации, которую намеренно создают, а нам теперь все бросить? Вот эту копченую грудинку я сейчас брошу, да? Вот этот рулетик я отставляю, чтоб типа «третьей мировой войны не было». Ага, щазз! Анна, выглянь наружу и гаркни им, что если немедленно не прекратят, то я таки вот все это брошу... ненадолго. Давай!

(Анна высовывается из окна и орет: «Убирайтесь отсюда вообще! Ну, и что, что не у машины? Вообще все валите отсюда! Иначе Ирина Анатольевна выйдут и покажут вам... чипа с дейлом... Тикайте!»)

Анна: Все, Ирина Анатольевна! Все свалили! Наверно, денег побежали просить... за революцию, чи на революцию... кто за что подаст, одним словом.

Ирина Анатольевна: А чего они у нас под окнами торчали? Ждали, что мы их уговаривать будем! Бросим буженину — и пойдем их уговаривать, они после скажут, будто сами все придумали. В управлении у нас главное что?

Анна: Что?

Ирина Анатольевна: Прогнозирование! А вы эти морды во дворе видали? Хоть с вашей, хоть нашей стороны? Там хоть что-то на них написано из области прогнозирования? Там, кроме фингалов и царапок, можно прочесть что угодно, кроме того, что человек получил запланированный и рассчитанный результат. С такими бессмысленно обсуждать дальнейшее.

Натали: А они рассчитывают!..

Ирина Анатольевна: Да, их единственный прогноз состоял в том, что мы будем грузиться проблемами, как будто нам за это платят. Подлый расчет на нашу порядочность! Извините, но все происходящее надо воспринимать с долей здравого *эгоизма*, а в такие моменты — самое время подумать *о себе*. Наливай, Анюта! За прогнозирование результатов!

Натали: Нас, кстати, именно от этих дум отучают — чисто на совковый манер. Простите, весь этот внезапный «кризис власти» с требованием неких «свобод» на Украине — ведь тоже произошел из спекулятивного расчета, что нам причинят душевную боль, которая для большинства нормальных людей тут же формализуется на макроуровне — как «Прежде думай о Родине, а потом о себе!»

Аделаида: Это немножко не тот плебейский «патриотизм», над которым привыкли фыркать в столицах. Там такое уже не воспринимается, причем, именно на государственном уровне. Иначе, простите, не было бы столько шума по поводу счетов и собственности за границей.

Анна: Меня тоже удивляет этот инфантилизм взрослых мужчин, дорвавшихся до власти. Никакой ответственности! И при этом наглый расчет, что *это мы* должны проникнуться государственными интересами. Им такое уже не грозит.

Вот у нас Виктор Янукович!.. Сидит сейчас, наверно, где-то на сеновале с салом и горилкой и читает ваш роман про девочку, за которой ходят два самурая... [Повелительницу снов](#)! Это же такая штука бесподобная!

Аделаида: А он у вас умеет читать?

Анна: Не уверена! Во всяком случае, душечка моя, в суде присягать не стану. За Ирину Анатольевну всегда присягну, если еще кто не понял, что надо не Майданы, Манежные и Болотные развадить, а все же читать русского писателя... а за нашего Витьку, не могу сказать точно. Но мне кажется, что фильмы с Дедюховой он смотрел.

Натали: Давайте для фона поставим [фильм «Самурай»](#), где вы, Ирина Анатольевна, так хорошо рассказываете о том, как надо побеждать.

Аделаида: Да, я тоже очень люблю фильм про самураев, Акиро Куросаву!.. Просим-просим! Там в конце поет Сергей Лебедев такую замечательную песню про простых русских самураев, каждый раз восторгаюсь! Сразу надежда появляется, что как бы ни было плохо, а появится простой самурай, который все сделает по совести и по чести.

Аделаида: Так вы, Ирина Анатольевна, говорите, что нам надо думать о себе? И это — полностью соответствует литературным методам? Но как только подумаю о себе, так только расстраиваюсь и стараюсь переключиться на более приятные вещи.

Натали: Ирина Анатольевна и говорила, что от нас никто не ожидает, что мы начнем думать о себе, да? Они все рассчитывают, что раз нам создали такие невыносимые условия бытия, то мы теперь будем думать только о тех проблемах, которые нам создали на ровном месте и искусственно

Ирина Анатольевна: Да, так и есть! Они выставили совершенно дикие проблемы, чтобы мы так и не задумались над своими исконными интересами. Чисто искусственным барьером! Натали абсолютно права!

Анна: И никогда нельзя делать именно то, что от нас ожидают...

Ирина Анатольевна: Конечно! Это вообще закон литературы!

Аделаида: Иначе «никто не прочтет и десяти страниц «Тихого Дона»», да?

Ирина Анатольевна: Умница! Живой человек — сложная система, всегда поступает несколько... неожиданно. Как раз выстраивание чужих поступков в схему понятных клише — говорит о том, что мы имеем дело с... *детективой*! С заранее продуманным преступлением.

Анна: Правильно! Ведь главная загадка Майдана — [кто устроил бойню на Институтской!](#)

Ирина Анатольевна: Здесь я открою один маленький секрет! Почему всем нравятся детективы Агаты Кристи, а детективы ее последовательниц на русском — надоели? А потому что у Агаты Кристи мы видим обычные человеческие мотивы, без занудных нотаций про «плохо/хорошо».

Натали: Я так люблю детективы! Я даже детективы Александры Марининой читала... Хотя это чтение здорово сушило мозги какими-то суконными фразами и нелогичными построениями.

Аделаида: А потому наши писатели привыкли со времен «партийности в литературе» — подводить свои неестественные обоснования поступков! Люди получают неживыми, образы не лепятся, думаешь над этим, тратишь душевные силы... Так и получается, что за автора образы достраиваешь, а в результате получается какая-то чушь.

Ирина Анатольевна: Надо отметить, что «партийность в литературе» — это спекуляция на огромной любви к Родине нашего читателя — плюс неправильно понятый принцип соборности, отраженный в русской литературе, который все успевают хватануть еще в средней школе. С точки зрения «партийности в литературе» — этот принцип соборности выворачивается наизнанку! Не человек приводит свою душу в согласие с общественными устоями, а якобы он просто — «клеимит все общество».

Анна: О, я как вспомню наши школьные сочинения... Я же до вас была искренне уверена, что русскую литературу какие-то гады писали! Прошу всех меня простить! Но откладываешь это сочинение, тянешь из последних сил... А заклеить-то надо! Причем... по тем случаям, когда внутри тебя одна мысль: «А в чем общество виновато, если писатель взял в герои такого урод?»

Ирина Анатольевна: Заклеить кого-то или вообще всех сразу — это площадной подход, он к литературным методам не имеет никакого отношения! Вспомните «Преступление и наказание»! Там ведь Сонечка просила Раскольникова — упасть на колени и попросить прощения перед всем народом. А когда Раскольникову снился ужасный сон про лошадь, которой на самом деле была его загнанная душа, — он тоже все видел на площади, при скоплении народа.

Клеймить «все общество» у него было морального права и до убийства. А уж само убийство лишь показало, что он убил и самого себя.

Не зря свою общественную деятельность Раскольников в «демократической традиции» — не видит в разрыве от преступления. Убийство старухи-ростовщицы им видится как банальная

проверка, сможет ли он и дальше — выходить на площадь, например, и клеймить всех подряд? Это же отсюда — «тварь ли я дрожащая или право имею?».



Фотография с закрытия Олимпиады в Сочи

Натали: Вот и замечательно! Смотрим ваш актуальный сегодня фильм по Толстого и Достоевского, потому что вы всех зажгли своими литературными методами!

Аделаида: У Агаты Кристи «Преступление и наказание» — вряд ли натянулось бы на повестушку. Просто был бы рассказик на три странички. В конце Эркюль Пуаро выяснил бы, что старуху топором пришила ее немая сестра, а ту — прикончил... цирковой карлик. История сразу же обрела бы глубину и намного бОльший читательский интерес.

Натали: Как вы, душенька, проехали на воронях по моей любимой Агате! У вашего Конан Дойля Раскольников бы пошел на старушку не с топором, а с двумя таблетками.

Аделаида: Я сержусь не на Агату Кристи, дорогая Натали. Вижу, что действительно нужен человек масштаба Ирины Анатольевны, чтобы «на новом этапе развития общества» (как раньше писали в газетах) — растолковать нам русскую классику. На днях, наконец, закончилось «болотное дело», а в майданный разгул неоднократно пытались поднять волну в защиту этих барашков на заклание.

Анна: Но... когда эти люди шли за политическими авантюристами типа Навального, Собчак и прочих, они должны были понимать главное: своей публичной выходкой они шли давить на общественное мнение и затыкать рты тем, кому есть чего сказать. Шли «клеить все общество»...

Аделаида: «Раскрывать глаза народу» и «клеить все общество» — две вишенки с одной вишни. И поступать так могут лишь молодые, дурно воспитанные, манипулируемые люди, которые, как и Раскольников, только ломают при этом себе жизнь.

Натали: Прежде всего, они шли затыкать рты провинции — то есть всей России! Пользуясь своим ПМЖ, они решили влезть на место «народных трибунов». Но и в Древнем Риме народных трибунов выбирали, и отнюдь не по принципу близости проживания к форуму. А когда таким образом обращаются за справедливостью — то и прилететь может. Но чего потом просить народ сказать свое слово, если само сборище на Болотной устраивалось для того, чтобы мнение народа игнорировать? Как-то нелогично получается!

Анна: Поперлись туда — вопреки мнению народа, ни один действительно необходимый лозунг не озвучили, но пожелали возле перевернутых биотуалетов внести изменения в Конституцию. И типа «даже в голову никому не пришло», что всяких Ксюшек и Навальных — намеренно не пустили туда этими театрализованными обысками.

Натали: Все «протестующие» мск выглядят до такой степени тупыми баранами, что даже не в мыслях не возникает, как выглядит послабление от прокуратуры Алексею Навальному, выпущенному после обвинительного приговора суда. В особенности, когда это все происходит в то же самое время с заключением под стражу Павла Дмитриченко!



Аделаида: Но, наверное, здесь проблема в утрате совести, в привычке совершать бесстыдные поступки. И нам представляется отличный случай убедиться в том, что если человек убирает нравственные критерии оценки собственных поступков, то ума там уже не встретишь. Ум и требуется для формализации действий по четким критериям. А когда идет уголовная вседозволенность, подкрепленная уверенностью, что в любой момент можно поменять «правила игры» — там разум засыпает и рождает чудовищ, которых рисовал еще Гойя.

Ирина Анатольевна: Собственно, и пробуждает разум — именно совесть! На этом наши политические авантюристы привыкли спекулировать, не совсем понимая, что отсутствие совести в них самих — выдает их с головой. У нас в России таким «моментом истины» стало спекулятивное дело «пущи», режиссеры-постановщики которого не учли того, что любой посторонний человек будет оценивать это публичное действо именно с нравственных критериев.

Ну, здесь логика их вполне понятна! Если им совесть не нужна в условиях, когда им не приходится задумываться о хлебе насущном, если они могут безнаказанно творить, что попало, — то они понимают, что в тех условиях, в которых живет подавляющая часть сограждан, они бы превратились в деклассированные элементы и уголовных шестерок. То есть они чисто логически считают, что в худших материальных условиях люди не могут проявить нравственность, они раньше их откажутся от совести.

Спасибо, дамы, за хлеб-соль, за ваши теплые слова! Но... после всего уж, что мне наговорили до вас, чего наделали и как только в душу не наплевали... я теперь навсегда останусь скромным человеком!

Не надо возражать! Это к лучшему! Мы еще не раз встретимся с вами за нашим столом — места на всех хватит, а куда ехать — тоже все знают.

Анна: Ну, опять все тихо! Но я эти наши разговоры отлично помню! Ваш рассказ, когда вы в пять лет украли пластмассовую туфлю и нашли себе оправдание в духе нашего времени: «У меня не было другого выхода»!

Ирина Анатольевна: А других объяснений и не будет! Я потому детективы не пишу, потому что это очень скучно! Одна у всех мотивация! Это же не Раскольников, который с ужасом осознает, какой чудесный выход у него был! Никому не гадить в душу, не убивать, не навязываться, а делать то, что можешь!

Натали: И как это объяснить?

Ирина Анатольевна: Никому ничего не надо объяснять! Люди уже рождаются с подробным объяснением на любой случай — с совестью. И если они ее решают убить, как убивал Раскольников во сне свою совесть в образе заезженной клячи, — так что тут можно объяснить? Человек по своей природе — нравственное существо! Ему свыше дана нравственность!

Аделаида: Вы в этом уверены? Как мне бы хотелось так же верить!

Анна: И мне!

Натали: И мне!



Уильям Блейк. Наказание за богохульство

Ирина Анатольевна: Это закон эпического жанра! Верите вы или нет, но рядом все равно будет человек, на которого можно надеяться. Вот, посмотрите, какой мужчина выявился среди этого украинского бардака!

Наталья: Причем, все соратники боксера Кличко лгут, будто у него охрана. Нет, он держится замечательно! Он говорит разумные вещи! И нашим депутатам надо поддержать своего коллегу!

Ирина Анатольевна: Ничего не зависит от его партийной принадлежности! Мы видим человека! Конечно, нам тут же бросятся доказывать, какой он — плохой, а все вокруг — «прогрессивные». А при этом... нам надо подумать о себе! А то многие сейчас думают за других, когда те в идиотскую ситуацию попадают. Но они с нами не советовались, верно? Вот пускай и сейчас за советами не лезут.

Девочки в красном пальто



Это было тогда, наверно, наивно. По крайней мере, никто сейчас не может утверждать «народ сам этого захотел».

А в марте 2014 года тенденции возвращения в Россию, что не стать объектом бессовестных манипуляций вроде всяких «майданов», на Юго-Востоке приняли очертания всенародного референдума. Его оттянули в Донбассе, а в Крыму провели. Продемонстрировав этим, как на самом деле относятся к чаяниям расчлененного народа.

И те не менее, женское начало, женское стремление к упорядоченности бытия и чисто женские методы манипуляций, каким-то образом одерживали победу «в этом мире

бушующем».

Конечно, здесь нельзя не вспомнить выступление фигуристки Лимницкой в красном пальто, которое открывало целую серию женских образов в прокуратуре и японском аниме... Но, признаться, все это точно било по самому больному и сокровенному.

* * *

Ирина Анатольевна: Натали, опять у вас глаза на мокром месте и носом шмыгаете. По какому поводу очередной приступ сентиментальности? И картинки с грустными детьми... Прекрасный век, когда утонченная чувствительность дам еще не вошла в моду и не стала позой кривляк с глупым презрительным выражением... Итак, что станем сегодня оплакивать? Или кого? Предупреждаю, рыдать буду только под коньяк и только до десяти!

Натали: Девочка... девочка... в красном пальто...

Ирина Анатольевна: Ну-ну, дорогуша, возьмите носовой платочек... успокойтесь... Какая девочка? Какое пальто? О чем вы?

Натали: Ах, Ирина Анатольевна, вы ж помните со времен показа съездов партии, как тетеньки в зале смахивали слезу во время выступления пионеров. Вот и я нынче стала сентиментальной до безобразия. Посмотрела на олимпимаде выступление Юлии Липницкой, глаза увлажнились. Потом помните, [был скандал с Шендеровичем](#)? Возмутил он (и Шендерович, и скандал) меня невероятно. Но в большей степени, конечно же меня заинтересовал необычный костюм спортсменки. Девочка она... ещё подросток, а платье красное с черными подпалинами. Непонятно...



Джон Эверетт Милле *My First Sermon* 1864



Джон Эверетт Милле *My Second Sermon* 1864

Ирина Анатольевна: Что непонятно? В фигурном катании выступают в весьма ярких, броских нарядах. Девушка на льду смотрелась весьма эффектно. Хрупкая, трогательная...

Натали: Нет, в том то и дело, что костюм не производил впечатления чего-то яркого и радостного. А в заметках о фигуристке появилось словосочетание «девочка в красном пальто» и рассказ, откуда спортсменка взяла этот образ.

Аделаида: Так откуда?

Ирина Анатольевна: Лучше не спрашивайте, Аделаида, у меня на вас второго запасного платка нет! Впрочем, если Натали начала объяснять, то все это, пожалуй, бессмысленно... Угощайтесь салфетками!

Натали: Боюсь даже сказать. Ирина Анатольевна не рекомендовали интересоваться этим фильмом, ...и весьма настоятельно...

Аделаида: Каким же?

Натали: «Списком Шиндлера»...

Аделаида: Ах!..

Ирина Анатольевна: Ну, я вас предупреждала! Держите салфетки. Ну-ну, довольно, голубушки, хватит уже, не ревите. Да, смотрите вы, чего хотите, что вашей душеньке будет угодно, раз себя нисколько не жалко, только успокойтесь. Так что там с нашей юной спортсменкой, Натали? Она также плачет?



Натали: Кажется, не плачет. Но, похоже, просмотр фильма не прошел для неё даром. Если верить тому, что пишут в сети, на Юлю Липницкую произвел впечатление образ девочки в красном пальто. Единственное цветное пятно в самом дорогом за историю кинематографа черно-белом фильме.

Аделаида: Какой-то старый хрестоматийный прием, который придумал ещё Эйзенштейн, раскрасив вручную алым флаг в одном из лучших фильмов всех времен и народов «Броненосец Потемкин». Бедная крошка...

Натали: Некоторые вещи, дорогая Аделаида, ничуть не меняются с течением времени. Видите, как хорошо работают хорошо придуманные вещи...

Ирина Анатольевна: Да-да, так и бьют в поддых сапогом... У всех есть дети, а у меня еще и внучка того же возраста. Это просто мучительно смотреть. Какой бы невыносимой душевно эта сцена не была, но это не искусство. Мы не можем ничем ей помочь, это... сцена из разряда «от нас ничего не зависит». Осуждать подобное зверство показным образом, как это нынче принято, могут лишь люди — для которых в подобном издевательстве над ближним — кроется какой-то выбор! Но для нормального человека его нет и быть не может. Значит, это не искусство. Единственный художественный прием здесь — то что сцена снята «взглядом со стороны», а камера следит за последними шагами этой девочки. Нет, все равно это ни капли не искусство. А над любой женщиной, которая и сама была девочкой...

просто издевательство какое-то.

Аделаида: А что за девочка?

Натали: Девочка из Варшавского гетто, которую случайно увидел Шиндлер, когда там происходили массовые расстрелы и аресты.

Потом он увидел её погибшей, что и подтолкнуло его к решению спасти жителей гетто.

Аделаида: Это действительно страшные вещи, Натали... Так горько вспоминать эти страницы истории. Особенно мучительно слышать о детских трагических судьбах. Для женского сердца это рвущая тема. После этого для меня надолго теряет смысл даже музыка.

Натали: Ну, не только для женского. Дети тоже очень болезненно воспринимают такие ужасы.



Василий Суриков. Девочка в красном платье.



Юлия Липницкая

История девочки в красном пальто – отнюдь не изобретение Стивена Спилберга (Steven Spielberg); в основу одной из ключевых сцен фильма легли сразу несколько историй времен Второй мировой. Частью исходных материалов Стивен Спилберг обязан актрисе и писательнице Роме Лигоцка (Roma Ligocka), двоюродной сестре режиссера Романа Полански (Roman Polanski). Когда-то ей самой пришлось пройти через ужасы гетто; она, однако, сумела не только выжить в этом кошмаре, но еще и найти в себе мужество описать пережитое в биографическом труде «Девочка в красном пальто».

Сейчас, через 20 лет после выхода фильма, Оливия превратилась из маленькой девочки в молодую женщину; пережитое на съемках, однако, она помнит по сей день. Интересно, что в свое время на свой актерский дебют Оливия отреагировала достаточно неоднозначно – впервые увидеть себя на киноэкране она смогла лишь в 11 лет, и увиденное её просто-напросто шокировало.

Родители и близкие пытались было объяснить Оливии суть показанного в фильме и показать всю важность кропотливого восстановления самых жутких воспоминаний той эпохи; девочка, однако, в свои 11 лет в полной мере воспринять услышанное явно не могла. Смесь ужаса, отвращения и стыда, испытанные Оливией при просмотре «Списка Шиндлера», окончательно оставили её лишь к 18 годам – лишь тогда Дабровска сумела в полной мере оценить картину и осознать важность доставшегося ей образа. Режиссер фильма Стивен Спилберг подобный исход, кстати, предусмотрел – в своё время он настоятельно рекомендовал Оливии воздержаться от просмотра картины по крайней мере до 18 лет.

Не знаю, когда, в каком возрасте, наша фигуристка увидела этот фильм, надеюсь, будучи постарше. Как рассказывают опять же в сети, сделать номер на музыку из фильма и об этой девочке Юля решила сама. Мы можем только догадываться, почему так близко к сердцу принимают этот образ современные дети.

Аделаида: Наверное потому, что испытывают чувство жалости. Это же так естественно. Не хотите же вы сказать, что дети неосознанно примеривают на себя тот образ, понимая через что им придется пройти? Ой, что-то мне тоже плохоело...

Натали: Не знаю, не знаю... Насколько могу судить по имеющемуся уже жизненному опыту, у детей есть защитный механизм. То, что они не готовы принять в силу сложности или болезненности, пропускается мимо сознания. По крайней мере, у многих.

Аделаида: Неужели? Хотя что-то такое припоминаю

Натали: Может, это касалось только нашего благополучного детства, когда ужасы войны до младшего поколения доносили в «щадящем режиме»? В плохое не верилось, а если приходилось, то натуралистические детали опускались (это я про фильмы, книги, рассказы взрослых).



Ирина Анатольевна: Я как-то [описывала фестиваль театров](#), где играли дети. Там была пьеса, посвященная Янушу Кочаку. Дети играли эсэсовцев, их жертв... пытались это все изобразить. С молодым человеком, лет 16-ти, изображавшего «белокурую бестию», патологического злодея — после спектакля случилась истерика. Мне тогда подумалось, что подобные «драматургические произведения» — с открытым нравоучением на неприличную и немыслимую для нормального человека тему — никого ничему не учат.

У нас на том фестивале был спектакль по моей пьесе [«Звезды над Иссык-Кулем»](#), с большим количеством песен. История о подростках, чья юность совпала с началом «нулевых». Тоже непростое время, когда люди как-то пытались адаптироваться после кошмара 90-х. Дети из других театров, публика — воспринимали все очень живо и тепло. Все ребята постарались посмотреть спектакль по два раза. Странно, я даже слышала, как люди покупали билеты «На Дедюхову!» Впрочем, в первый и последний раз.

Жюри устроило настоящий спектакль в зале, взрослые люди вели себя подчеркнуто развязно, не обращая внимания, что вообще-то на сцене играют дети. Лучше бы мне все высказали... Ах, да! Все же сказали!

Смешной мюзикл с лихо закрученным сюжетом — может написать каждый! А надо, чтобы пьеса воспитывала!

Но зал, хоть и получился «вязким» и враждебным, под конец заразился нашим весельем. И там была последняя песня, воспринимавшая уже почти благожелательно. Все герои выходят с поклонами и поют.

*Однажды я заснул у батареи
В подъезде на четвертом этаже.
Мне снился сон, что стали все добрее,
И трудности закончились уже.*

*Правительство блюдет о нас заботу,
Во всех киношках — дармовой сеанс,
А мама у меня нашла работу,
И ей тот час же выдали аванс.*

И т.д. и т.п. Как это примерно выглядело, можно посмотреть [на любительской съемке. Или почитать](#). Неважно.

Но как-то состав жюри и те руководители театров, которые *договорились заранее* о распределении мест и наградах, не учитывая, что наш спектакль был самым интересным и действительно театральным... включились в не слишком красивую игру. Они начали какие-то дикие нападки на весь наш коллектив, запретили детям общаться с нами. А ведь фестиваль — это место общения.

Дети были вынуждены тайком, незаметно — как-то давать понять, что им очень понравилось наше представление. Мы обедали все вместе, поэтому столкновения были... И я обратила внимание, как вели себя дети, изображавшие ненависть к фашизму на сцене, доводя себя до истерики. Молодой человек, игравший эсесовца, как бы из негодования плеснул на мою маленькую Полину (ей тогда было 6 лет) — горячий кисель. Наверно, тоже считал, что борется за чистоту театрального искусства, как некогда его персонаж боролся за чистоту арийской расы.

И вряд ли у него на материале их спектакля возникло какое-то душевное движение... что ли. Не говоря уж о воспитании. Что это за «воспитание» — плескать в девочек киселем?

Он отлично знал, что его подобное не коснется, а сам материал изначально убедил, что раз он родился после войны — нравственный выбор можно не делать, а довольствоваться тем выбором, который приняло жюри вместе с подхалимами. Раз он играл эсесовца, корча зловредные рожицы и брызгая слюной в зал, с явным удовольствием выкидывая руку в «зиге» — так уж точно не фашист, а просто пример для подражания.

На уровне Шендеровича! Тот тоже убежден, что его национальность — гарантирует его самого от любого «фашизма», что бы он не заявил, как бы ни кривлялся. Но и урожденный «антифашизм», как видим, никого не гарантирует от бескультурия, хамства, уголовки... чем, по сути, и является любой «изым», за которым трусы прячут безнравственность.

Как ни странно, но в истории девочки в красном пальто — единственный отблеск настоящего искусства, когда юная актриса Оливия Дабровска признается, что долго не видела этот фильм и не могла его принять до 18-ти лет. Совершенно не согласна с ее родителями, своих дочек ни за что бы не пустила играть такое... но сразу подумала о ней: «Какая хорошая добрая девочка!»

Натали: Не знаю, не претендую на верность моего суждения, но мне кажется, что в образе «девочки в красном пальто» Юлю, прежде всего, поразило вот это состояние беззащитности слабого существа перед давящим кошмаром той действительности. Похожее чувство беззащитности уже в других обстоятельствах, естественно, (опять же, может быть) испытала она сама. И, именно поэтому, образ маленькой девочки так её поразила, нашел живой отклик в её душе. Не покидает меня ощущение, что есть у нашей юной спортсменки опыт подобного переживания

Аделаида: С чего вы взяли, голубушка?

Натали: Всё в той же сети и от журналистов. Говорится, что они с мамой вдвоём, приехали в Москву (для продолжения занятий спортом на серьёзном уровне) на машине и даже какое-то время ночевали в ней, пока не устроились. Непростой, наверное, был период в жизни.

Ирина Анатольевна: Да, тяжело даются родителям и детям успешное будущее последних. Видела я в каком-то репортаже маму Юли. Худенькая уставшая женщина. Но образ девочки в красном пальто Юлия уже трактовала намного глубже! Это не просто оголенная детская беззащитность, это беззащитность и детства, и юности и женственности...

Натали: Вы помните, Ирина Анатольевна, я вам все досаждала, что спорт — это один из последних социальных лифтов и область деятельности, где можно добиться успеха, рассчитывая только на собственные данные и трудолюбие?

Ирина Анатольевна: Ещё бы не помнить. Вы, милочка, отличаетесь редким занудством. Как начинаете с чем-то носиться... Но должна вам заметить, что подобное имеет место и в балете, и в исполнительском искусстве. Там тоже приходится рассчитывать на собственные данные и трудолюбие.

Аделаида: А обратите внимание, Ирина Анатольевна, что в указанных вами областях сейчас творятся весьма странные вещи, необычные и нетривиальные скандалы, дело А.Рябова, скандал с Анжелиной Воронцовой.

Натали: Да, и даже вокруг Юли возник скандал, буквально «на ровном месте» и по противнейшему поводу.

Аделаида: Да, да. Я вот все в толк не возьму, а что этому Шендеровичу надо-то было? Зачем он, вообще, имя девочки произносил?



Мне очень нравится эта девочка на коньках. Очень! Но если бы вы знали, как нравился берлинцам летом 1936 года толкатель ядра Ханс Вельке, первый немецкий чемпион в легкой атлетике, улыбочивый парень, красавец, символизирующий молодость новой Германии!

Это же тот немец из-за которого сожгли Хатынь.

Натали: Не могу сказать, точнее, просто не хочу об этом и думать. Понятно, что тут какие-то свои игры и «разборки». Понравилось, что первыми возмутились мужчины, указав персонажу, что не типу с такой репутацией произносить своим грязным языком имя юной девушки. Ему было

сказано: «Матрац», - и всем все стало ясно и противно.

Ещё противнее было примитивное юление уже вполне взрослого «мальчика», который сказал вслух всем очевидную двусмысленность, а после того, как получил заслуженную оплеуху, начал глупо оправдываться: ведь, формально текст не является неприличным. Посмотрите каков.

Юлию Липницкую (перед которой меня настойчиво призывают извиниться за сравнение с солдатом вермахта, с которым я ее не сравнивал), — я назвал в том тексте гениальной красавицей. Могу, конечно, попросить за это прощения, фигня вопрос.

Затем совсем уж по-идиотски придумал звонок с оскорблениями в свой адрес, совершенно не соображая, что его слову никто не поверит уже без приведения доказательств.

Мне, «жидовской харе», грозят уголовщиной за оскорбление Юлии Липницкой, — еврейки, покорившей мир программой на музыку из фильма «Список Шиндлера».

Опять не пойму, зачем здесь говорить о национальности девочки? Уж если хотел об этом сказать, то надо было это делать в первом сравнении с немецким спортсменом, ставшим впоследствии карателем. Отчего в тот момент Шендерович не «помнил» о национальности, о музыкальной теме выступления фигуристки?

Аделаида: Что-то мне подсказывает, что он даже не удосужился эти вещи выяснить. А потом сам ошалел от такого ляпа.

Натали: Но самое омерзительное в этой истории, что такой мерзкий мужичонка посмел говорить о юной девушке (она же ещё ребенок). Это же почти «педофилия» какая-то. Фу!

Ирина Анатольевна: А, кстати, дамы надо бы эти эпизоды (с Анжелиной Воронцовой, делом Анатолия Рябова, Юлией Липницкой) как-то привести в систему, подойти к вопросу с научной точки зрения. Давайте определим значимые параметры.

Натали: Первое, это уже прозвучало, остались только несколько видов деятельности, где можно добиться успеха, опираясь на собственный талант и трудолюбие. Но здесь уже появились проблемы, связанные с отбором. Если в советские годы тем или иным образом расширяли исходную базу для отбора (ездили по стране, была сеть спортивных, музыкальных школ, престиж

профессий был огромен, соответственно и высокий ажиотаж вокруг них, все щедро финансировалось, короче, имелась массовость), критерии отбора были высоки. Понятно, что творческая и спортивные судьбы не бывают без проблем. Но выбивавшиеся наверх личности бесспорно обладали незаурядным потенциалом.



Ю.Липницкая и тренер Э.Туберидзе

Ирина Анатольевна: Сейчас ряд факторов уже отсутствует, зато появился новый — деньги, который отрезал пути очень многим. Учебные заведения и преподаватели теперь зависимы в большей степени не от конечного результата, а от оплаты самого процесса.

Аделаида: Ой, точно. Деньги всему виною. Посмотрите, что стало причиной дела Рябова. Это же был конфликт с родительницей, проталкивающей своего ребенка «по карьерной лестнице» всеми правдами и неправдами. Её цель — успех ребенка, а не занятие искусством.

Ирина Анатольевна: Потому, что успех потом монетизируется, а в момент обучения монетизируются труд преподавателя, который (труд) рассматривается такими особами, как услуги. Отсюда соответствующее отношение к педагогу — потребительское и допускающее любые формы давления (вобщем-то, уже уголовные).

Аделаида: А почему? Я же помню как и мы и наши родители благоговели перед учителями.

Ирина Анатольевна: Почему? Это теперь уже понятно многим. Потому что занятия такими видами искусства, как музыка или балет, где отсутствует языковой барьер, позволяют работать по всему миру (но, кстати, говорят, что наши здорово сбили оплату в этих профессиях). Ещё остались (пока) педагоги в этих сферах, которые в состоянии подготовить на высочайшем мировом уровне. Происходит хищническая эксплуатация когда-то созданных великих творческих школ.

Натали: Но отбор-отбор... Снижение уровня влечет неизбежное падение самих школ. И закладывает «мины замедленного действия» в судьбы учеников.

Аделаида: А, поняла. Это вы о конфликте вокруг Анжелины Воронцовой и интригах Ольги Смирновой.

Натали: Да, в истории с Анжелиной тоже присутствует мама. Ведь сейчас без непосредственного прямого участия родителей практически невозможно добиться серьёзных результатов. Вот на конкурсе звезды балета заприметили выдающуюся провинциальную девочку. Чем она замечательна? Потрясающими природными данными (технику-то ей пришлось серьёзно подтягивать в Москве). А почему в столичных училищах не было девочек с подобной фактурой? Все из-за упавшего интереса к жанру и изменения критериев отбора.

Ирина Анатольевна: Да ладно вам юлить, Натали, брать в учебные заведения предпочитают по-блату или за деньги. Правда зачем? Непонятно. Вот Алиса Хазанова и дочка Винокура столько времени и сил потратили. Но если не дано, то папа за тебя на сцене не прыгнет, хотя и будет стараться. Ни к чему хорошему такие вещи не приводят, только провоцируют уголовщину.

Натали: Да, а потом по стране бегают, ищут действительно талантливое, но предпочитают брать почти готовое, чтобы позже эксплуатировать юное дарование. Анжелина после переезда из Воронежа, ещё учась в Московском училище, уже танцевала в театре Станиславского заглавные партии, а поскольку она там была оформлена в самом минимальном статусе, то и не получала за выход адекватной оплаты.

*А. Воронцова и Н. Цискаридзе*

Аделаида: А мне хочется про маму её сказать. Маме Анжелины карьера дочери досталась, явно, не просто. Пришлось оставить сестру Анжелины в Воронеже с бабушкой, сменить место жительства и работу. Потом за оказанную «помощь» она выслушала столько попреков. Можно подумать за неё работали. По рассказам Анжелины, пока она училась в училище, они еле-еле концы с концами сводили.

Ирина Анатольевна: Да ещё попробуй оставь дочь одну при тех нравах, которые провоцировал Филин в труппе.

Разве можно человеку с такою репутацией доверять? Тут и до педофилии недалеко...

Натали: Которую, однако, приписали совсем другому человеку, ...весьма пожилому. Это ж надо до такого додуматься? (Я про дело Рябова, конечно).

Самое чудовищное, что в такую грязь, как травля преподавателя, родную дочь втравила родная же мама. Это ж какая была мотивация, какие амбиции, что женщина практически сама занималась растлением своей девочки. Это же какое непонимание той деятельности, в которую с такими жертвами пропихивается ребенок. Там же, чтобы достичь высот надобна душа, и душа высокая...

Ирина Анатольевна: Ага-ага, жаждущая высоты, а не величия...

Натали: Ну да, ну да, вы правы Ирина Анатольевна. Погорячилась я, кажется. Сейчас эта деятельность свелась чуть ли не к дрессуре. Техника есть, а понимание не значительно.

Да я и сама (особенно в частной переписке) стенала, что такое усиленное раннее профориентирование негативно, особенно сейчас, когда снижена роль специалистов и слишком многое в процессе организации процесса обучения переложено на плечи мам. Не каждая к этому готова и способна выдержать.

*А. Рябов*

Ирина Анатольевна: Причем, это происходит за счет жизни мамы, и ладно только мамы, ущемляются интересы других членов семьи, другие дети. Все-таки воспитание незаурядных детей — это государственная задача. Как только эта сфера, что называется, «ушла в свободное плавание», так сразу выяснилось, что в искусстве у нас много талантливых детей у талантливых родителей. Причем, чем жанр менее трудозатратен, тем больше «династий». А зритель сидит и шалает, в очередной раз убеждаясь в правоте истины насколько ж «природа отдыхает на детях».

Натали: А ещё поражает почему у нас бешеные деньги идут на финансирование весьма взрослых людей и в те области, где как показывает практика достойные в состоянии делать карьеру и за рубежом. То есть деньги идут в театры и кинематограф. В результате идет конкуренция не за зрительское мнение, а за бюджетное финансирование, где «побеждают» по весьма мутным критериям.

Аделаида: А потом хамят зрителям, что те не доросли до понимания чего-то там и посылают публику «учиться, учиться и учиться...» Прямо, как юные ленинцы.

Натали: Отсюда вывод, если государство и должно что-то финансировать, то в первую очередь лучшие преподавательские коллективы, сумевшие сформировать и сохранить высокий уровень, свою школу. Где бы педагог не выступал в роли прислуги у ошалевших нуворишей, а имел возможность найти и воспитать настоящие таланты, чтобы сохранить и преумножить своё искусство.

Ведь, это огромное счастье иметь возможность так говорить о своих учениках.



А. Воронцова и Д. Родькин

Что касается Анжелины, то она регулярно приглашает меня на свои репетиции, я посещаю почти все ее выступления. С моей точки зрения, в этом поколении нет танцовщицы более талантливой и красивой, чем она. То, как повел себя Большой театр в последний год с этой уникальной девочкой, — позор. А то, что Большой театр оставил себе взамен Воронцовой, просто смешно обсуждать. Я не стесняюсь этого мнения и всегда буду говорить так.

Анжелина с самого начала была экстраординарным ребенком.

Что ни делали, как ни уговаривали, но ни Анжелина, ни Денис меня не предали. Они лучшее, что есть на сегодняшний день в этом поколении по своему дарованию и экстерьеру. Я за них очень горд (Н.М.Цискаридзе)

Аделаида: Так, так. А что там о позоре?

Ирина Анатольевна: Ну, позор, когда построение карьеры идет по «трупам» конкуренток, с использованием интриг и через «странные» отношения с руководством, после которых у руководства начинается «потеря лица» и какие-то проблемы со здоровьем.

Натали: А все почему? Потому что столько лет трудившись (много, много), отдав столько сил, так стремясь к успеху, рассчитывая на первенство, выясняется, что вот в чем-то природа-матушка к тебе поскупилась. Были бы другие времена и критерии, то девочка Оля Смирнова могла и не попасть в хореографическое училище или была бы там, где с её данными естественнее было бы находиться — на втором плане. А здесь все было хорошо, и вдруг — какая-то провинциалка! Все мечты порушены... А потом появился добрый дядя, который так легко поддается на очарование юности...

Аделаида: Тьфу-тьфу, прости Господи, при такой разнице в возрасте — почти педофилия какая-то...

Ирина Анатольевна: Ладно, оставим. Вернемся к нашему анализу. Что там получается?

Натали: Что получается? Получается то, что в тех областях (даже зависящих от приобретения сложных навыков с малых лет), где снижаются внешние критерии оценки, и основной параметр — финансирование - помимо влияния основного потребителя продукта. Даже там начинается резкое падение уровня и на суд зрителей предлагается не балет, а уголовщина и суд. Короче, безобразие начинается.

Аделаида: А в спорте, хотя там тоже не без всякого (идеализировать не будем), но наличие в большей степени объективного судейства позволяет поддержать приемлемый уровень приличия.

Натали: Но, как только туда сует свое рыльце какая-нибудь особь с замашками шоубизнеса, так тоже начинаются скандалы и проблемы со здоровьем. И неприличность ситуации, а особенно дальнейшего поведения, так видна на фоне детей. Вот не стыдно мужику?...

Аделаида: Хочется сказать, что достойных мужчин, все-таки больше. С Юлей работал замечательный Илья Авербух, который поставил ей эту так поразившую всех произвольную программу.



По словам тренера, когда Юлия впервые сказала о том, что хочет выступать под эту музыку, она попыталась ее отговорить. Более того, по словам Тутберидзе, несколько постановщиков отказались от этой затеи, и только знаменитый фигурист еврейского происхождения Илья Авербух решился на постановку танца.

Еврейская тематика и еврейская команда чемпионки уже породили многочисленные страстные споры в социальных сетях о

национальности Юлии.

«Юля не еврейка, это был просто танец и ничего другого. Я не хотел подходить к постановке этого танца стандартно, не хотел заламывания рук, нарочитых страданий. Мне важно было поставить в танце тихий приглушенный рассказ девушки о самой себе, о своем стремлении жить», — подытожил эти споры автор ее композиции Илья Авербух.

Ирина Анатольевна: Ну вот, замечательно, что постановщик оказался мудрым и сделал такую трактовку образа, в большей степени отвечающей возрасту и ощущениям исполнительницы.

Натали: Да, именно поэтому я тут и рыдала. Поскольку получилось маленькое произведение искусства, где сошлись дарования и искренние устремления стольких талантливых людей.



William McGregor Paxton. Cherryor
The Gay Nineties.1906

Ирина Анатольевна: А говорят, что в балете проблема с постановщиками... Они, вон, все ушли в другие области — туда, где ещё востребованы подлинные ценности и (не побоюсь этого слова) искусство.

Аделаида: Ну, а мне больше нравится счастливое лицо девочки, у которой, надеюсь, все будет замечательно. И мама ей поможет.

Ирина Анатольевна: Да, такой образ гораздо органичнее для юной особы. Тут и характер уже чувствуется. Пожалуй, с возрастом ей станет ближе вот такое самоощущение — очень уверенной в себе и достойной женщины...

Призывая Гарибальди



Заканчиваю этот обзор дамских посиделок разговором, состоявшимся после посещения Аделаидой Новой Оперы. Аделаида кроме своего инженерного образования имеет и музыкальное. В опере ее нельзя не заметить, поэтому публика, заметив статную блондинку, поневоле старается приосаниться и проникнуться духом эпического музыкального произведения.

И если я (признаюсь) приложила немало усилий, чтобы сподвигнуть Ирину Анатольевну лично заняться «кислотной атакой» в Большом театре, то главной заслугой Аделаиды является включение в программу вебинаров

оперных вечеров. Это каждый раз незабываемое впечатление... И такое можно пережить лишь в Интернете. Посетить с Дедюховой оперу, обсуждая постановку и исполнение, сюжет и идеи произведения – это настоящая фантастика, в отличие от вязкого сыра «Хохланд».

А все началось с таких скромных оперных зарисовок.

* * *



О. Борани «Швеи красных рубашек» 1863 г

Ирина Анатольевна: Душечка, что это у вас тут творится? Иголки, нитки, куски алого кумача?.. А, это не кумач? Так, что же? Ах, фланель? Надо же! Как известно, определенным категориям граждан фланель или ситчик без разницы, — лишь бы красненькое. Укоренившаяся склонность... так сказать.

Натали: Ах, Ирина Анатольевна, с чего вдруг такое пренебрежение к исконным женским занятиям? Совсем расслабились с китайским производителем. Забыли, что одной из основных дамских добродетелей было рукоделие?...

Ирина Анатольевна: Прямо так сразу и добродетелей? Шитье, кстати, относилось к серьезному ремеслу. А рукоделие — вязание и вышивка. На худой случай — штопка.

Натали: А как же?! Женщина хранительница домашнего очага, домашнего уюта, хозяйка. Как же без кройки и шитья? Помните, как Скарлетт О'Хара соорудила себе платье из оставшейся занавески? Она доставала мамины выкройки с чердака...

Ирина Анатольевна: Вот именно! Это такое насущное *занятие*, но не «рукоделие». Вы еще кулинарию к «рукоделию» отнесите. Ну, хорошо — убедили. Но кумач-то зачем?! Прямо, нечто революционное. Это что за куски — вы из них пионерские галстуки вырезать будете?

Натали: Это безобразие какое-то, Ирина Анатольевна, вы совсем забыли, как раскраивается блуза. Не видите разве — вот рукавчик, полочка, спинка? Что вы делали на уроках домоводства в школе?...

Ирина Анатольевна: Не напоминайте о страшном... А зачем вам, милочка, такая революционная кофточка нынче? На майдан собрались? Так там нынче больше красные рожи носят... маскхалаты, винтовки снайперские.

Натали: Ирина Анатольевна, это — «гарibaldiйка», знаменитая историческая блуза. Эпохи перемен сопровождаются возникновением новых модных тенденций. Во времена освобождения и объединения Италии Джузеппе Гарибальди задал тренд. Это именно он ввел в моду джинсы и алые блузы гарибальдийки. Его солдаты-добровольцы были одеты в рубашки, которые им шили дома мамы, бабушки, сестры, невесты. Потом, выражая одобрение и солидарность, этот вид одежды в свой гардероб включили дамы.

Ирина Анатольевна: Конечно же это самый женский способ включиться в революционную борьбу — новую блузочку нацепить. Н-да, не повезло Джузеппе со временем. Сейчас бы имел сеть бутиков по всем мировым столицам, бренды-тренды, модный дом, звание «революционного кутюрье»... Устраивал бы показы в Милане и Нью-Йорке и рассуждал бы о «революции в мире моды».



*Ritratto di Giuseppe
«Garibaldi», 1861*



Фаттори «Гарибальди в Палермо»



*Girolamo Induno
«Sentinella garibaldina»*

Натали: Похоже, вы правы. И я, после всех этих последних событий решила, что гарибальдикка будет смотреться вполне естественно... Пусть каждый понимает, как ему нравится. Главное, чтобы окружающие почувствовали мою готовность... поддержать все их лучшие стремления.

Ирина Анатольевна: Это похвально, Натали! Но не забывайте, что в Голландии есть улица, где дамы аналогичным цветом фонарей поддерживают в окружающих... гм... любую готовность к немедленным небольшим переменкам в жизни. Снижают пафос революционных стремлений, так сказать. Опошляют идею и все такое.

Аделаида: Добрый день! О, Натали, какую забавную красненькую кофточку вы кроите! В честь нынешних революций?

Ирина Анатольевна: Вообще-то на сосредоточенном личике нашей Натали рисуются куда более грандиозные задумки. Мне кажется, она решила закрепить за собой находки Джузеппе, раз он не догадался их запатентовать. Ой! Аделаида! В чем это вы? Как удар светофора... светофором...

Натали: Аделаида, вы ли это, голубушка? Что это на вас?...

Аделаида: На мне?... Вы ещё не видели моего нового пальто? Как оно вам нравится? Я как увидела в витрине этот отблеск мирового революционного пожара... так просто... ничего поделывать с собой не смогла. Думаю, что в каждой из нас где-то в глубине души остается своя «девочка в красном пальто».

Ирина Анатольевна: В детстве родители стремятся принарядить дочку поярче, не всегда считаясь с желанием ребенка. Все мы в девочках побывали в красных пальто поневоле. Но сохранить в себе подобную склонность до зрелого возраста удастся немногим. Ведь нынче это уже вызов! Это не трогательная беззащитность, а готовность... атаковать!

Вы меня просто огорчаете дамы... Максимум, что я в вас предполагала... ну, бирюзовое! Не думала, что весна на вас скажется такими революционными порывами.

Натали: Весна, опять же... не только к бирюзовенькому склоняет. Особенно, когда всю зиму оранжевыми флагами народ размахивал. Можно сказать, в нас это сказалось не в честь грядущих революций, в честь недавнего очередного «освобождения» и заодно «объединения»...



И. Е. Репин. Портрет баронессы В. И. Искуль фон Гильбенбандт. 1889 г

Аделаида: Ну, да! Лично мне просто захотелось ярких красок в жизни. Такая серость кругом! Как вы считаете, мне идет?

Натали: Покрутитесь перед зеркалом, радость моя. Так, ещё немного наклоните головку, а ножку — в сторону и слегка выворотню. Да-да, весьма и весьма неплохо. Вам к лицу, определенно. Подождите, я сейчас рукавчик наживлю, поясочек пришпилю и рядом с вами встану... Обалдеть!

Ирина Анатольевна: Ох, дамы, вы меня уморить хотите, столько красного цвета сразу... Так-так... я чего-то не знаю? Одна уже в красненькое обрядилась, другая — пыхтит и блузочку настрачивает. По какому случаю у нас очередное «рукоделие»? И, значит, не в пользу революций, а как бы в честь протекающих мимо «политических процессов». Признавайтесь, Аделаида, вы с какой стати себе такое пальто приобрели? Так ведь и Натали за собой куда-то хвостом подбили! Видно-видно по вашему горящему взору, что не терпится поделиться. Может, это я от жизни отстала, раз еще не «леди в красном»?..

Аделаида: Дамы, меня просто распирает от впечатлений. Вся в красном — я делаюсь такой впечатлительной! У меня ведь еще и перчатки красные, и сумочка... Ну, как вам? Догадались? Конечно, я только что после моей любимой «Новой Оперы»...

Ирина Анатольевна: Конечно же. Можно было и не спрашивать... Черное платье, все остальное — красное. Отлично гармонирует с афишей новой постановки «Набукко».

Аделаида: Ну а как же? Разве я могла пропустить дебют Бориса Стаценко в роли Набукко!?

Ну и естественно, как это у меня всегда бывает, и что мне кстати очень нравится, я ничего не читаю перед спектаклем. Помня напутствие профессора Преображенского не читать перед обедом советских газет, и вообще никаких не читать, раз читать нечего. Чистым, незапачканным чернилами листом явилась я на спектакль.

Опера «Набукко» была написана в 1841 году и поставлена на сцене Ла Скала в 1842. Третья из двадцати пяти опер, созданных Верди, в России эта опера была поставлена лишь в 1851 году в Петербурге, и с тех пор не возобновлялась на Мариинской сцене, а в Большом театре и вовсе до недавнего времени никогда не шла.

Быстренько пробежалась по программке, чтобы уяснить сюжетную линию... и началось действие. При прослушивании увертюры я поняла, что не все так плохо в моем образовании, музыка у меня на слуху, а отдельные фрагменты так вообще напеть смогу, но не буду, дабы вы не сделали вывода об игре оркестра на основании моего пения.

- Карузо, Карузо... слышал я вашего Карузо — ничего особенного.
- А где слышал? Так Сеня напел.



Натали: Ну, совсем уж ничего про Джузеппе Верди и его оперы — наше поколение не знать не может. Помните, замечательный сериал 1982 года «Жизнь Джузеппе Верди»?..

Саму оперу ни разу не видела, либретто читала... заранее понимая, что без каких-то серьезных тектонических сдвигов мы вряд ли сможем такое увидеть на отечественной сцене. И

Постановка оперы «Набукко»
в Большом театре (2001 г.)



действительно! Впервые эта опера, начинающаяся с молитвы израильтян, осаждаемых вавилонянами, была поставлена только в Большом театре в начале «нулевых, а затем — в 2003 году была поставлена в Татарском академическом государственном театре оперы и балета им. Мусы Джалиля. Причем, в Казани ставили оперу — самые настоящие итальянцы: режиссёр-постановщик — Дени Криеф, а музыкальной частью постановки руководил Марко Боэми... Так что же за впечатления можно вынести нынче из Новой Оперы в новом пальто?

Аделаида: [Вкратце сюжет](#), значит, такой:

авилонский царь Навуходоносор (Набукко),

приблизительно три тысячи лет назад, угнетает иудейский народ. Конечно вплетается и любовь и предательство и борьба за трон. Опера же. Любовь, комсомол и весна!

Натали: Не отвлекайтесь от темы, голубушка!

Аделаида: А я и не отвлекаюсь! Режиссер Андрей Жагарс после долгих творческих поисков и раздумий, как он сам описывает, решает перенести сюжет в 30-е годы XX столетия. Возможно, вспомнил комсомольскую юность, поэтому решил «не мудрствовать лукаво».

Возможно, историческая канва его несколько напрягала. И понять его можно! В ассирийско-авилонском искусстве почти нет изображений женщин, но немногие памятники дают нам возможность предположить, что по покрою женская одежда мало отличалась от мужской — женщины носили длинные рубашки с рукавами, сверх которых одевали покрывала-плащи. А в опере — есть два ярких женских персонажа, которые не должны сливаться с общей массой, прежде всего, внешне.



Андрейс Жагарс (латыш. Andrejs Žagars; 16 октября 1958, Черногорск) — советский и латвийский актёр, театральный режиссёр, ресторатор

Цари вавилонские изображались босыми или в простых кожаных сандалиях. Основная ткань, из которой делалась одежда в Ассирии-Вавилонии — это различные виды шерсти. Правда, само ткачество и украшение тканей вышивками достигли в этой стране высокой степени мастерства. Вышивка при этом Набукко явно не относилась к дамскому рукоделию. Одежда знатных лиц дополнялась украшениями из драгоценных металлов — серьгами, браслетами, кольцами, имевшими различное символическое значение. Простые по форме и тяжеловесные, с интересным орнаментом, изображавшим почти все светила и созвездия.

А вот из описаний женщин того времени до нас дошли только описания «блудниц вавилонянских», но очень расплывчато. Из Библии становится ясно, что они — «закрывали лица свои» и «усплаждали слух». Сложная, конечно, постановочная задача. Поэтому режиссер спектакля пишет:

Приступая к постановке «Набукко», я не хотел, чтобы зритель, придя на спектакль, увидел некую красивую вампуку, где солисты выходят в помпезных костюмах, машут веерами, поют и играют какие-то непонятные страсти. Я хочу вызвать у зрителя личные ассоциации, чтобы он был глубоко тронут этой историей и не ушел со спектакля равнодушным. Именно для этого мы старались приблизить сюжет оперы к конкретным историческим событиям.»

Надо сказать, что ему это удалось, личные ассоциации он вызвал, ведь 30-е годы нам еще довольно близки и каждый имеет собственное мнение об этом времени, не то, что о далеких эпохах правления вавилонских царей. Правда получилось несколько не так, как ему хотелось бы... мне так кажется... хотя кто их знает... этих режиссеров... или рестораторов... какая разница?

Древний вавилонянский костюм



Натали: Да разница уже ощущается существенной пропастью! Хочется прийти в театр, на оперу, вырваться из нашей рутины, окунуться в высокое искусство, увидеть необычное зрелище. И вот опять «режопера»... теперь уже со спекуляциями на недавней истории, которые и без того достали, когда с этим пристают лишь с одной гадкой ассоциацией: обвинить тебя, что ты-то живешь, а вот кто-то 70 лет назад страдал в Холокосте... Да, сколько можно?

И возникает подозрение, что на таких «личных ассоциациях» режиссер решил прокатиться просто потому, что слабо разбирается в историческом костюме, не может передать

историческую канву оперы! Но надо же и автора оперы хоть немного уважать, а не похлопывать по плечу! Раз Верди решил, что его музыка должна передать исторический антураж той эпохи, то зачем сюда наше-то больное приплетать?

Аделаида: Я с вами, милая моя, согласна. По моему мнению если героический эпос бездумно переносить в другое время, то получается фарс. Потому что, может быть иудейский народ три тысячи лет назад и сражался за свою независимость, — но как только с разницей в три тысячелетия примешали в легковесном, поверхностном «новом прочтении» нашу историю... да после «включили блендер», как говорит Ирина Анатольевна, — так все сразу стало фарсом.

Натали: А я буду настаивать, что подобные «новые прочтения» вытекают от посредственности самого режиссера, от полного отсутствия у него какого-то собственного уникального видения... из его профнепригодности, простите! Его задача — погрузить всех присутствующих — в историческую атмосферу, а не требовать от зрителя каких-то немедленных «нравственных выборов», никакого отношения не имеющих к происходящему на сцене.

Опера и так — очень условный жанр. Повсюду стараются придать зрелищность, масштабность... Создать красочное современное зрелище! [Дирижер Дмитрий Волосников ставит русскую оперу в исторической архитектурной среде](#), заставляя зрителя чувствовать какую-то причастность к нашей истинной истории. Он делился в интервью впечатлениями о постановках оперы «Аида» в Италии под открытым небом, где на сцене было настоящее озеро с макетами крокодилов. Музыка и действие захватывали с такой силой, что все чувствовали себя древними египтянами.

Постановка оперы «Набукко»



Вашингтон

Ирина Анатольевна: Все же... грубо олицетворять сюжет оперы с нашими нынешними заморочками... ей богу, не стоит. Согласна, режиссерскую культуру это явно характеризует не лучшим образом. Здесь ведь игнорируются и ассоциации автора! Опера «Набукко» была в свое время совершенно иной ассоциацией. Под «угнетенным еврейским народом», самим библейским антуражем сцен — и исполнителями, и слушателями подразумевалось совершенно иное!

Если взять и грубо переделать все сцены в русле нынешней политической конъюнктуры и обычных спекуляций на истории — сразу исчезает ее нравственный смысл! Простите, а почему тогда не выведены на сцену освободители того же Освенцима? Ведь нравственный смысл этой истории в том, что все «набуки» XX века потерпели сокрушительное поражение! Все униженные и оскорбленные были отомщены!

А, простите, нынче на сцене места настоящим героям не оказалось, то есть режиссерский замысел уничтожил их подвиг! Ведь ни в библейские времена, ни в современности времен Верди — такого и близко не было! Именно это, а не очередные «народные страдания» — является главным в истории минувшей войны. У нас здесь — не Германия, не Австрия. И нам нечего объяснять, что массовые убийства — зверства! Режиссеру надо все же не столь легковесно относиться к очередным историческим спекуляциям, у каждого зрителя в зале — имеются погибшие родственники. Ну, хоть в опере можно соблюдать грани приличия? Ведь речь-то уже идет об элементарном!

Хочу заметить, что начали перелицовывать «Набукко» под некую историю с украденной победой, без подвига и славы — с начала «нулевых». Возможно, в постановочных решениях Большого театра и была доля «оригинальности», когда ассирийцы молодецки «зиговали» на сцене. Тоже

ведь все это не от большой сценической культуры. Хотя... ведь здесь напрашивались современные ассоциации! Что, у нас мало кто сегодня полагается лишь на бога, зажатый в тиски материальных проблем, в полнейшем бесправии? Чего намекать на тридцатые годы XX века, где никто из исполнителей не жил? Можно, например, изобразить «угнетенный народ» какого-то крупного предприятия, осаждаемого полчищами рейдеров и коррумпированных чиновников...

Постановка оперы «Набукко» в Большом театре (2001 г.)



Если это не катит, так пусть у нас «угнетенный народ» населяет общежитие! Их тоже осаждают, они захватывают в плен дочку крупного чиновника, решившего присвоить участок земли в ближнем Подмосковье, а в разваливающееся общежитие рядом с почти уже его земельным участком — поселить согласных на все мигрантов. Да мало ли, кто у нас где нынче баррикадируется — с последней надеждой на бога?

Я понимаю, когда такие «фашистские» постановки «Набукко» идут в Австрии или Германии... Но еще одна аналогичная постановка «из жизни в тридцатых» в Новой Опере — думаю, это

слишком. К тому же, там ведь такой состав, что с ними можно ставить самые сложные творческие задачи. Вряд ли было разумным использовать таких артистов в политических спекуляциях на истории... попутно давая понять, что тебе одинаково плевать — и на подвиг народа, и на его нынешние терзания.

Аделаида: А вот я тоже думала, что в самой постановке нет нравственного стержня... Стоило убрать подвиг народа в Великой Отечественной войне, ограничившись «где-то в тридцатых» — так уже и угнетенный народ на сцене Новой Оперы превращается из борцов — в послушное стадо, которое гоняют из угла в угол.

Хор, конечно потрясающий, «им без разницы что петь», как говорит Ирина Анатольевна. Они в любом случае сделают это великолепно.

Дело происходит на станции метро, как символ бомоубежища того времени. Используются очень мрачные краски, т.е. все, за исключением трех персонажей, одеты в черное. Безрадостная жуть. Но режиссер решил сделать из оперы Верди... *такое*. Попросту говоря, *очередное* и *проходное*.

Угнетаемый иудейский народ захватил в плен дочь Навуходоносора (Набукко) красавицу Фенену, чтобы этим воспользоваться для всеобщего блага. Это кстати была единственная дама в белом платье. Фенена любит Измаила, иудейского юношу, он любит ее.

У Набукко есть еще одна дочь Абигайль, которая стремится к власти и хочет занять отцовский трон и при этом безответно любит Измаила и ненавидит, естественно, Фенену. Этот персонаж был написан красной краской. Сначала Абигайль была в красном платье, а потом оделась в военную форму нацистского образца, но тоже красного цвета.

Я вообще негативно воспринимаю женщин в военной форме, что-то вроде девиц легкого поведения, но с агрессивными наклонностями. Так вот, находясь в этом образе, она поет арии царицы, диссонанс полный. Где царицы и где девицы...

Ирина Анатольевна: Да, что-то красного на сегодня для меня многовато...

Аделаида: Слушайте дальше. Пришел первосвященник Захария и сказал, что иудейские воины подняли мечи, но не смогли отбиться, так как враг сильнее и поэтому все вынуждены теперь томиться в плену. Ну что ж, обыкновенное дело на войне. Но, если бы это происходило три тысячи лет назад! Может тогда иудейские воины и отбивались от кого-то там мечом, но только не в этом случае, т.к. на сцене толпа мятущихся иудеев, одетых по довоенной моде, напоминает движение планктона.



*Абигайль — Елена Попова. 21.03.2014.
Фото — Д. Кочетков*

Причем, мужчины либо в одежде раввинов, либо в длиннополых пальто с меховыми воротниками. Не знаю могут ли раввины брать в руки меч, но длиннополым мужчинам это делать крайне неудобно. Честное слово, лучше бы не переводили на русский, пели бы и пели по-итальянски, каждый сам себе слова нафантазирует.

Их же предупреждали, что теперь, что «На русском врать нельзя!».

Ирина Анатольевна: Кто б меня слушал...

Аделаида: Вот-вот, не слушаются старших, вот и получили фарс при наличии великолепных солистов, замечательного оркестра и умопомрачительного хора.

Когда поет хор Новой Оперы, я просто воспаряю в эмпиреи... или куда там положено. Натали, вы же помните, как я возбудилась по поводу хора еще на «Евгении Онегине» (представьте, теперь я стала даже узнавать их в лицо). Здесь задание было еще сложнее, им пришлось таскать друг-друга на носилках, изображая раненых товарищей, и вдобавок петь с этих носилок. Ну просто хоть глаза закрывай, чтобы не видеть это унижение.

Дальше тоже было не менее интересно. Раввины, одетые в ермолку (или кипу) и талит катан (слово «ермолка», кстати, происходит не от русского имени Ермолай, как толкуют его иногда русскоязычные израильтяне, а от слов йерэ малка — то есть «боящийся Владыки»), ходят среди народа и уговаривают молиться Господу. Ну а как же, мужественные иудейские мужчины не теряют присутствия духа ни при каких обстоятельствах. Потом, видимо, когда стало уже совсем тяжело и надо было поднять моральный дух еще выше, откуда ни возьмись появился виолончелист и стал играть.

О, как он играл... в руках Сергея Лушина виолончель просто пела.

К нему тихо и незаметно подтянулись барышни со скрипками, такие бледные изможденные пленом привидения, и сели полукругом. Они не играли, скрипки были бутафорские. Рядом крутился еще мужичок с чемоданом, ну думаю, сейчас он еще достанет из него аккордеон и они будут концерттировать в темнице, на краю расстрельной ямы, как это, видимо принято в приличном иудейском обществе. Нет не достал, и на том спасибо. Значит в плену, на краю могилы, под дулом автоматчиков, немощные, но смелые и музыкально образованные иудейские женщины держат при себе не теплые вещи, не кусок хлеба для ребенка...они идут на смерть со скрипкой в руках.

Ирина Анатольевна: Ох, Аделаида, это же отсыл к подлинной истории. Вы разве не знали? ...Хотя, лучше такое не поминать. Но, увы, уже напомним...

Натали: ...такое точно уж вспоминать не надо... запредельное... людей мучают, убивают, а кто-то продолжает играть на скрипке, надеясь продлить свое жалкое существование... бр-р-р...

Аделаида: Ой, а зачем такое вносить в ткань совершенно другого произведения?

Ирина Анатольевна: Вопрос, конечно же, актуальный, но нынешними режиссерами не услышанный. Увы...

Иногда искренне задумываюсь, а зачем нынче в опере — режиссеры? Музыканты нынче замечательные, даже голоса есть, а в Новой Опере состав солистов впечатляющий, а хор — выше всяких похвал! Зачем им... режиссер? Да еще и режиссер-ресторатор с внезапно возросшим национальным самосознанием?

То, что вы описываете... позволяет сделать вывод, что все эти «режиссерские находки» тупо мешают исполнять оперу замечательным артистам. Ну, отчего бы этим рестораторам — не оставить в покое оперу со своим «видением истории»? Ну, зачем оперу Верди использовать неприличным поводом прочесть мораль по крайне «актуальному поводу» — устраивать массовые убийства на этнической почве нехорошо!

Что, разве кто-то возражал против очевидного? Нет! Но у всех, между прочим, еще и родственники кровь проливали, чтобы такого больше не повторялось — ни в жизни, ни в ходе постановки оперы «Набукко».

Натали: Я тоже присоединилась бы к вашему мнению, Ирина Анатольевна, но давно слежу за творчеством художественного руководителя «Геликон-Оперы» Дмитрия Бертмана. На сегодня самое новаторское решение в постановке оперы «Набукко» — в Государственном большом театре в Пекине. Но все сцены поразительно напоминают давнюю постановку (2005 года) Дмитрия Бертмана на сцене Мариинского театра. Так что там было дальше, Аделаида?



Процесс сборки декораций к спектаклю «Набукко» в Мариинском театре, Санкт-Петербург

Аделаида: Потом... потом этих бедных иудеев гоняли то в подвал, то обратно. Загонят в подвал, я-то уж из своего знакомства с «лихими» 30-ми и 40-ми думаю: «Ну, все, сожгли изверги!» Ан нет, снова вылезают всем составом... Наконец, заточили страдальцев в клетку: с потолка спустились огромные решетки, изображающие узилище, и с двух сторон закрыли их от мира. Конечно, они кинулись на эти решетки, вцепились в них и снова начали петь с новой силой. О, как это больно смотреть на безвинно страдающих людей в темнице.

Но чудо, первосвященник Захария почему-то в клетку не попал, хотя где ему надлежало быть в тяжелую годину, как не в самой гуще своего народа?

Интересно, как ему это удалось? Просто ума не приложу. Он вышел на сцену, и снаружи, т.е. с воли стал ободрять народ и уговаривать не сдаваться. Но потом поднатужился, приподнял клетку и народ стал вылезать из-под нее.

Просто как тараканы из-под плинтуса (эстетически неприятное и унижительное зрелище). И это издевательство над моим любимым хором. Дамы, поверьте, я так страдала. Так страдала, что просто возненавидела режиссера-постановщика!

Ирина Анатольевна: Хм, говорите Захария снаружи ждал? Это уж, простите, напоминает мне Януша Корчака, который тоже почему-то был «снаружи», точнее на платформе за ограждением. Сложность его огромной трагедии в том, что он мог бы и не делать шаг за ограждение. Он, будучи евреем, почему-то не был в гетто и его немцы в лагерь не отправляли... Настоящая история, без неприличных «ассоциаций» тех, кому наплевать на историю каждого в отдельности и всех вместе, так сказать, «общим хором», — в том, что она немного другая. Там всегда есть скрытый и, как правило, намного более высокий смысл.

Когда-то Януш Корчак заходил очень далеко в своих заблуждениях. Он был поклонником «евгеники» и до войны даже добивался принудительной кастрации женщин из беднейших слоев общества. Человек противоречив! При этом он очень много делал, чтобы у сирот беднейших районов Варшавы было детство.

Нам всем свойственно ошибаться. Постановка «Набукко» в Новой Опере в таком виде — это тоже ошибка. Я представляю, насколько был бы великолепным спектакль, если бы режиссер пожалел

артистов и публику, дал бы сыграть оперу по-настоящему, без излишних сентенций. Ведь и истоки любой этнической чистки — в политических спекуляциях аналогичного рода. Думаю, режиссер уже понял свои ошибки и много бы дал, чтобы мы их не увидели. Однако они осуществились!

Вот и Януш Корчак во многом заблуждался, но тоже был вынужден столкнуться с торжеством тех идей, которые когда-то исповедовал... больше из обиды на собственную жизнь. Его отец сошел с ума, Януш, как врач, знал, что заболевание отца — наследственное. Он решил не иметь своих детей, посвятив жизнь чужим детям.

В принципе, все его «идеи» не имели никакого отношения к его реальной жизни, где он был просто подвижником. Но тут пришла война, и он увидел реализацию этих «идей» на практике. Все девочки-сироты должны были сдавать экзамен по истории Третьего рейха. Тех, кто не мог выучить всех партийных руководителей — кастрировали, как слабоумных.

Януш Корчак всю войну принимал сирот не только из Варшавского гетто, к нему вели сирот со всей Варшавы. И самое страшное в этой истории, что при ликвидации его детского дома — он, в отличие от своих воспитанников разных национальностей, имел выбор. И это был страшный выбор, касавшийся его прежних заблуждений. Но он, в отличие от музыкантов оркестра из Яновского лагеря, исполнявших танго смерти перед обреченными, — не смог оставить своих детей, шагнул за ограждение и прошел с ними скорбный путь до конца.

Его историю ведь тоже трактуют неправильно! Без этого важного дополнения, невозможно понять его истинную трагедию, вовсе не связанную с национальностью. Жизнь каждому заготовит свои «скелеты в шкафу», вне зависимости — ассириец ты или «угнетенный народ»... Но надо понимать, что величие Корчака в том, что он до конца пронес свой крест, он никогда не старался воплотить в жизнь те «идеалы», которых придерживался на словах. Даже его шаг за проволоку, не говоря ж об ежедневном труде на благо детей-сирот — все это было опровержением высказанных им когда-то идей.

Натали: А люди только сейчас начинают понимать, что иногда истинное величие в том, чтобы отказаться от первоначальных планов, идей... увидев, какое зло они могут принести в этот мир. Так, что там дальше было, Аделаида?

Аделаида: В общем, вавилоняне превратились в представителей тоталитарного режима, не очень понятно какого, но намеки все таки делались в сторону фашистов, конечно. Страдающий иудейский народ ни в кого не превратился и продолжал страдать от очередного режима.

Ирина Анатольевна: Дамы, знаете, что меня коробит. Конечно, Аделаида весьма вольно рассказала о режиссерской концепции, но мне кажется, что основную идею уловить можно. Там о страданиях плененного народа и не более, а автор, насколько я помню историю, должен был замахнуться на большее.

Но давайте, посмотрим на настоящие ассоциации автора оперы. Итак, 40-е года, но не XX века, а XIX века. Это же было время, когда Италия бурлила. Вон Натали помянула уже Гарибальди и его краснорубашечников, они ж не на ровном месте возникли. Их ждали, их призывали. Не просто страдали, а готовились к борьбе, те же рубашки шили (и не на фабрике, а близкие и родные женщины).

Натали: Да, да, позвольте, я тут успела и подходящую цитату найти.

В библейской легенде о страданиях порабощенного народа, положенной в основу либретто «Набукко», Верди прочел повесть о страданиях порабощенной Италии. И он сумел наполнить оперу мыслями и чувствами, волновавшими его соотечественников. «Набукко» был воспринят итальянцами как глубоко современное, несмотря на библейский сюжет, произведение. В скорбном хоре евреев, уведенных в рабство, первые зрители «Набукко» услышали повесть о страданиях итальянского народа под чужеземным игом. Пророчество Захарии о падении Вавилона воспринималось как предсказание об освобождении Италии.

Оба эти эпизода, принадлежащие к лучшим страницам оперы Верди, неизменно вызывали бурю в зрительном зале.

Освободительное движение нашло отклик и в сочинениях предшественников Верди. Но после создания «Вильгельма Телля» Россини прошло уже тринадцать лет. Горячо встречали итальянцы героическую «Норму» Беллини, появившуюся в начале 30-х годов. И с тех пор ни одну из шедших за эти годы опер не принимали так восторженно, как «Набукко». В этой опере они слышали нечто новое, хотя Верди еще шел во многом по пути, намеченному его предшественниками.

Либретто Солера, не свободное от ряда условностей, обычных для итальянских опер того времени, ... Не в запутанной авантюрно-любовной интриге центр тяжести сюжета. Не честолюбивой Абигаилле, не грозному Навуходоносору принадлежит здесь главное место. Их заслонил образ народа, его страдания, его гнев, его надежда на освобождение. Это было так близко к тому, что творилось в то время на родине Верди, в порабожденной, униженной, изнывающей под игом чужеземцев Италии. И неудивительно, что в либретто Солера страницы, повествующие о бедствиях, скорби и гневном чаянии избавления народа, оказались наиболее сильными и убедительными.

Солера был сыном карбонария; его отец участвовал вместе с Сильвио Пеллико в миланском восстании 1821 года и был заключен австрийскими властями в Шпильберг. Как и Верди, молодого Солера волновали освободительные идеи. И эти идеи нашли отражение в их совместном творчестве. В хорах «Набукко», торжественно-суровых, пророчески-грозных, воинственных, полных силы, энергии и скорбно-проникновенных, Верди передал чувства и помыслы народа. Именно за хоры так полюбили итальянцы эту оперу.

Да, и ещё, Ирина Анатольевна, специально для вас, как специалиста по эпосу

Страсти в этой опере еще не вполне персонифицированы. Герои воплощают не индивидуальные, но эпические эмоции. Но сам факт возможности появления страстей подобной силы на оперной сцене знаменателен!

Даже в ряду ранних опер Верди «Набукко» – явный феномен. Не случайно критики называли «Набукко» «драмой для хора» и даже «хоральной фреской», такое большое значение в опере играет хор. Хор пленных иудеев из «Набукко» сделался вторым национальным гимном. Именно он звучал при открытии Ла Скала после войны. На похоронах самого Верди и на похоронах Тосканини его пел народ.

Ирина Анатольевна: То, что хор из этой оперы стал *вторым национальным гимном* в момент формирования самой нации, в момент её наивысшего подъема — это безусловно первый признак актуальности произведения, его полного соответствия чаяниям людей, реализация их подлинных мыслей и чувств. На такое способен истинный сын своей Родины и великий художник.

Аделаида: Вот здесь и видна разница в замысле и звучащей музыки с режиссерской интерпретацией заявленного сюжета. Звук противоречит картинке. Музыка зовет к борьбе, преодолевая страдание, а в сценическом решении, только пассивное горе. И зачем такое?

Натали: Знаете, в 1972г был снят фильм «Мой остров синий» по пьесе итальянских драматургов П. Гарини и С. Джованнини «Ты герой, я герой» в постановке Московского цыганского театра «Ромэн». Здесь наши цыгане, которым в Великую Отечественную войну пришлось пострадать тоже немало, поскольку их преследовали по внешним признакам не меньше, предпочли в той же исторической эпохе «выступить» на стороне гарибальдийцев (в смысле, в их образе).

Ирина Анатольевна: Ну да, ну да... Это ж им близко «...мальчонка молодой. В красной рубашончке, хорошеенький такой.» Чем не гарибальдиец?

Натали: А ещё мне показался интересным вот такой момент

Не только предожухение 1848 года породило музыку «Набукко», но и другая революция, происходившая в то время, революция исторической мысли, археологии.

В то время вообще внезапно изменилось отношение к истории. Из скучной университетской науки она сделалась главной дисциплиной, изучаемой не в теории, а на практике. История была повсюду, творилась самой жизнью, и люди были взбудоражены живым дыханием перемен. В то же время неожиданно открылось и стало выходить из-под земли древнее прошлое.

В тот год, когда Верди поставил свою оперу в Ла Скала, археолог Ботта, французский консул в Мосуле, занимавшийся энтомологией и бывший не столько ученым, сколько удачливым кладоискателем, приступил к раскопкам древнего поселения близ Ниневии. Вслед за первым открытием последовали и другие. Древняя вавилонская цивилизация обрела определенные черты. То, что казалось лишь библейской притчей, неверным мифом, вдруг сделалось очевидной реальностью.

Раскопки в Междуречье всколыхнули всю Европу и распахнули историческое сознание европейцев. Клинопись, расшифровка древнего языка, крылатые быки и львы, город Вавилон с его воротами и садами, окруженный тройным кольцом стен, знаменитый зиккурат, и сам царь Навуходоносор вошли в мир XIX века.

Но еще прежде, чем археология сумела пережить и осмыслить свои великие открытия, библейская древность была возвращена Верди на мировой музыкальный небосклон под знаком новых эмоций, новых форм театрального представления, новых вокальных требований. Хотя в «Набукко» нет этнографического колорита, опера достигает археологической точности в масштабе передачи страстей. Укрупненность человеческих эмоций создает эффект глубокой древности, удаленности от нас.

Быть может, не случайно золотое десятилетие постановок «Набукко» пришлось на эпоху великих археологических открытий в Вавилоне. До середины 50-х годов прошлого века «Набукко» прошел почти во всех крупных европейских театрах.

Ирина Анатольевна: Да, чем неприятна «режопера», так это пренебрежением к заявленной в произведении исторической эпохе, которая послужила для автора источником вдохновения. Сюжет вписанный в подлинную историю, позволяет зрителю самому додумывать и интуитивно ощущать подлинную, зачастую глубинную мотивацию героев. А вырвав происходящее из неё и осуществив перенос в другое время, режиссер обрубаёт эти ниточки, подвешивает в новом, зачастую «безвоздушном» пространстве, персонажей и навязывает им и нам (зрителям) свою, иногда даже безнравственную трактовку, которую сложнее выявить в силу незнания, так сказать, «вводных».

Натали: А я хочу отметить, что и тогда публику интересовала подлинная жизнь давно уже ушедших людей, то что сейчас называется реконструкция. В этом я вижу настоящую любовь к человеку, настоящий интерес к его реальной жизни. И именно этого лишает зрителя данная трактовка произведения. Печально...

Аделаида: Какое счастье, что это было в опере, там есть еще на что опереться, помимо режиссерских новаторских решений. Музыка, гениальная музыка Верди, скажу я вам, вытянет все! И артисты, любимые артисты. Давайте я лучше расскажу о них.

Конечно же — это Борис Стаценко, исполнитель главной партии Набукко. Великолепный, сильный, красиво окрашенный голос. Я всегда так жалею артистов, когда оркестр всей мощью забивает певцу звук. Но со Стаценко такой номер не получился. Элементарно, децибел больше (это я для наших технарей сообщаю). И каких децибел... Стаценко живет в образе. Плачет и страдает, сходит с ума и повелевает народами. Ах? как ему пошла бы одежда вавилонского царя Навуходоносора. Я сидела и думала: «Милый, милый Борис, как вам подошел бы царский хитон и корона, а не эта непонятная генеральская форма, было бы стопроцентное попадание в образ».

Стаценко пел именно царя, а не режиссерского генерала. Генерал это все же несколько более прямолинейный образ. Одетый в красный мундир, украшенный эполетами и перевязью с двумя бриллиантовыми орденами, один из которых почему-то все время падал. То ли режиссерская задумка про двух дочерей, одна из которых стремится уничтожить отца и, соответственно, не может удержаться на отцовской груди, то ли просто костюмеры слабую застежку сделали, а солист, как настоящий профессионал, исправлял их косяк.



*Борис Стаценко, баритон.
Фото — Д. Кочетков*



Агунда Кулаева

На Стаценко надо ходить, его надо слушать. Во втором акте, когда была самая развязка сюжета, слушая Набукко, я поймала себя на мысли, что ехидство меня оставило и совсем не занимает сценический антураж, я просто следовала за мастером. Увлеклась и про все забыла, ах как это славно, скажу я вам...

Встреча с Агундой Кулаевой — любимой меццо-сопрано была как всегда радостной и счастливой. Жаль, что партия Фенены довольно небольшая, Агунду можно слушать бесконечно. Красивейший глубокий голос, объемный я бы сказала, такое чувство, что она пользуется только частью дарования, у нее всегда есть запас, она никогда не поет на пределе возможного, не достигает предельных величин (это я снова для наших технарей, которые понимают что технику не рекомендуется эксплуатировать на предельных показателях) и с децибелами, кстати, у нее тоже все в порядке.

Представьте себе, некоторые солистки берут высокие ноты на визге. А, извините, на визге и я возьму си бемоль второй октавы.

Ирина Анатольевна: Пощадите, голубушка.

Аделаида: Не хотите?! Ну и правильно делаете, неопрятное зрелище, скажу я вам... лучше и не вспоминать.

Ирина Анатольевна: Тогда, давайте завершим замечательным хором из «Набукко». Тем более сейчас любой гимн воспринимается весьма органично. Да и мне бальзам на душу, как-никак эпическое звучание.

Звучит эпический хор из «Набукко», дамы деловито разливают спиртное и устанавливают припасенную снесь...